

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 7

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 7

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrstu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2025. Vol. 47, No 7

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2025

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute
of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State
University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University
for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor,
Petrozavodsk State University, President
of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy
of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy
of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian
Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State
Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk
State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor,
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor,
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, European University
at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University
of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg
State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Professor, Russian State University
of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONozHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State
University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg
State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Professor,
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
(St. Petersburg, Russia)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Federal State University
of Education (Mytishchi, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science
Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University
"Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology,
V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University
of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ			
Бекасова Е. Н. К проблеме гетерогенности системы русского литературного языка в контексте теории альтер- наций И. А. Бодуэна де Куртенэ	8	Веред В. Т. Безличные конструкции как отражение языковой картины мира	77
Кюришнова И. А., Соболева А. Г. Словарь И. М. Дурова как источник изучения русской игровой лексики	14	Гао М. Паремии с компонентами-хрононимами в кон- тексте традиционных русских праздников: линг- вокультурологический анализ	83
Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Частицы в людиковском наречии карельского языка: семантика и классификация.	24	Мухин Н. А. Влияние полижанровости на перевод мемуар- ных произведений.	90
Руднев Д. В. Глоссирование в документах Петровской эпохи	28	РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Василенко А. Г. Особенности функционирования разговорной фразеологии и паремиологии в повести Ю. В. Три- фонова «Дом на набережной»	37	Пигин А. В. Книжно-рукописное собрание Олонецкого есте- ственно-промышленного и историко-этнографи- ческого музея.	97
Дьячкова И. Н. «Колотое копыто»: к семантико-мотивационной реконструкции севернорусской диалектной но- минации	44	Шереметов Н. А. Псковский канон Киево-Печерским преподоб- ным Антонию и Феодосию и его источники	110
Казаковцева О. С. Особенности употребления эпитетов в лирике Феофана Прокоповича	51	Память	
Семенова О. В. К вопросу о написании частицы <i>таки</i> в русском языке.	57	Захаров В. Н. Филология как наука, поэзия и творчество: к 85-ле- тию Татьяны Георгиевны Мальчуковой.	118
Рожкова А. В. Риторические фигуры в сочинении Феофана Прокоповича «Показание прореченного прежде в словесах Божиих и давно уже явившегося в мире Великого Антихриста».	65	Научная информация	
Каракин Е. В. Номинация рябого человека в карельском языке	72	Андреанова И. С., Зирка Ю. Д. Научный форум «Наследие А. А. Ухтомского и со- временность».	122
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал вошел в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», присвоен 2-й уровень (№ ДС/122-пр от 09.09.2025 года)

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIN PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.10.2025. Формат 60 × 90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 93

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики
и лингвистической поэтики
Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Л. Л. Шестакова

Larisa L. Shestakova,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (Philology), Chief
Researcher, V. V. Vinogradov
Russian Language Institute
of the Russian Academy
of Sciences

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

Очередной номер содержит статьи широкого тематического диапазона, полезные специалистам, научные интересы которых связаны с разными направлениями современной филологии.

Раздел «Русский язык. Языки народов России» открывается статьей о проблеме гетерогенности системы русского литературного языка с опорой на значимую и сегодня теорию альтернатив И. А. Бодуэна де Куртенэ (Е. Н. Бекасова, Оренбург). Способы введения глосс и их функции в текстах рассматриваются на материале разножанровых документов Петровской эпохи (Д. В. Руднев, Санкт-Петербург). Целый ряд статей этого раздела подготовлен учеными ПетрГУ. Как ценный источник для исследования русской игровой лексики предстает недавно изданный по архивной рукописи «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова (И. А. Кюршунова, А. Г. Соболева). С использованием семантико-мотивационного и других методов анализируются севернорусская номинация *колотое копыто* (И. Н. Дьячкова) и номинации рябого человека в карельском языке (Е. В. Каракин). Актуальность проблематики «маленьких» слов отражена в статьях о написании частицы *таки* в русском языке (О. В. Семенова) и семантике и классификации частиц в людиковском наречии карельского языка (Н. В. Патроева, Т. В. Пашкова). В рамках стилистики художественной речи исследованы эпитеты в лирике Феофана Прокоповича (О. С. Казаковцева) и риторические фигуры в его оригинальном сочинении «Показание прореченнаго прежде в словесех Божиих...» (А. В. Рожкова).

Отдельно упомянем статью, демонстрирующую полифункциональность устойчивых единиц в романе «Дом на набережной» Юрия Трифонова (А. Г. Василенко, Москва). Этой статьей журнал отмечает 100-летие со дня рождения выдающегося отечественного прозаика.

Вопросы теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики рассматриваются в работах, посвященных русским безличным конструкциям во внутриязыковом и межъязыковом аспектах (В. Т. Веред, Москва); особенностям русских паремий с обращением к китайской лингвокультуре (М. Гао, Москва); трудностям, возникающим при переводе сложных в жанровом отношении текстов (Н. А. Мухин, Москва).

Представляют важные результаты статьи, в которых изучаются первая книжно-рукописная коллекция Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея (А. В. Пигин, Санкт-Петербург) и источники создания Псковского канона Киево-Печерским преподобным Антонию и Феодосию (Н. А. Шереметов, Санкт-Петербург).

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА БЕКАСОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедр
русского языка и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный педагогический универ-
ситет

(Оренбург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-0630-2395; bekasova@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ГЕТЕРОГЕННОСТИ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ АЛЬТЕРНАЦИЙ И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

А н н о т а ц и я . В лингвистическом наследии И. А. Бодуэна де Куртенэ, ученого с мировым именем, особого внимания заслуживает теория альтернатив, долгое время находившаяся в центре его научных интересов и оставившая след в становлении фонологии и морфонологии. Предложенная Бодуэном де Куртенэ классификация альтернатив и специфика их реализации в диахронии и синхронии позволяют по-новому взглянуть на генетически соотносительные рефлексы праславянских сочетаний, которые являются непременным атрибутом исследований по истории русского литературного языка и определения его генезиса. Включение данных языковых явлений в различные типы альтернатив с учетом семасиологизации и морфологизации их функционирования в языковой системе позволяет раскрыть причины расхождения в судьбе разных групп рефлексов на русской почве. В частности, Бодуэн де Куртенэ объясняет неравномерность адаптации южнославянских рефлексов *tj и *dj, которая определила формирование смешанной альтернативы с рефлексом *dj в системе русского литературного языка. Вследствие этого формируется асимметрия альтернатив *tj и *dj, которая усиливается спецификой их реализации в определенной морфонологической позиции и наличием системных связей в полной парадигме глагольных и отглагольных образований. В отличие от них полногласные и неполногласные сочетания не нуждались в прохождении фонетического фильтра, а реализация внутри корня, где концентрируется основное семантическое значение слова, содействовала их семантическому и стилистическому расхождению.

К л ю ч е в ы е с л о в а : И. А. Бодуэн де Куртенэ, теория альтернатив, русский литературный язык, рефлекс праславянских сочетаний, альтернативы восточнославянского и южнославянского происхождения, типы морфонологических чередований, классические лингвистические труды

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бекасова Е. Н. К проблеме гетерогенности системы русского литературного языка в контексте теории альтернатив И. А. Бодуэна де Куртенэ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1226

ВВЕДЕНИЕ

Классические труды представляют ценность не только как феномен научного наследия, но и как теоретический и практический материал, представляющий значимость для дальнейших исследований. С этим согласуется утверждение О. Н. Трубачева о языкознании как науке возвратов:

«Получая в руки новые данные, мы **возвращаемся** к науке, “проигрываем” снова старые вопросы, старые решения и вдруг видим, что они вовсе не такие “старые”, но оживают вновь. Необходимо возвращаться к великим идеям прошлого» [18: 39].

Безусловно, здесь работает и формула И. Ньютона — стоять на плечах гигантов, чтобы ви-

деть дальше, но главное — обратить внимание на то, что сделано в прошлом. Бодуэн де Куртенэ объясняет востребованность наработок прошлого тем, что «иногда, несмотря на все усилия исследователей, нельзя открыть, действию каких сил, влиянию каких причин обязано своим существованием известное явление» (59)¹. Замечания Бодуэна де Куртенэ заслуживают особого внимания потому, что проблемы «строго научной оценки работы человеческого разума» (245) и «претензий на ученость в сочетании с меньшим невежеством» (244)² постоянно затрагиваются в его трудах.

Наука наполнена такими открытиями, которые отложены на какое-то время, но, судя по за-

мечаниям Бодуэна де Куртенэ, начало возвратов к прошлому предопределено постановкой правильных вопросов – «“почему?”» (а не “для чего”) и ответов: “потому что” (а не “для того чтобы”))» (59); брошенных вскользь пророческих замечаний, которыми наполнены труды ученых, не скованных шаблонами современных научных статей, отбором новой литературы, актуальностью и прочими требованиями. Классики писали по вдохновению, на основательном фактическом материале, «не насилюя и искажая факты на основании узкой теории» (55), не отказываясь «от результатов других»³ (66), получая «удовольствие от знаний и от познания» (221). Отсюда значительный след научной деятельности, побуждающей к результативным возвратам. В этой связи научное наследие Бодуэна де Куртенэ следует рассматривать не только как достояние русской и польской лингвистики, но и, как справедливо отметил В. В. Виноградов, как деятельность ученого «столь широкого диапазона, такой интернациональной ориентации», что его «следует рассматривать в плане развития мирового языкознания и мировой филологической науки» [7: 6].

Оценивая «живительную силу научного наследия» Бодуэна де Куртенэ, В. В. Виноградов подчеркивает его значение как «основателя фонологии, или “теории фонем”, и тесно связанной с ней теории фонетических альтернатив – чередований» [7: 12]. Вит. Дорошевский также особо отмечает авторство Бодуэна де Куртенэ в представлении «самого элементарного и благодаря этому самого основного лингвистического понятия, каковым является понятие чередования» [9: 21]. Действительно, «Общая теория фонетических альтернатив» (1895) относится не столько к выдающимся страницам лингвистических учений, сколько к «основным идеям, легшим в основу не только синхронной, но и диахронической фонологии» [14: 103]. Более того, из выдвинутых Бодуэном де Куртенэ разновидностей звуковых модификаций закономерно складываются разработки Н. С. Трубецкого, основателя отдельной лингвистической дисциплины – морфонологии [17: 9], а материалы исследования альтернатив по-прежнему представляют теоретически и практически значимый материал для дальнейшего исследования морфонологических явлений [8], [17], [19].

В связи с этим теория альтернатив Бодуэна де Куртенэ представляет особый интерес, обусловленный не только тем, что в классических трудах имеются ресурсы, которые могут быть востребованы современной наукой, но и как первый

опыт рассмотрения статуса чередований с генетически неоднородными альтернантами, что дает основание обратиться к наследию великого лингвиста с целью осмысления генезиса русского литературного языка.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Системный подход к языковым явлениям позволил Бодуэну де Куртенэ соединить внешнюю и внутреннюю историю языка [15: 64] и проследить связи, которые особенно показательны в разного типа альтернативах, поскольку, по мнению ученого, «ни в одном языке нет ни одного звука, который стоял бы в языке изолированно, не имея другого, альтернирующего с ним звука, так же как нет слова, к которому было бы неприменимо учение о звуковых альтернативах» (271). Такая системность, пронизывающая и прошлое, и настоящее языка, где «все живет, все движется, все изменяется», проявляется «в вечном перемещении мест сцепления дальше неделимых языковых единиц» (349) и позволяет по-новому взглянуть на генетически соотносительные рефлекс-ы праславянских сочетаний в истории русского литературного языка, которые достаточно рано стали рассматриваться как диагностические признаки восточнославянского и южнославянского происхождения, например, в «Лексиконе славяно-русском, имен толкование» (Киев, 1627) Памвы Беринды⁴.

Постепенно складывается научный взгляд на историю рефлексов и их функционирование в истории русского языка, что приводит к обязательной фиксации генетически соотносительных рефлексов в научных трудах при описании древнерусских памятников письменности, а в дальнейшем – и к их использованию как неизменных атрибутов построения гипотез и концепций происхождения русского литературного языка (подробнее см.: [1: 17–72]).

Однако одновременно выясняются значительные несоответствия в представленности гетерогенных рефлексов в отдельных рукописях: «распределение написаний типа *одежа* / *нощь*, свойственное древнерусским литературным текстам, не соответствует ни старославянскому (*одежда* / *нощь*), ни разговорному восточнославянскому (*одежа* / *ночь*)» [13: 259], более того, наблюдается «принцип совмещения оппозитивов» (Б. И. Осипов, В. В. Колесов): «...либо *городь*, с одной стороны, и *городь* / *градь* – с другой, либо *градь*, с одной стороны, и *градь* / *городь* – с другой» [13: 265]. Отсюда и разные мнения о статусе данных рефлексов в истории русского языка – от «неорганичности их происхождения»

(В. В. Колесов) до утверждения церковнославянского происхождения *жс* < *dj (Б. А. Успенский).

Теория альтернатив Бодуэна де Куртенэ дает возможность отойти от простой регистрации наличия гетерогенных элементов и перейти к осмыслению их как «ценностей», которые могут быть рассмотрены

«лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и морфологическими представлениями» [6: 226].

В соответствии с этим рефлекс праславянских сочетаний вписываются в соответствующие типы альтернатив. Бодуэн де Куртенэ считает, что их можно отнести к «рудиментарным корреляциям», «которые можно было бы сравнить с потухшими вулканами» (308), причины таких альтернатив коренятся в прошлом языковой системы, и с утратой действия закономерностей обнаруживаются только в результате историко-лингвистических исследований. По его мнению, такие палеофонетические альтернативы являются «иноязычно-природными двуязычными» (или «наполовину» иноязычными) (282), и именно их

«можно превосходно изучить на материале русского литературного языка, так как этот язык довольно долго подвергался сильному влиянию церковнославянского и вследствие этого обязан ему также значительным количеством альтернатив» (314).

Вхождение генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний в альтернативные ряды позволяет рассматривать их наличие в системе русского языка с точки зрения особенностей адаптации и взаимодействия начиная с XI века. В этой связи важным представляется объяснение Бодуэна де Куртенэ «отсутствия параллелизма между *šč* и *žd*» в заимствованных альтернативах, обусловленное тем, что в «церковнославянских памятниках не найдено сокращенного знака вместо *жд* вроде *m* вместо *шт*» (315) (подробнее о фонетической природе южнославянского по происхождению рефлекса *dj см.: [2: 8–21]). Таким образом, изначально южнославянские по происхождению рефлексы *tj, *dj на русской почве были поставлены в разные условия при прохождении фонетического фильтра, что в дальнейшем определило их расхождения в формировании альтернатив.

Бодуэн де Куртенэ постоянно подчеркивал, что «альтернирующими единицами могут считаться не фонемы, а целые морфемы» (273) или «даже слова» (301). Отсюда и различия альтернатив с разными рефлексами: с одной сторо-

ны, полногласие / неполногласие, реализующееся в независимой морфонологической позиции – чаще всего в корнях или в корнеморфах типа *город* / *град*, с другой – рефлексы *tj, *dj, которые, находясь на конце корневого морфа, позиционно зависимы, тем более в глагольных и отглагольных образованиях, входящих в полную морфонологическую парадигму [2: 22–64].

Утверждение Бодуэном де Куртенэ «семасиологической, или смысловой альтернативы морфем или целых слов» (273) закономерно приводит к выводу о том, что определенные отношения альтернантов, особенно генетически неоднородных, «могут сообщать оттенки грубости, абстрактности и так далее», например: «*га, ла / oro, olo, šč, žd / č, ž* в *гражданин / горожанин, глава / голова, превращать / ворочать*» (302). Особенно показательна семантическая и стилистическая дифференциация в группе слов с полногласием / неполногласием и примыкающей к ней группе «отдельных слов» (А. А. Шахматов), в которых практически не было фонетических запретов или позиционной избирательности определенных по происхождению рефлексов (более подробно см.: [2: 68–129]).

Таким образом, теория фонетических альтернатив Бодуэна де Куртенэ, к «которой он постоянно обращался в своей деятельности» [20: 95], представила исчерпывающую классификацию альтернатив, включая особенно показательные в характеристике генезиса русского литературного языка гетерогенные альтернативы, которые полностью вписываются в декларируемое ученым положение о смешанном характере языков и понимание им смешения как «начала всякой жизни» (363). При этом замечание Бодуэна де Куртенэ о том, что русский литературный язык «подвергался сильному влиянию церковнославянского» (314), лишает приверженцев старославянской (церковнославянской) основы русского литературного языка возможности включить великого ученого в свои ряды.

Более того, на фоне рассмотрения данных альтернатив с разных сторон (по возникновению – палеофонетические, традиционные; по происхождению – «иноязычно-природные двуязычные», восточнославянские / церковнославянские) Бодуэн де Куртенэ особо выделяет смешанные альтернативы типа *č||šč*, которые находят «в великорусском широкое применение» (317), что, по его мнению, только подчеркивает исконную природу русского литературного языка, поскольку близкородственные элементы входят в его систему, «не нанося ни малейшего ущерба чистой основе языка» (362).

В связи с этим решается вопрос об особом статусе *жд* на русской почве. Указанные Бодуэном де Куртенэ причины сложной адаптации южнославянского по происхождению рефлекса *dj объясняют различия судьбы гетерогенных рефлексов *tj и *dj в русском языке, которые до сих пор в науке рассматриваются как однотипные явления. Гетерогенные рефлексы *tj изначально были разведены по генетически соответствующим альтернамциям вследствие продуктивной ассимиляции южнославянского /um/. Для рефлексов *dj в древнерусский период наряду с восточнославянским типом сформировался смешанный тип альтернции⁵, что осложняет описания альтернций с рефлексом *dj в современном русском литературном языке. В частности, Е. А. Земская выделяет чередование {д(д')/ж/жд} [11: 93]; С. М. Толстая считает [жд] лексическим вариантом [ж] [17: 100]; в «Российской грамматике» имеются альтернционные ряды [д'–ж] и [д'–ж–шд'] для глаголов типа *будить* (воз-, по-, про-), *вредить* (по-) и др. [16: 675–677]; Л. Л. Касаткин представляет чередование фонем в виде {д/–/д'/–/ж/–/жд'/} [12: 116].

Положение Бодуэна де Куртенэ о том, что «альтернируют не отдельные фонемы, а целые морфы или даже слова» (301), позволяет указать на особенности альтернций в позиции

перед следующим за альтернантом морфом, что свойственно для рефлексов *tj и *dj и репрезентативно в полной морфонологической парадигме, ср.: *превращать* – *переворачивать*, *превращение* – *переворачивание*, *превращу* – *переворочу* и *преграждать* – *перегораживать*, *преграждение* – *перегораживание*, *прегражу* / *перегорожу* и др. Для полногласных и неполногласных сочетаний, свободных от позиционных ограничений, более важной является «смысловая альтернция морфем и целых слов» (274), особенно показательная там, где еще хранится память о фиксации в древнерусской письменности слов, отражающих христианское мировоззрение и связанные с ним представления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате своей теории альтернции Бодуэн де Куртенэ решительно ввел генетически соотносительные рефлексы праславянских сочетаний в систему взаимообусловленных и взаимозависящих языковых явлений русского литературного языка, что позволяет выявить достоверные механизмы адаптации и «встраивания» иноязычных элементов в систему принимающего языка в условиях отбора, взаимодействия и закрепления рефлексов в соответствующих альтернциях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее цитаты И. А. Бодуэна де Куртенэ с указанием страниц в круглых скобках приводятся по [5].
- ² В этом плане продолжением мыслей И. А. Бодуэна де Куртенэ являются работы А. А. Зализняка о том, что он деликатно назвал «любительской лингвистикой» (см.: [10]), и Е. Л. Березович о тех, кто ««прописан» в лингвистике изнутри» [4]. Подобный «образ действия» в науке Бодуэн де Куртенэ назвал «проституированием науки» (138). См. также: [3].
- ³ В связи с этим вызывает удивление характеристика кандидатом педагогических наук Г. Ш. Азитовой научной деятельности Бодуэна де Куртенэ: «У Бодуэна де Куртенэ не было учителей, он был самородком, в котором идеи и гипотезы рождались, творчески решались и воплощались в жизнь. Он был необычайно талантливым и всесторонне развитым ученым, который глядел в будущее и делал открытия, играючи, легко, независимо от мнения окружающих» (Теория и практика современной науки. 2015. № 4 (4). С. 16).
- ⁴ Например, соответствия «славенских» и «росских» форм типа *рождение* – *роженье* (109); *отвращение* – *отвороченье* (145); *помощь* – *помочь* (87); *заграждение* – *загороженье* (22) и др. (см.: Лексикон словеноросский Памви Беринди / Підг. тексту і вступ. стаття В. В. Німчука. Київ, 1961 (Институт мовознавства ім. О. О. Потебні; Пам'ятки української мови XVII ст.) [Фототип. воспр. изд. 1627 г.]).
- ⁵ Подробнее см. [2: 63–64].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста: Монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 208 с.
2. Бекасова Е. Н. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний): Монография. Brno: Tribun EU, 2016. 194 с.
3. Бекасова Е. Н., Устюгова Л. М. История русского литературного языка: время мутаций // Пятое Моисеевские чтения. Оренбург, 3–4 октября 2019 г. Оренбург: Оренбургская книга, 2019. С. 15–24.
4. Березович Е. Л. Псевдонаучные построения в современной лингвокультурологии // Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: В 2 ч.: Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Оренбург, 22–24 ноября 2018 г. Ч. 2. Оренбург: ООО Оренбургская книга, 2018. С. 132–138.

5. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 384 с.
6. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 388 с.
7. Виноградов В. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ [предисловие] // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 6–20.
8. Данилина Н. И. Славянская морфонология: эволюция системы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 3 (19). С. 67–76.
9. Дорошевский Вит. Об И. А. Бодуэне де Куртенэ [предисловие] // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 21–30.
10. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Миръ: Московские учеб., 2009. 240 с.
11. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта: Наука, 2005. 324 с.
12. Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М.: МГУ, 2003. 224 с.
13. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 294 с.
14. Красухин К. Г. Из истории исторической лингвистики: Бодуэн де Куртенэ и языковые изменения // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 98–122. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.98-122
15. Николина Н. А. Вопросы словообразования в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского // Русский язык в школе. 2015. № 7. С. 63–67.
16. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980. 783 с.
17. Толстая С. М. Морфонология в структуре славянских языков. М.: Индрик, 1998. 320 с.
18. Трубаев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. 286 с.
19. Шулъга М. В. Русская морфемика в типологическом аспекте // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Междунар. конф.: VI Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 18–21 окт. 2017 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Д. А. Мартыанова, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 2. С. 266–269.
20. Щерба Л. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке // Избранные работы по языкознанию. М.: Учпедгиз, 1957. С. 85–96.

Поступила в редакцию 11.02.2025; принята к публикации 02.06.2025

Original article

Elena N. Bekasova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-0630-2395; bekasova@mail.ru

STUDYING HETEROGENEITY OF THE SYSTEM OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF BAUDOUIN DE COURTENAY'S THEORY OF ALTERNATIONS

Abstract. In the linguistic heritage of Ivan Alexandrovich Baudouin de Courtenay, a world-famous linguist, the theory of alternations deserves special attention, as it has long been at the center of his scientific interests and has left a mark on the formation of phonology and morphology. The classification of alternations proposed by Baudouin de Courtenay and the specifics of their implementation in diachrony and synchrony allow us to take a fresh look at the genetically correlating reflexes of pre-Slavic combinations, which are an indispensable attribute of research on the history of the Russian literary language and the definition of its genesis. The inclusion of these linguistic phenomena into various types of alternations, taking into account the semasiologization and morphologization of their functioning in the language system, allows us to reveal the reasons for the discrepancy in the fate of different groups of reflexes on the Russian soil. In particular, Baudouin de Courtenay explains the uneven adaptation of the South Slavic reflexes * tj and * dj, which determined the formation of mixed alternation with reflexes * dj in the system of the Russian literary language. This resulted in the asymmetry of * tj and * dj alternations, which was enhanced by their specific realization in particular morphological positions and the existence of systemic connections in the complete paradigm of verbs and verbal derivatives. In contrast, full-vowel and non-full-vowel combinations did not need to pass the phonetic filter, and the implementation inside root, where the main semantic meaning of any word is concentrated, contributed to their semantic and stylistic divergence.

Key words: Baudouin de Courtenay, theory of alternations, Russian literary language, reflexes of pre-Slavic combinations, alternants of East Slavic and South Slavic origin, types of morphological alternations, classical linguistic works

For citation: Bekasova, E. N. Studying heterogeneity of the system of Russian literary language through the prism of Baudouin de Courtenay's theory of alternations. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7): 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1226

REFERENCES

1. Bekasova, E. N. Genetic background of Old Russian text: Monograph. Orenburg, 2010. 208 p. (In Russ.)
2. Bekasova, E. N. Mechanisms of heterogeneous organization of the Russian language system (based on reflexes of pre-Slavic combinations): Monograph. Brno, 2016. 194 p. (In Russ.)
3. Bekasova, E. N., Ustyugova, L. M. History of the Russian literary language: the time of mutations. *The Fifth Moiseev Readings*. Orenburg, 2019. P. 15–24. (In Russ.)
4. Berezovich, E. L. Pseudoscientific constructions in modern linguoculturology. *The Fourth Moiseev Readings: national and regional features of the language: Proceedings of the all-Russian conference (with international participation)*. Orenburg, 2018. Part 2. P. 132–138. (In Russ.)
5. Baudouin de Courtenay, I. A. Selected works on general linguistics. Vol. I. Moscow, 1963. 384 p. (In Russ.)
6. Baudouin de Courtenay, I. A. Selected works on general linguistics. Vol. II. Moscow, 1963. 388 p. (In Russ.)
7. Vinogradov, V. V. I. A. Baudouin de Courtenay [preface]. *Baudouin de Courtenay, I. A. Selected works on general linguistics*. Vol. 1. Moscow, 1963. P. 6–20. (In Russ.)
8. Danilina, N. I. Slavic morphology: evolution of the system. *University Proceedings. Volga Region. Humanities*. 2011;3(19):67–76. (In Russ.)
9. Doroshevsky, V. About I. A. Baudouin de Courtenay [preface]. *Baudouin de Courtenay, I. A. Selected works on general linguistics*. Vol. 1. Moscow, 1963. P. 21–30. (In Russ.)
10. Zaliznyak, A. A. From the notes on amateur linguistics. Moscow, 2009. 240 p. (In Russ.)
11. Zemskaya, E. A. Modern Russian language. Word formation. Moscow, 2005. 324 p. (In Russ.)
12. Kasatkin, L. L. Phonetics of the modern Russian literary language. Moscow, 2003. 224 p. (In Russ.)
13. Kolesov, V. V. Old Russian literary language. Leningrad, 1989. 294 p. (In Russ.)
14. Krasukhin, K. G. From the history of historical linguistics: Baudouin de Courtenay and linguistic changes. *Topics in the Study of Language*. 2021;2:98–122. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.98-122 (In Russ.)
15. Nikolina, N. A. Issues of word formation in the works of I. A. Baudouin de Courtenay and N. V. Krushevsky. *Russian Language at School*. 2015;7:63–67. (In Russ.)
16. Grammar of the Russian language. Vol. I. Moscow, 1980. 783 p. (In Russ.)
17. Tolstaya, S. M. Morphology in the structure of Slavic languages. Moscow, 1998. 320 p. (In Russ.)
18. Trubachev, O. N. In search of unity: the philologist's view of the question of the origins of Russia. Moscow, 2005. 286 p. (In Russ.)
19. Shulga, M. V. Russian morphemics in the typological aspect. *I. A. Baudouin de Courtenay and world linguistics: Proceedings of the VI Baudouin Readings (Kazan Federal University, 18–21 October 2017)*. Kazan, 2017. Vol. 2. P. 266–269. (In Russ.)
20. Shcherba, L. V. I. A. Baudouin de Courtenay and its significance for the science of language. *Selected works on linguistics*. Moscow, 1957. P. 85–96. (In Russ.)

Received: 11 February 2025; accepted: 2 June 2025

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет
ведущий научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-7232-8756; kiam24@mail.ru

АННА ГРИГОРЬЕВНА СОБОЛЕВА

аспирант кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0008-9221-6509; a.g.soboleva@yandex.ru

**СЛОВАРЬ И. М. ДУРОВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ИГРОВОЙ ЛЕКСИКИ**

А н н о т а ц и я . Цель статьи – показать лингвистическую ценность представленных в региональном этнографическом словаре диалектных данных при описании поля «Игра». Объект исследования – «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова, материалы которого еще не привлекались для лингвистического анализа лексической системы говора, что составляет новизну статьи. Значимость обусловлена тем, что этнографический словарь включает в структуру статьи сведения, не всегда учитываемые диалектными словарями. Таким образом, словарь Дурова становится основой для сбора информации по заявленной теме и его последующего рассмотрения в различных лингвистических аспектах (ономасиологическом, семантическом, этнолингвистическом, ареальном). В ономасиологическом плане изучаемые единицы отличаются вариативностью, что обусловлено разнообразием народно-разговорных названий в региональном социуме, отсутствием нормы в их становлении, незавершенностью этапа формирования номинации. В семантическом плане изучаемое поле членится на фрагменты, среди которых преобладают названия игр. Игровая лексика имеет особую культурную составляющую, позволяющую поставить эту группу в этнолингвистическую парадигму. Важность привлечения материалов Дурова заключается и в том, что в поморских говорах фиксируются черты древней новгородско-псковской миграции. Не менее интересны новообразования, родившиеся в частной системе диалекта и составляющие уникальность, специфичность изучаемого фрагмента языковой действительности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : словарь, И. М. Дуров, русские говоры Карельского Поморья, лексика игры, способы номинации, ареальная лингвистика, этнолингвистика

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование подготовлено в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кюршунова И. А., Соболева А. Г. Словарь И. М. Дурова как источник изучения русской игровой лексики // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 14–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1227

ВВЕДЕНИЕ

Диалектные словари часто становятся источником различных исследований, входящих прежде всего в сферу лингвистики. Например, работы О. И. Блиновой [2], Г. В. Калиткиной [6], Е. А. Нефедовой [10] и др. объединяет идея использования сведений диалектных словарей

при изучении не только лексической системы говора, но и традиционной духовной культуры народа. Для нашей статьи значимость работ этих авторов обусловлена привлечением к подобному анализу «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова¹.

Выбор словаря определен следующим: в нем фиксируются диалектные данные конца XIX – начала XX века, функционировавшие в Карельском Поморье, на территории, представляющей Русский Север. Русскоговорящее население региона сохранило в речи архаические черты на всех языковых уровнях в большей степени, чем в древних центрах (Новгороде и Пскове).

Методом сплошной выборки из словаря Дурова извлечены лексемы семантического поля «Игра». Обращение к этому фрагменту языковой действительности не является случайным. Игра, как известно, – неотъемлемая часть духовной культуры любого народа, а потому она часто входит в широкий спектр исследований гуманитарной направленности. Например, записи игр, сделанные И. М. Дуровым, находятся в поле зрения фольклористов и краеведов [7], [8], [14]. Однако анализ языковых особенностей игровых слов, зафиксированных в словаре, еще не был в поле зрения лингвистов.

Лингвистическая и этнолингвистическая специфика этой группы слов редко становится объектом и предметом исследования. В имеющихся на сегодняшний день статьях об изучении игрового пространства характеризуется состав диалектной игровой лексики, указаны ее семантические, мотивационные, ассоциативные особенности, специфика способов номинации, отмечается национально-культурная ценность этой группы слов [1], [3], [4], [9], [11], [12], [13] и др.²

Анализ материалов словаря Дурова органично встраивается в парадигму проведенных исследований. Однако научному сообществу представляются новые данные узколокальной системы севернорусского говора от середины XIX века до 30-х годов XX века, еще не становившиеся объектом специального комплексного лингвистического изучения, включающего такие аспекты, как ономастический, семантический, этнолингвистический, ареальный.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВАРЯ ДУРОВА КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Труд И. М. Дурова, созданный в начале XX века, исследователи ставят в ряд с известными региональными отечественными лексикографическими изданиями конца XIX века. Сам автор пишет, что в хронологическом и территориальном плане его словарь близок словарям Г. Куликовского и А. Подвысоцкого (Дуров: 17) и должен был заполнить нишу, образовавшуюся в лексикографическом описании севернорусских говоров после выхода словарей предшественников (Дуров: III).

Действительно, в центре внимания материалы, зафиксированные в русских говорах Беломорья, соотносимые с территорией Карелии.

Словарь не является строго лингвистическим, на что указывает слово «этнографический» в его названии. Это определение автора оказалось достаточно важным, а с информативной точки зрения необходимым для изучения лексики игры и ее особенностей в исследовании духовной культуры Поморья, поскольку в словаре через подробное описание реалий, явлений, действий находят отражение исторические, культурные, бытовые, природные, социальные особенности региона.

Так, современные диалектные словари, являющиеся по предмету и единицам описания преимущественно толковыми, редуцированно представляют информацию об игре. См. зоны толкования некоторых игровых слов в диалектных словарях: ЗАГАДА. *Игра*. Три ницы выпало, играешь в загаду. *Медв.* (СРГК: 2: 102); ЛЮЛЬКИ-КОЛЮЛЬКИ. *Игра (какая?)*. Арх: В-Т. Василия Степановича Колюлей прозвали, всё в люльки-колюльки играл (В-Т, Михалевская) (СГРС: 7: 194); МЁЛЬНИЦА. *Народная игра (какая?)*. Давайте мельницу играть. *Чуд.* (СРГК: 3: 221) и т. д. Как видим, в зонах толкования недостаточно сведений, чтобы понять, какие игровые действия связаны с названными играми и что стоит за самой игрой. Причиной такой подачи слова, например, в СРГК является решение редакционной коллегии: если «цитатный материал картотеки Словаря не раскрывает значения или имеет дефектный характер, при диалектном слове приводится только его значение и география» (СРГК: 1: 9).

Информативно ограничены и зоны иллюстрации, хотя именно их рассматривают «как гипертекст бесписьменной традиционной культуры» [6: 13], который «носит спонтанный, неподготовленный характер, что позволяет увидеть языковое сознание народа и именно ту его сферу, где проявляется отношение к миру, его видение, его оценка» [6: 13]. Иллюстрации в статьях словаря Дурова отличаются подробными описаниями, ср.:

«*Гусьями играть*. Детская массовая игра. Заключается она в следующем: все участвующие составляют стадо гусей и лебедей, кроме двух, один из коих становится хозяйкой, а другой волком. Гуси пасутся в поле, в то время как волк, притаившись где-либо в стороне, зорко следит за ними. Игра начинается кличем хозяйки нараспев: “Гуси-лебеди – домой!” Те отвечают: “Нам нельзя идти домой. / Что же так? / – Серый волк под горой. / Что делает? / – Сереньких да беленьких овечек ест. / Гуси-лебеди, домой!” При этих словах дети, подражая лету птиц, бегут к хозяйке, а волк старается кого-либо из них поймать. Пойманный отводится волком к себе в логово, а остальные при возгласе хозяйки: “Гу-

си-лебеди, в поле!» снова бегут обратно, и опять волк имеет одного из них. Игра эта продолжается до тех пор, пока волк не перетаскает у хозяйки всех птиц. После чего хозяйка и волк меняются ролями, и игра продолжается до тех пор, пока не надоест играющим. Сум.» (Дуров: 91).

Как видим, после толкования дан подробный сценарий игры, описаны основные атрибуты игры (игроки, время и место проведения, правила игры).

Объем и общая характеристика игровой лексики, представленной в словаре И. М. Дурова

Всего по теме «Игра» в словаре И. М. Дурова фиксируется 173 единицы, в структуре значения которых содержатся компоненты 'игра', 'игрок', 'игрушка', 'играть'. Учитывается также информация, косвенно соотносимая с семанти-

кой игры. Однако анализ собранного материала показал, что не вся игровая лексика дана в словаре в виде отдельных статей. Часть материала находится в иллюстративной зоне. Так, слово *кокотки* толкуется как 'седьмая фигура в игре камешками в козла' (Дуров: 174). Обращение к статье *камешками играть* показало, что в игре 15 фигур: *однёрки, двойки, тройки, все в руку, куця, дриссти, кокотки, помяло, колёно, не в щёлк, в щёлк, выпуск, листовка, козловы однёрки, козёл* Сум. (Дуров: 160). Однако остальные 14 из 15 фигур не представлены в словнике. Имеется еще ряд неучтенных Дуровым слов, обозначенных в статье знаком (*) и включенных в подсчеты³.

Собранный материал членится на семантические группы в соответствии с денотативным пространством игры и ее реалиями и отражен в табл. 1 в порядке убывания количества единиц в каждой группе (с сохранением написания в словаре).

Таблица 1

Table 1

Примеры игровой лексики в словаре И. М. Дурова

Examples of game vocabulary from Durov's dictionary

Собранный материал	Кол-во
Игры: баскамы играть, Бóриса женить, в битки играть, вертуг, волосянка, *в рюхи (рюхами играть; игра в рюхи), гусьями(ы) играть (играть гусьями), жгут (жгутишком играть; играть жгутиком), забава, золотце хоронить, играть золотыма воротами, играть мечком, играть циркой (циркой играть), играть шильцом, из-за стёнки (играть из-за стёнки), имушка (играть имушкой), камешками играть (играть камешками), капүстица (капүстицу полот), кислой круг (играть кислым кругом), *классы (об классах играть; о классах играть), коробка (отдавать коробку), король (короля играть, короля топтать), кости, краски (играть красками), круговая, лунками играть (в лунки играть; играть в лунки; о лунках), одинка парить, отдавать коробку, палочка (палочка-воровочка), парками ходить, попá гонять, продольня шахарда, стрельцем играть, стригу-стригу овечку, утушка, холовец, *хоронүшка (хоронүшкой играть), царь-Горóх (играть царём горóхом), шара гонять, Шүрика полстить, щильцем играть	41
Предметы, использующиеся в играх: балабалка, *баска, биток, бральница, гнездо, городки, гóсья, дика, жгут, жгутик, жох, *золотце, игромой, *камешек, *клёскальница, мецек (мецик), палка, палочка, плитка, поп, рюха (рюшка), флот, цирка, *шар, швыркунья, шилец (шильце)	26
Игровые действия: белишь, выиграть козёл, выскакать, галадавать, зажгать, зарубить, идти на голос, *имать, клескать, козырять, метатьце, наиграться, *обелишь, отдавать голос, парить, пёрнуть, плесать, сгүзать, транжирить, *тузить, *хоронить, цоркаться; (бегать) в догонку, озапуски	25
Фигуры, используемые в играх: в́ни, *все в руку, *выпуск, гнездо, *двойки, *дриссти, *в щёлк, *козёл, *козловы однёрки, кокотки, *колено, *куця, *листовка, *однёрки, *помяло, *тройки, *не в щёлк	17
Игровые локусы: *ворота, гóрод, городки, *горшóк, *закружье, класс, кон, *круг, лудник, лунка, сáло, *стёнка, *угол(ок), хоронүшка, *черта	15
Особые игровые специализации: *вы́шник, *другой, кали́ка переходна (кали́ка перехóжа), *ќраля, *лишн́ей, ма́тка (ма́тика), *ни́жник, *пёрвый, *позакружники, *сќиснувший, *стояльщик, *третий	13
Игровые персонажи: *во́лк(и), *гусь(и), *доброй молодец, *красна девица, *король, *овечка (*овца), *слуга, *хозяин, *хозяйка, *царь, царь-Горóх, *черт (*цёрт)	12
Игрушки: бобки (бобóчки, бобушки), вертушка, *камешки, кукла (ку́колка), побрякушка, пугаць, стрелка, стульчик, тарайдүшка, трещётка, шкүна (шкүнка)	11
Игровые выражения: под остаток, отдайте голос, ступай на голос, палки-балабалки, давать локти	5
Характеристика игроков: баклан, забава, заёда	3
Место проведения игр: бугра, игрище, полянка	3
Игровые явления: гал 'высота полета мяча при игре'	1
Игровые защитные слова: чур (щур)	1
Всего:	173

Несмотря на то что в словаре могли быть лакуны, обусловленные отбором материала автором⁴, фактологическую базу, связанную с изучением игровой лексики по данным этого лексикографического источника, можно считать в целом достаточной для включения в различные аспекты исследования. Каждый из них может претендовать на отдельное подробное описание и введен в более широкие сопоставительные (территориальные, языковые и под.) рамки. В статье описан возможный исследовательский контур каждого из них с опорой на описательный метод с элементами компонентного анализа, а также статистический, сравнительно-сопоставительный, ареальный.

Анализ игровой лексики, включенной в словарь И. М. Дурова

Способы номинации игровых слов. Высокая вариативность игровых слов позволяет обратиться к вопросу о способах их номинации. Как видим в табл. 1, наибольшая вариативность свойственна названиям игр (практически каждому названию игры соответствует два и более номинативных варианта). В таблице варианты указаны в скобках: *пáлоцька (пáлочка-ворóвочка); лúnками играть (в лúnки играть; играть в лúnки; о лúnках)* и т. д., а у Дурова – с помощью отсылочного толкования: «Бобúшки <...> То же, что Бóбки. Повс.» (Дуров: 32), «В лунки играть. См. Лунками играть» (Дуров: 32).

Взяв за основу материалы словаря Дурова, трудно понять, какая номинация является точкой отсчета – двусловная (*капúстицу полóть, королéя топтáть*) или однословная (*капúстица, корóль*). Статистические показатели дают возможность думать, что однословная номинация не была первичной, «чистых» однословных номинаций всего пять (*волося́нка, ко́сти, кругова́я, у́тушка, холóбец*), остальные (как например: *корóбка, пáлоцька* и др.) имеют варианты с глагольными сочетаниями, где глагол – составной элемент названия.

Большая часть вариантов обусловлена наличием или отсутствием в названии слова *игрáть* (*имушка / игрáть имушкой; крáски / крáсками игрáть*), а также его позиций в двусловной номинации (*гуся́мы игрáть / игрáть гуся́мы*). Здесь сложно определить какую-либо строгую закономерность в следовании компонентов. Вероятно, автор словаря в подаче материала идет за диалектоносителями, в речи которых одновременно могли употребляться разные варианты названия.

Возможность сохранения слова *игрáть* в структуре названия поддерживается номинациями с другими глагольными лексемами (см. в табл. 1: *гоня́ть, женíть, пáрить, полóть* и др.). При этом в конструкции с глаголом существительное чаще всего стоит в форме Тв. п. (*бáскамы игрáть, игрáть мéчком* и т. д.), где указывается преимущественно орудие игры; Вин. п. (*Бóриса женíть, зóлотце хоронíть* и т. д.), реже Род. п. (*игрáть из-за стéнки*). В некоторых случаях наблюдается диалектная особенность, заключающаяся в использовании беспредложного управления вместо предложного: *игрáть имушкой, игрáть царём-горо́хом; королéя игрáть, хорону́шкой игрáть* и т. д. вместо *играть в имушки, в царя-гороха; в короля игрáть, в хорону́шку игрáть*.

Характерно, что в Словаре русских народных говоров, отражающем широкую географию диалектов, названия игр с глагольным компонентом обычно квалифицируются как элементы устойчивого сочетания и маркируются знаком (◇), ср. примеры с глаголами: ◇ *игрáть барáном* 'играть в жмурки' Ряз. (СРНГ: 12: 67), ◇ *в беглого игрáть* 'играть в лапту' Дон. (СРНГ: 2: 169, 170) и т. д. В Словаре говоров Русского Севера в таких случаях может быть выбрана однокомпонентная номинация, ср. название игры *лúnки* 'игра, заключающаяся в том, чтобы загонять мячик в углубление в земле' Арх. (СГРС: 7: 162), при этом у Дурова *игрáть в лунки* (а также *в лунки играть, лунками играть* – 'одна из игр в мяч' (Дуров: 152, 59, 213)). Наличие однословных номинаций свидетельствует, с одной стороны, о неустойчивости фразеологизма, с другой – об особой функции глагола в названии игр.

Таким образом, факт существования вариантов в одной территориально ограниченной диалектной системе – это, без сомнения, важный показатель процесса поиска наилучшего способа номинации игры, свидетельство того, что данная группа лексики находилась в указанное время (начало XX века) на этапе формирования и процесс этот нельзя признать завершенным.

Семантический и этнолингвистический аспекты изучения игровых номинаций. Материалы, представленные в табл. 1, с разделением слов на группы можно считать своеобразной базой данных, идеографической сеткой поля «Игра» с интегрирующей семой 'игра'. Каждая выделенная группа слов – это фрагмент поля, между единицами которого существуют различные отношения: деривационные (*гал – галáдавать; хоронíть – хорону́шки* и т. д.); синонимические (*щилéц – цёрка; щильце́м игрáть – стрелёцо́м*

играть; *побрякушка* – *тарандушка* и т. д.); антонимические, противопоставленные в контексте игры (*слуга* – *король*, *волки* – *овцы* и т. д.) и др.

Как видим, количество слов, входящих в группы поля, неодинаковое. Преобладание названий игр обусловлено разнообразием развлечений и тем, что именно игра является центром денотативного игрового пространства, эти названия – самые актуальные члены поля. При этом за игровой лексикой с переносным значением стоит в большинстве своем метонимический перенос, формирующий такую семантическую транспозицию, которая заставляет задуматься о пограничном статусе игровой лексики, ее близости к специальной лексике, а также к фольклорному слову. В последнем случае сферой бытования является устная речь, характеризующаяся особым разговорным колоритом, заключающимся в выразительности, образности, особенно, вероятно, на начальных этапах появления самой игры как процесса.

Семантическая вторичность большей части слов игровой сферы, их соотношение с бытовыми реалиями, культурной средой социума, переосмысливавшего в игре картину мира, – косвенное свидетельство того, что игра занимала особое место в системе ценностей русского народа. В. В. Иванов и В. Н. Топоров высказывают мысль о том, что «детские игры в значительной степени сохраняют элементы схемы основного мифа или так или иначе связанных с ним ритуалов», поэтому их исследование в семантическом и этнолингвистическом ключе представляет дополнительный интерес [5: 71]. Игра со временем трансформировалась, оторвалась от мифа, обросла новообразованиями, обусловленными изменениями в правилах игры, отборе определенного количества участников игры и проч. Однако устойчивое использование в игре особых названий предметов, явлений, действий не может быть случайным.

Архаические верования, связанные с игрой. Кратко опишем возможные рефлексии древних верований, используя материалы словаря. Это названия границ, пространственных ориентиров (*класс*, *нижник*, *стénка* и др.); социальных ролей (*слуга*, *царь* и др.); мифических существ (*черт*); растений (*горóх*, *капу́ста* и др.); числовых рядов (*однёрки*, *дво́йки* и др.) и проч. номинации, определяющие многомерность поля и многообразие мира, окружающего человека. Например, через зоологический код (*волк*, *овца́* и др.) просматривается значимость представителя животного мира для социума, как следствие, наблюдается включение

отдельных названий животных в архетипическую оппозицию «свой – чужой». Так, при интерпретации игры *гусьями играть* (см. описание выше) обратим внимание на то, что в «чужой контекст» ставится *волк* – персонаж, с которым сопряжено злое начало, известное во множестве фольклорных нарративов. В различных ритуалах – свадебных, при лечении человека и скота – используются «волчьи» обереги (зубы, лапа, хвост, шерсть). Волк соотносится с чертом, нечистой силой, умершими, связан с лешим, с собакой (СД: 1: 411–418). Существенно, что в игре волк представляет опасность для овец. *Овца (овечка)* – это тоже мифологизированная жертва, являющаяся при этом самым востребованным домашним животным на севере из-за простоты ухода и использования в быту (шерсть, мясо). *Волк* в игре ловит *гусей-лебедей*, которые не дифференцированы между собой и с которыми также связан комплекс различных этнокультурных характеристик (демонологических, любовно-брачных, соотносимых с деторождением и др.) (СД: 1: 572–575; СД: 3: 88–89). Важная деталь игры – смена ролей волка и хозяйки, отражающая, как представляется, оборотничество.

Противопоставление «свой – чужой» видится и в названиях социальных ролей в игре (*ка́лика* *перехо́жая*, *лишн́й*, *хозяйн*). Некоторые из них являются инновациями, соотносимыми с христианскими реалиями (*нон*), здесь же календарные имена (*Бóрис*, возможно, *Шу́рик*).

Отмечено, что способом деления на «свое» и «чужое» являются различные структуры пространства (СД: 3: 11–12). К ним относим следующие игровые рубежи и зоны (*воро́та*, *го́род*, *круг*, *черта́* и т. д.), зафиксированные Дуровым. Особую значимость имеет *круг*, выступающий как граница замкнутого, охраняемого пространства (СД: 3: 11–12). Идея круга более характерна для хоровода, ср. с описанными в словаре хороводными играми: *женить*, *капу́стица*, а также представленная в играх *жгут*, *зо́лотце хоронить*, *кислый круг*, *круго́вая*. Вероятно, сюда следует отнести игру *го́род*, где «круговая геометрия» имплицитно усматривается в таких производных, как *городить*, *огородить*.

Ряд примеров, когда через изучение игровой лексики можно провести аналогии с ритуалами, обрядами, соотносимыми с различными видами деятельности человека в прошлом, может быть продолжен.

Ареальные особенности игровых слов, представленных в словаре И. М. Дурова. Анализ материала показал, что почти 60 % игровой лек-

сики, согласно словарю Дурова, имеет помету «Повс.» – «*повсеместно*», то есть бытует в селах и городах Карельского Поморья: Вирме, Выгострове, Кеми, Колежме, Нюхче, Сороке, Сумском Посаде, Сухом, Шижне, Шуерецком. Высокий процент слов исследуемого поля (почти 40 %) отмечен также в Сумпосаде, чье лексическое

пространство, как уже было сказано, Дуров знал лучше всего. Однако все ли они были только поморскими? Насколько поморский материал пересекается с данными по другим регионам? С этой целью сопоставим материалы Дурова с географией слов из СРНГ. Некоторые результаты совпадения игровых номинаций даны в табл. 2.

Таблица 2

Сопоставление игровых номинаций по территориям

Table 2

Comparison of game names by territories

Дуров	Арх. / Карг. / Онеж.	Новг.	Пск.	Петерб. / Ленингр.	Тихв.	Твер.	Волог. / Никол.	Костр. / Галич.	Вят.	Перм.	Свердл.	Моск.	Тул.	Яросл.	Ряз.	Калуж.	Курук.
39	22	6	8	4	3	6	5	3	1	2	3	4	3	3	2	1	3

Как видим, из 173 лексических единиц только 39 выходят за пределы Карельского Поморья.

Большая часть игровой лексики представлена только у Дурова и является поморской, узколокальной: *балаба́лка*, *верту́г*, *в щёлк*, *вы́пуск*, *га́ладава́ть*, *дри́сти*, *игра́ть цы́ркой*, *козло́вы одне́рки*, *ли́стовка*, *одне́рки*, *позакру́жники*, *помя́ло*, *сгу́зять*, *сту́льчик*, *стоя́льщик*, *шара́ гоня́ть*, *швырку́нья*, *шилэ́ц*, *Шу́рика по́лстить* и др. Именно эти названия отражают творческий потенциал местных жителей.

Возможно, часть лексем имела более широкую географию, их номинации трансформировались в условиях поморского диалекта. Так, игре *гуся́мы игра́ть* Сум. (Дуров: 91) соответствует игра *гуси-лебеди*, известная широкому кругу русских говоров Карелии (СРНГ: 7: 248). Подобное наблюдается в играх *стрельце́м игра́ть*, *одинка́ па́рить*, *волося́нка*. В последнем случае сумпосадская игра девочек *волося́нка* (Дуров: 64) перекликается по отдельным компонентам с игрой *тяну́ть голосо́янку*, известной Нижегород., Сев.-Двин. (СРНГ: 6: 329), где в основу положены разные мотивировочные признаки.

Думается, это закономерный процесс, когда в условиях периферийного региона развивается собственная лексическая база игры с разного рода особенностями названий игр, игрушек, предметов, игровых действий и т. п. Ареальную же вариативность, проявившуюся в игровой сфере, в данном случае можно рассматривать как особый признак системности идеографической сферы «Игра».

Небольшое количество узколокальных слов восходит к прибалтийско-финским основам, к которым присоединился исконно русский фор-

мант, свидетельствующий об адаптации слова в русской языковой системе: *лудник* ‘вырубленная во льду продолговатая ямка, являющаяся составной частью городка при игре в рюхи’ Сум. и фин. *luoto*, эст. *lood*, вод. *looto*, ливв. *luodo*, луд. *luod* ‘подводная скала, небольшой остров’ (РДЭС: 455); *тарайду́шка* ‘детская погремушка, деревянная или металлическая игрушка, наполненная шариками, издающими при качании раскатистый треск или грохот’ Повс. (Дуров: 402) и вепс. *taraita* ‘гремять, грохотать’ (РДЭС: 781). Неславянские основы отмечены также у игровых слов *ба́ска*, *бу́гра*, *флот*, *шкúна*, возможно, *чы́рка*.

Небольшой объем этой группы слов – показатель того, что лексика игры, несмотря на близкое соседство инославянских этносов, в большей степени – часть общерусского или даже общеславянского фонда.

Судя по показателям табл. 2, Карельское Поморье тесно связано с Архангельским Поморьем, то есть в СРНГ слова сопровождают географические пометы: Арх., Онеж., Карг., Мезен., Холмогор., Шенк.; нами учитываются также пометы Тер., Канд., Кольск. – терские говоры Белого и Баренцева морей. Эти территории схожи по признакам наибольшей географической близости, более тесным контактам, общности бытовых и культурных условий в прошлом.

См. примеры описания конкретных соответствий:

игра *ба́сками игра́ть* отмечена у Дурова в Сумском Посаде (Дуров: 24). Думается, с этой же территорией соотносится помета «Белом.» в (СРГК: 1: 44). При этом слово *ба́ска* ‘игральная бабка’, сопровождаемая иллюстрацией 1858 года: «Играем

в *баски*. Будемте играть *басками*» в СРНГ имеет пометы «Арх. Кольск., Онеж.» (СРНГ: 2: 131); здесь же, вероятно, как семантически производное учтем *баска* 'всякая детская игрушка; вещь, отданная детям как игрушка' Шенк. Арх. (Там же);

гал – 'высота полета мяча при игре' Сум. (Дуров: 72), ср. *В гал* – 'вверх (обычно высоко)' Арх. (СРНГ: 6: 103) и *галом* 'игра в мяч галом' Онеж. КАССР (СРНГ: 6: 116–117);

дйка – 'упавшая плоскою стороною наружу баска – биток при игре в бабки во флот' Повс. (Дуров: 98), ср. 'то же' Арх. (СРНГ: 7: 55);

название *играть золотыма воротами* бытует в поморских Сумпосаде, Вирме, Колежме (Дуров: 152) и в пермских говорах (СРНГ: 11: 333). При этом именно сведения из словаря Дурова содержат данные о правилах игры, поскольку в пермских материалах сохранилось только название. Такую игру знали в Архангельской области, где фиксируется слово *ворота* с игровой семантикой 'проход, который образуют пары во время игры' Онеж. (СРГК: 1: 229).

В группу региональных соответствий включаем также слова *бральница*, *ворота*, *закружье*, *имушка*, *кислой круг*, *клескать*, *палочка* (*палочка-воровочка*).

Остальная часть поморских материалов имеет более широкую географическую привязку, отражающую связь с древними центрами Руси, историей появления русских в Карелии. О новгородско-псковской миграции свидетельствуют зафиксированные у Дурова лексемы *бобки*, *бобочки*, *бобушки*, *город*, *городок*, *двойки*, *жгут*, *жгутить*, *зарубить*, *капустница*, *король*, *королёк*, *овёчка*. Эти слова известны и другим говорам Русского Севера, также испытавшим воздействие Новгорода и Пскова, и сопровождаются в СРНГ такими пометами, как Петерб. (Ленингр.), Тихв., Твер., Волог., Костр. Связь с Москвой обозначена в меньших объемах такими лексическими единицами: *вышник*, *жох*, *кости*.

Отдельные лексемы имеют достаточно узкий территориальный коридор, указывая на связь поморских диалектов с каким-то одним говором, являющимся географически сопредельным. Например, слова *белить*, *женить*, *бугра*, *гос(т)ья*, *плитка* отмечены помимо Карельского Поморья еще и в вологодских говорах: *госья* – 'при игре в рюхи: рюха, выбитая с городка, но вылетевшая от удара вне черты городка' Сум. (Дуров:

86), ср. *госья* 'при игре в городки – рюха, которая падает впереди передней черты' Волог. (СРНГ: 7: 98); *плитка* – 'в игре в бабки плоский камешек или оловянный плиткообразный слиток' Повс. (Дуров: 302), ср. 'то же' Волог. (СРНГ: 27: 141).

Итак, географическое распределение игровой лексики связано с освоением Севера русскими, с тем, что в пределах региона создается собственный уникальный игровой ландшафт, имеющий по преимуществу общерусскую базу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова – важный источник исследования лексической системы северного диалекта, ограниченного территорией карельского берега Белого моря. Представленная в нем лексика игры отличается большей целостностью описания, чем в современной диалектографии, что обусловлено этнографической направленностью словаря, позволяющей изучить отобранные материалы в различных аспектах, каждый из которых претендует на отдельное подробное описание и в перспективе может быть включен в более широкие сопоставительные (территориальные, языковые и под.) рамки.

Как оказалось, даже на небольшой территории игровому пространству свойственна высокая вариативность, связанная с поиском оптимальной номинации. Семантический анализ показал многообразие тематического поля «Игра», обладающего всеми признаками системности. Оно делится на группы, среди которых наиболее востребованы названия игр, что свидетельствует о важности игрового процесса для диалектного социума и об отражении в игровых номинациях значимых элементов, представляющих рефлекс древних верований, различные коды народной культуры. Особо выделяется архетипическое противопоставление «свой – чужой», в которое вписывается достаточно большое количество кодов. Ареальный подход показал, что определенная часть игровой лексики – результат модификаций названий внутри говоров Поморья, жители которого или преобразовали имеющиеся слова игрового общерусского и общеславянского пространства, или создали собственные номинации на этой базе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово «язык» в названии словаря следует считать условным, за ним стоит обозначение русских говоров Карелии. Согласно словарю Дурова, это материалы, записанные в селах и городах Карельского берега Бе-

лого моря: Вирма, Выгостров, Кемь, Колежма, Нюхча, Сорока, Сумский Посад, Сухое, Шижня, Шурецкое. Это узкая полоса вдоль западного берега Белого моря. Язык этой части отнесен диалектологами по карте 1915 года к Поморской группе севернорусских говоров (Опыт: 19–21). Словари цитируются в статье в круглых скобках. Указывается сокращенное название словаря; том, выпуск, страница разделяются двоеточием.

- ² Подчеркнем также важность региональных словарных проектов по Уралу и Среднему Приобью. В первом случае лексика игры входит в сферу этноидеографического описания русских говоров Свердловской области (Востриков), во втором соотносится с «детской» сферой традиционной культуры, составной частью которой является игра и лексика, ее отражающая (Словарь детства).
- ³ Звездочка ставится при словах с реконструированным лексико-семантическим вариантом слова. Так, игровые предметы достаточно прозрачно обрисованы в названии игры и в иллюстрациях. В таких играх, как *зóлотцё хоронить*, *бáсками играть*, игровыми предметами были *зóлотцё*, то есть небольшой предмет, выполняющий роль золота в игре, и *баска* – бабки, суставная ножная кость у животного, используемая как биток. Последняя применялась также при играх *в рюхи* и *во флот*. Эти слова не отмечены Дуровым в качестве названий игровых предметов. Оставлены в игровом пространстве слова, ошибочно отнесенные Дуровым к диалектным (*в́ини*, *городкíй*, *забáва*, *кон*, *ку́кла*, *пугáч*).
- ⁴ И. М. Дуров по невыясненным причинам не включил в состав словника слова: *колюкушкой*, *коришун*, *купонка*, *наклонно*, *почталионом* и некоторые другие, представленные в его архивных записях [7].

СЛОВАРИ

Востриков – Востриков О. В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. IV. Досуг. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2000. 161 с.
Дуров – Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.

Опыт – Опыт диалектологической карты русского языка в Европе: с приложением очерка русской диалектологии / Сост. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. М., 1915.

РДЭС – Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1064 с.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2014. Т. 1–5.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2018. Т. 1–7.

Словарь детства – Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / Под ред. М. М. Угрюмовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 200 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК) / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1995–2005. Вып. 1–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.; СПб: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахвалова Т. В. Игровая лексика как фрагмент номинативного пространства орловских говоров // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. Вып. 8 / Отв. ред. Т. В. Симашко. М.; Северодвинск: БИБКОМ, 2017. С. 87–94.
2. Блинова О. И. Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 78–82.
3. Брыкина Е. В. Диалектные названия игр в донских казачьих говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. СПб.: Наука, 2004. С. 300–306.
4. Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.
5. Иванов В. В., Топоров В. Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970) / Сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 44–76.
6. Калиткина Г. В. Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (статья 1) // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 12–19.
7. Лойтер С. М. Из коллекции И. М. Дурова «Детские игры и развлечения, записанные в Сорокско-Кемском районах Беломорья» // Живая старина. 2005. № 1. С. 36–38.
8. Лойтер С. М. Краевед И. М. Дуров и его коллекция поморских детских игр // Живая старина. 2005. № 1. С. 33–35.
9. Михайлова Л. П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии. Петрозаводск, 2004. 288 с.

10. Нефедова Е. А. «Архангельский областной словарь» как источник этнолингвистической информации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 6. С. 66–76.
11. Никифорова О. В. Лексическое пространство нижегородских говоров: наименования игр // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018: Сб. тр. междунар. науч. конф. / Отв. ред. Н. Б. Самсонов. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2018. С. 37–41.
12. Толстые Н. И. и С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 240 с.
13. Угрюмова М. М. Игровая лексика в говорах Среднего Приобья // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 46–53. DOI: 10.17223/15617793/452/5
14. Урванцева Н. Г. Краевед Иван Матвеевич Дуров (1894–1938): Библиографический указатель // CARELiCA: Научный электронный журнал. 2024. Вып. 1 (31). С. 59–90. DOI: 10.15393/j14.art.2024.202

Поступила в редакцию 20.01.2025; принята к публикации 02.06.2025

Original article

Irina A. Kyurshunova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Petrozavodsk State University, Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7232-8756; kiam24@mail.ru

Anna G. Soboleva, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0008-9221-6509; a.g.soboleva@yandex.ru

IVAN DUROV'S DICTIONARY AS A SOURCE FOR STUDYING RUSSIAN GAME VOCABULARY

Abstract. The purpose of the article is to show the linguistic value of dialect data presented in a regional ethnographic dictionary for describing the “Game” field. The object of the research is the *Dictionary of the Living Pomor Language in its Everyday and Ethnographic Use* compiled by Ivan Matveevich Durov. This dictionary has not been used for the linguistic analysis of the dialect lexical system, which constitutes the relevance and novelty of the article. The importance of this research is due to the fact that entries of ethnographic dictionaries include information that is not always taken into account by dialect dictionaries. Thus, Durov’s dictionary becomes an important source for collecting information on the stated topic and its subsequent examination in various linguistic aspects (onomasiological, semantic, ethnolinguistic, and areal ones). From the onomasiological perspective, the studied lexical units are characterized by variability, which is due to the diversity of vernacular names in regional communities, the lack of norms regulating their formation, and the incompleteness of the stage of nomination formation. Semantically, the field under study is divided into fragments, with game names prevailing among them. The game vocabulary includes a special cultural component, which makes it possible to place this group into the ethnolinguistic paradigm. The importance of using Durov’s materials is also conditioned by the fact that the Pomor dialects reveal some features of the ancient Novgorod-Pskov migration. Another interesting category of vocabulary is newly coined words that emerge in a particular dialect system and reflect the uniqueness and specificity of the studied fragment of linguistic reality.

Key words: dictionary, Ivan Durov, Russian dialects of Karelian Pomorye, game vocabulary, nomination methods, areal linguistics, ethnolinguistics

Acknowledgements. The study was conducted as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kyurshunova, I. A., Soboleva, A. G. Ivan Durov’s dictionary as a source for studying Russian game vocabulary. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):14–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1227

REFERENCES

1. Bakhvalova, T. V. Game vocabulary as a fragment of the nominative space of Oryol dialects. *Problems of conceptualization of reality and modeling of the linguistic picture of the world: Collection of scientific papers*. Issue 8. (T. V. Simashko, Ed.). Moscow; Severodvinsk, 2017. P. 87–94. (In Russ.)
2. Blinova, O. I. Folk speech culture through the lens of a lexicographic text. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Humanities (Philology)*. 2005;3(47):78–82. (In Russ.)
3. Brysina, E. V. Dialect names of games in Don Cossack dialects. *Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research), 2001–2004*. St. Petersburg, 2004. P. 300–306. (In Russ.)

4. Vendina, T. I. The anthropology of the dialect word. Moscow; St. Petersburg, 2020. 684 p. (In Russ.)
5. Ivanov, V. V., Toporov, V. N. Invariant and transformations in mythological and folklore texts. *Typological folklore studies: Collection of articles in memory of V. Ya. Propp (1895–1970)*. (E. M. Meletinsky, S. Yu. Nekludov, Eds.). Moscow, 1975. P. 44–74. (In Russ.)
6. Kalitkina, G. V. Dialect dictionaries as a linguistic and cultural source: an attempt at tradition reconstruction (article 1). *Tomsk State University Journal*. 2006;291:12–19. (In Russ.)
7. Loyter, S. M. Excerpts from Ivan Durov's collection "Children's games and entertainment recorded in the Soroka and Kem districts of the White Sea Region". *Zhivaya starina*. 2005;1:36–38. (In Russ.)
8. Loyter, S. M. Local historian Ivan Durov and his collection of Pomor children's games. *Zhivaya starina*. 2005;1:33–35. (In Russ.)
9. Mikhaylova, L. P. Regional history in vernacular languages. Russian dialects of Karelia. Petrozavodsk, 2004. 288 p. (In Russ.)
10. Nefedova, E. A. The Arkhangelsk regional dictionary as a source of ethno-linguistic information. *Lomonosov Philology Journal*. 2018;6:66–76. (In Russ.)
11. Nikiforova, O. V. Lexical space of Nizhny Novgorod dialects: names of games. *The rational and the emotional in the Russian language – 2018: Proceedings of the international research conference*. Moscow, 2018. P. 37–41. (In Russ.)
12. Tolstoy, N. I., Tolstaya, S. M. Slavic ethnolinguistics: theoretical issues. Moscow, 2013. 240 p. (In Russ.)
13. Ugryumova, M. M. Gaming vocabulary in the Middle Ob dialects. *Tomsk State University Journal*. 2020;452:46–53. DOI: 10.17223/15617793/452/5 (In Russ.)
14. Urvantseva, N. G. Local historian Ivan Matveevich Durov (1894–1938): Bibliography. *CARELiCA*. 2024;1(31):59–90. DOI: 10.15393/j14.art.2024.202 (In Russ.)

Received: 20 January 2025; accepted: 2 June 2025

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3836-6393; nvpatr@list.ru

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0505-4767; tvpashkova05@mail.ru

**ЧАСТИЦЫ В ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА:
СЕМАНТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ**

А н н о т а ц и я . Авторы обращаются к рассмотрению одной из групп карелоязычных дискурсивных слов – частицам на материале людиковского наречия карельского языка. Исследование носит актуальный характер, так как грамматический и лексический строй языка карелов-людиков малоизучен. Научная новизна представленного изыскания определена отсутствием комплексного анализа партикул в людиковском наречии карельского языка. Целью исследования является систематизация партикул с позиции их семантики и функционирования. Исследование выполнено с применением метода функционально-семантического описания. Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что авторами впервые проведена классификация партикул в людиковском наречии карельского языка с опорой на данные карельских грамматик и словарей. Результатом работы стало выявление девяти разрядов частиц людиковского наречия, определение наиболее широких по составу элементов функционально-семантических групп, что позволяет прийти к выводу о сформированности кластера партикул в системе дискурсивных слов людиковского наречия карельского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карельский язык, людиковское наречие, морфология, дискурсивные слова, семантика, партикула, частица

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-000992, <https://rscf.ru/project/23-28-00092/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Частицы в людиковском наречии карельского языка: семантика и классификация // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 24–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1228

ВВЕДЕНИЕ

Отечественными и зарубежными исследователями карельского языка была проведена большая работа по созданию сравнительного описания и анализа фонетической, фонологической и морфологической систем всех карельских наречий, отраженных в опубликованных и рукописных дескриптивных описаниях диалектов, а также в нормативных грамматиках (см., например, [2], [6], [11], [12], [13] и др.). В 2019 году вышло из печати разноаспектное исследование грамматики карельского языка «Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем» [4], в котором нашло отражение сопоставление некоторых раз-

делов грамматики. Однако многие грамматические аспекты людиковского наречия остаются вне поля зрения исследователей. В настоящее время изучены фонологический строй [1], [14], [15], отдельные разделы морфологии, а также синтаксиса [3], [7], [8], [9]. Целью данной работы является анализ карелоязычных партикул, функционирующих в людиковском наречии. Стоит отметить, что ранее авторы обращались к изучению системы частиц на материале других наречий карельского языка. Так, например, в 2021 и 2023 годах опубликованы исследования, посвященные анализу функционирования и классификации частиц в ливвиковском и собственно карельском (на материале тверского диалекта) наречиях карельского языка [5], [6].

Несмотря на большой интерес кареловедов к фонетической и морфологической системам карельского языка, а также к его лексическому строю, синтаксис исследован весьма слабо. Многие аспекты синтаксического строя людиковского наречия карельского языка, в частности роль дискурсивных слов в структурно-семантической организации устного и письменного текста, еще не становились объектом исследования ученых. Единственным исследованием по синтаксису карельского языка остается монография В. П. Федотовой «Очерк синтаксиса карельского языка» [10], в которой представлено фрагментарное описание частиц, однако примеры из людиковского наречия оказываются маргинальными либо отсутствуют.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Частицы являются важным средством формирования дискурса, выражения оттенков мысли, чувства и интенций адресанта, авторизации и диалогизации связного целого. Изучение частиц представляется особенно актуальным с точки зрения дальнейшего развития таких новейших направлений лингвистики, как функциональная грамматика, коммуникативный синтаксис, прагмалингвистика, генристика, контрастивная грамматика на материале малоизученных языков.

На основе семантико-функционального критерия в людиковском наречии карельского языка можно выделить девять групп частиц. *Первую* составляют *вопросительные частицы* со значениями удивления, недоумения, сомнения: *-go* 'ли, разве': *loitongo sina olid?* 'далеко ли ты был?', *ettego tüö varaikoi külmändad?* 'разве вы не боитесь холода?'¹; *bo* 'ну и': *midabo?* 'ну и чего?', *kusbo?* 'ну и где?'²; *ik* 'ли': *oledik työ täst ende?* 'бывали ли вы раньше здесь?'³.

Ко *второй группе* – *императивные, или побудительные, частицы* – нами отнесены следующие партикулы: *-vai* 'ка': *sanele vai!* 'расскажи-ка!'; *ka* 'ну': *ka voim sanelta* 'ну, могу рассказать'⁴.

Третья группа включает *модальные частицы*, которые выражают предположительность, неуверенность, желательность и зачастую сопровождаются вопросительной или восклицательной интонацией: *kaku* 'как будто, словно': *därvüüd on kaku zirkkaloine* 'озеро как будто зеркальце'; *ku* 'словно': *ku linduine pajošt heläidoitti* 'словно птичка песенку он распевал'⁵.

Четвертую группу составляют *неопределенные частицы*: *-taht* 'либо': *ken-taht* 'кто-либо', *konz-taht* 'когда-либо'⁶; *-ni* 'нибудь': *ken-ni* 'кто-нибудь', *konz-ni* 'когда-нибудь'⁷.

К *пятой группе* – *ограничительные частицы* – следует отнести *vai, vaiku, vaste* 'только': *niitetah vai heinäd* 'косят только сено', *vaiku reigud kaivada* 'только дырки просверлить'⁸.

Шестая группа – *утвердительные частицы*. К ней следует отнести две частицы: *k, ka* 'да, а' и *muga* 'да': *loitoks om mändä k et kaikkid mušta* 'далеко туда ходить, да не всех помнишь'⁹; *it'kob varoi*: "oi, sina, kondii, ed voi toižiile abutada, ka paremb ičele abuta!" 'плачет ворона: "Ой, ты, медведь, не можешь другим помочь, а лучше себе помоги"'¹⁰; *muga salvo siid oli, nimid ei suadu* 'да сруб тут и стоял, нет, ничего не доставали'¹¹.

Седьмую группу составляют *отрицательные препозитивные частицы*. Они могут писаться как раздельно, так и через дефис: *ni* 'ни': *ni kelle* 'никому'; *iele* 'не-': *iele-kus* 'негде', *iele-kuspiä* 'неоткуда', *iele-kunna* 'некуда'¹²; *nien tiijänny nimidä, daže en voinu pakita ičele ni vetty d'uoda, ni leibäd palašte, ni luzikkad kädeh ottada* 'ничего не знала, даже не могла для себя ничего попросить: ни воды попить, ни кусочка хлеба, ни ложку в руку взять'¹³.

Восьмая группа – *усилительные частицы* – является самой объемной по составу партикул: *-bo, -se, -žo* 'же': *tuat-se* 'отец же'; *kenbo* 'кто же?'; *midabo?* 'чего же?'; *kusbo?* 'где же?'; *sežo* 'тот же'¹⁴; *daze, dažo* 'даже': *daže kävütti sinnä niittämäh virstat kümмене Kivimägen'selgäle* 'даже косить ходили верст за десять на сельгу Кивимяги'¹⁵; *ozaks monil starinoil on hyvä loppu, erähäd kažid eletäh nyguu dažo Suomesgi!* 'к счастью, у многих сказок хороший конец, некоторые кошки живут сейчас даже и в Финляндии'¹⁶; *gi* 'и': *sil aigal Pyhärvesgi avaiduttih kursad lyydin dialektalgi* 'в это время в Святозеро открыли курсы и на людиковском диалекте'¹⁷; *hod* 'хоть': *Oi, diedoi, diedoi, anda ma šilei piäd ečän hod' jälgimäižen kieraižen!* 'Ой, дедушка, дедушка, дай я у тебя в голове поищу хоть последний разок!'¹⁸.

Заключительный – *девятый* – функционально-семантический разряд включает эмоциональную (восклицательную) частицу *kat* 'как': *voi kut vacan kibištai!* 'ой, как живот болит!'; *kut tämä hiil' lököttai* 'как этот уголь полыхает!' (ср. состав группы в тверском диалекте [5: 259] и ливиковском наречии [6: 683]).

ВЫВОДЫ

Таким образом, опираясь на обширную источниковую базу, нам удалось выявить девять групп частиц: вопросительные, императивные, модальные, неопределенные, ограничительные, утвердительные, отрицательные, усилительные, эмоциональные. Самыми насыщенными по со-

ставу являются усилительные, отрицательные, вопросительные и ограничительные частицы. Некоторые частицы демонстрируют многознач-

ность (например, *bo* и *vai*), что свидетельствует о давнем бытовании в речи людиков этих заимствованных из русского языка партикул.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Pahomov M. Lüüdi-venän, venä-lüüdin sanakird' / Людиковско-русский и русско-людиковский словарь. Helsingi: Lüüdilaine Siebr, 2022. С. 269, 326.
- ² Там же. С. 287.
- ³ ВепКар: Открытый корпус вепского и карельского языков [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma/63766?search_lang=6&search_pos=7 (дата обращения 12.06.2025).
- ⁴ Pahomov M. Lüüdi-venän, venä-lüüdin sanakird' ... С. 255.
- ⁵ Там же. С. 256, 342.
- ⁶ Там же. С. 269.
- ⁷ Там же. С. 289.
- ⁸ Там же. С. 358.
- ⁹ ВепКар: Открытый корпус вепского и карельского языков...
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Pahomov M. Lüüdi-venän, venä-lüüdin sanakird' ... С. 283.
- ¹³ ВепКар: Открытый корпус вепского и карельского языков...
- ¹⁴ Pahomov M. Lüüdi-venän, venä-lüüdin sanakird' ... С. 241.
- ¹⁵ ВепКар: Открытый корпус вепского и карельского языков...
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Л.: Наука, 1975. 280 с.
2. Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.
3. Ковалева С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 137 с.
4. Новак И. П., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
5. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Семантика и этимология частиц в тверском диалекте собственно карельского наречия карельского языка // Вестник угроведения. 2023. Т. 13, № 2 (53). С. 256–266.
6. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Система частиц в диалектах ливвиковского наречия карельского языка: проблемы описания и интерпретации // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 4. С. 680–688.
7. Пашкова Т. В., Родионова А. П. «Быть» или «не быть» потенциалу в карельском языке (на материале ливвиковского и людиковского наречий карельского языка) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 3. С. 397–404.
8. Пашкова Т. В., Родионова А. П. Образование глагольных форм императива в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка // Научный диалог. 2020. № 4. С. 100–112.
9. Пашкова Т. В., Родионова А. П. Словообразовательные суффиксы *-ndu/-ndy/-nd(e)* и *-hine* в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка (на примере наименований болезней) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 17–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.596
10. Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 1990. 159 с.
11. Ahtia A. E. Karjalan kielioppi. Lauseoppi. Kopijyvä: Karjalan kielen seura, 2014. 159 s.
12. Karelian in grammars: a study of phonetic and morphological variation: Scientific electronic edition / I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. 452 p.
13. Markianova L. Karjalan kielioppi. Petroskoi: Periodika, 2002. 296 s.
14. Turunen A. Lyydiläismurteidenäännehistoria. I. Konsonantit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1946. № 89. 338 s.
15. Turunen A. Lyydiläismurteidenäännehistoria. II. Vokaalit // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1950. № 99. 266 s.

Поступила в редакцию 31.10.2024; принята к публикации 02.06.2025

Original article

Natalia V. Patroeva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3836-6393; nvpatr@list.ru

Tatyana V. Pashkova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0505-4767; tvpashkova05@mail.ru

PARTICLES IN THE LUDIC DIALECT OF THE KARELIAN LANGUAGE: SEMANTICS AND CLASSIFICATION

Abstract. In this scientific article, the authors examine particles as one of the groups of Karelian-language discursive words using the material of the Ludic dialect of the Karelian language. The study is of a relevant nature, since the grammatical and lexical structure of the language of the Ludic Karelians is poorly studied. The scientific novelty of the presented scientific research is determined by the lack of a comprehensive analysis of particles in the Ludic dialect of the Karelian language. The purpose of the study is to systematize particles in terms of their semantics and functioning. The study was carried out using the method of functional-semantic description. The theoretical significance of the work is the first-of-its-kind classification of particles in the Ludic dialect of the Karelian language based on the data of Karelian grammars and dictionaries. The result of the study was the establishment of nine categories of particles in the Ludic dialect and identification of the most extensive functional-semantic groups by the composition of elements, which leads to the conclusion about the formation of a cluster of particles in the system of discursive words of the Ludic dialect of the Karelian language.

Key words: Karelian language, Ludic dialect, morphology, discursive words, semantics, particle

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation grant No 23-28-000992 (<https://rscf.ru/project/23-28-00092/>).

For citation: Patroeva, N. V., Pashkova, T. V. Particles in the Ludic dialect of the Karelian language: semantics and classification. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):24–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1228

REFERENCES

1. Barantsev, A. P. Phonological means of Ludic speech (descriptive characterization). Leningrad, 1975. 280 p. (In Russ.)
2. Zaykov, P. M. Grammar of the Karelian language. Petrozavodsk, 1999. 120 p. (In Russ.)
3. Kovaleva, S. V., Rodionova, A. P. Traditional and new in the vocabulary and grammar of the Karelian language (according to sociolinguistic research). Petrozavodsk, 2011. 137 p. (In Russ.)
4. Novak, I. P., Penttonen, M., Ruuskanen, A., Siilin, L. Karelian language in grammars. A comparative study of phonetic and morphological systems. Petrozavodsk, 2019. 479 p. (In Russ.)
5. Patroeva, N. V., Pashkova, T. V. Semantics and etymology of particles in the Tver dialect of the proper Karelian dialect of the Karelian language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(2(53)):256–266. (In Russ.)
6. Patroeva, N. V., Pashkova, T. V. Particle system in the Livvik dialect of the Karelian language: problems of description and interpretation. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(4):680–688. (In Russ.)
7. Pashkova, T. V., Rodionova, A. P. “To be” or “not to be” to the potential in the Karelian language? (On the material of Livvic and Ludic dialects of the Karelian language). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;16(3):397–404. (In Russ.)
8. Pashkova, T. V., Rodionova, A. P. Formation of verbal forms of imperative in the Livvik and Lyudik dialects of Karelian language. *Scientific Dialogue*. 2020;4:100–112. (In Russ.)
9. Pashkova, T. V., Rodionova, A. P. Derivational suffixes *-ndu/-ndy/-nd(e)* and *-hine* in the Livvi and Ludic dialects of the Karelian language (in the names of illnesses and diseases). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):17–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.596 (In Russ.)
10. Fedotova, V. P. Essay on the syntax of the Karelian language. Petrozavodsk, 1990. 159 p. (In Russ.)
11. Ahtia, A. E. Karjalan kielioppi. Lauseoppi. Kopijyvä, 2014. 159 s.
12. Karelian in grammars: a study of phonetic and morphological variation: Scientific electronic edition. I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk, 2022. 452 p.
13. Markianova, L. Karjalan kielioppi. Petroskoi, 2002. 296 s.
14. Turunen, A. Lyydiläismurteidenäännehistoria. I. Konsonantit. *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 1946. No 89. 338 s.
15. Turunen, A. Lyydiläismurteidenäännehistoria. II. Vokaalit. *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 1950. No 99. 266 s.

Received: 31 October 2024; accepted: 2 June 2025

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУДНЕВ

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3264-9483; rudnev@mail.ru

ГЛОССИРОВАНИЕ В ДОКУМЕНТАХ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

А н н о т а ц и я . Примечательной чертой языка петровского времени стало введение глосс в тексты различного типа, в том числе в деловые. Введение глосс в документы этой эпохи – яркое проявление существенных сдвигов в языке деловой коммуникации, для которой, в силу общей установки на использование общеупотребительных речевых средств, глоссирование не является типичным. В статье рассмотрены способы введения глосс и их функции в документах разных жанров петровского времени. Сделан вывод, что ведущим способом глоссирования являлось внутритекстовое включение глосс в текст. Глосса вводилась скобками, часто в сопровождении пояснительных союзов. При включении глосс в текст без скобок глоссы обязательно сопровождалась пояснительными союзами *или, то есть*. Исследована зависимость частотности употребления глосс от типа и содержания документного текста. Сделан вывод о том, что глоссы характерны в большей степени для указов, регулировавших новые предметные сферы, а также для регламентов и инструкций, воплощавших новые для подданных принципы организации управления и рассчитанных на длительное использование. Отмечен особый характер глоссирования текста Ништадтского мирного договора, который характеризуется большим числом маргинальных глосс.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский язык, документ, XVIII век, Петр I, глосса

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00325 «Печатные указы петровского времени как источник изучения русского языка XVIII века».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Руднев Д. В. Глоссирование в документах Петровской эпохи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 28–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1229

ВВЕДЕНИЕ

Под глоссой понимается «перевод или толкование непонятого, устаревшего, диалектного слова или выражения, написанные над или под ним... или на полях рукописи или книги»¹. Глоссирование изучается главным образом на материале античных и средневековых текстов. Применительно к средневековым русским текстам исследователями были предложены различные классификации глосс (например, классификации Л. С. Ковтун, В. А. Ромодановской, Т. В. Пентковской и пр.). При более широком понимании к глоссам относят «толкования непонятных или малоупотребительных слов и выражений, сделанные не только на полях или между строк рукописи, но и в тексте печатной книги» [10: 74–75]. Такие глоссы получили название внутритекстовых или линейных.

Явление глоссирования хорошо описано на примере петровских научных текстов, исследова-

тели которых (см. [1], [2], [4], [5] и др.) распространяют на внутритекстовые пояснения к заимствованным словам понятие глоссы, что позволяет и нам использовать это обозначение применительно к схожему явлению в документах того же времени.

Глосса – способ введения метаязыковой информации, связанной с необходимостью пояснения адресату малознакомой номинации. Внутритекстовые глоссы с синтаксической точки зрения представляют собой пояснительные конструкции.

Для документных текстов глоссирование в целом нетипично, хотя и встречается. Это обусловлено общим требованием к понятности документного текста. Встречающиеся способы введения глосс в современных документах – это скобочные пояснения и примыкающие к глоссам дефиниции вводимых понятий.

Петровские реформы затронули различные стороны общественной жизни, включая систе-

му управления и судопроизводства, в том числе и обслуживающий эти сферы деловой язык. Основные изменения в деловой речи этого периода сводились: 1) к изменению принципов оформления документов [7], [12]; 2) к появлению новых деловых жанров [6], [8], [13]; 3) к изменению языка документов (славянизация, введение в них многочисленных заимствований-европеизмов) [9], [12]. Именно последняя черта документной речи Петровской эпохи – многочисленные заимствования в ней – обусловила необходимость использования глосс, частотность которых, впрочем, зависела от документного жанра.

Материалом исследования послужили разножанровые деловые тексты первой трети XVIII века, относящиеся к эпохе правления Петра I, Екатерины I, Петра II. Привлечение к анализу документов эпохи Екатерины I и Петра II сделано с целью выявления специфики Петровской эпохи. Сбор эмпирического материала осуществлялся методом сплошной выборки, непосредственным источником послужили документы, опубликованные в 1710–1720-х годах. Цель статьи – описать и проанализировать типы глосс, способы их введения в документный текст, частотность употребления в зависимости от типа документа, особенности глоссируемых элементов текста.

ГЛОССЫ В ПЕЧАТНЫХ УКАЗАХ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Реже всего глоссирование представлено в указах верховной власти. В ходе изучения указов 1714–1721 годов в составе сборников 1719, 1721 и 1725 годов² было обнаружено соответственно 11, 6 и 10 случаев глоссирования. Глоссы включаются в текст различными способами: при помощи союза *то есть* (1); при помощи союза *или* (2); при помощи скобок без союза (3).

(1) «Понеже извѣстно есть, что какъ в челоѳческой породѣ, такъ в свѣрской и птїчьей случается, что родятся **Монстра, то есть уроды**» (1718 г.) (Копии 1719: 142); «устанавливаемъ **духовную Коллегію, то есть духовное соборное правительство**» (Копии 1725: 36).

(2) «чтобъ нікто нікуда безъ **пашпортвъ, или проезжіхъ, и прохожихъ писемъ** не ѣздили, и не ходили, но каждой бы имѣлъ отъ начальниковъ своихъ **пашпортъ, или пропускное писмо**» (1719 г.) (Копии 1721: 166–167); «а ему директору съ товарищи дать **привілегію, или жалованная грамота**» (1720 г.) (Копии 1721: 252); «имѣють же всѣ члены сей Коллегіи, при вступленіи во свое дѣло учинить **присягу, или обѣщаніе, предъ Святѣмъ Евангеліемъ, по приложенной формѣ присягѣ**» (Копии 1725: 38); «такоежъ Его Императорское Величество Всемілостиѣише соизволилъ пожаловать **Амиссію, или прощеніе** всѣмъ недорослямъ, которые на смотрѣхъ были, и послѣ тѣхъ смотровъ отъ наборщиковъ изъ дороги бѣжали» (Копии 1725: 198).

(3) «и знатная фамілія вмѣсто славы поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ **экземпелевъ [образовъ]** есть въ русіискомъ народѣ» (1714) (Копии 1719: 10).

Судя по собранному материалу, чаще всего глосса вводится в указ при помощи пояснительного союза *или*, реже всего – бессоюзно при помощи скобок.

Единообразия при введении глосс в текстах указов не прослеживается. Во-первых, союзный и скобочный способы введения глоссы в текст документа могут контаминироваться:

(4) «во оныхъ гварнізоны будутъ имѣть изъ **ланцъ міліцы [то есть земское войско]** и в тѣхъ быть комендантамъ» (1715 г.) (Копии 1719: 65); «какъ о томъ вскорѣ **регламенты [или уставы]** будутъ публикованы и всѣхъ Коллегии должности» (1718 г.) (Копии 1719: 217); «всякаго чїна людемъ, бїтчеломъ вновь въ тѣхъ предъ-установленныхъ отъ Юстиціи Коллегіи, въ нижнихъ городскихъ, и въ провинціальныхъ **[то есть въ уѣздныхъ]** и надворныхъ судахъ» (1720 г.) (Копии 1721: 282).

Во-вторых, в пределах одного предложения могут использоваться разные способы оформления глоссы: при помощи обоих пояснительных союзов (5) или при помощи пояснительного союза и бессоюзно (6). Например:

(5) «чего ради учїнены **Коллегіи, то есть собрание многихъ персонъ** [въ мѣсто приказовъ], въ которыхъ **Президенты или Предсѣдатели**, не такую мочь имѣють, какъ старыя судьи дѣлали, что хотѣли» (1718 г.) (Копии 1719: 216);

(6) «Тѣ которые въ **Хїрургіи [лекарскомъ художествѣ]** **Анатоміи, аптекарскомъ художествѣ**, или во иныхъ врачебныхъ наукахъ совершенное художество имѣють, тѣмъ надлежитъ о себѣ извѣстіе прислать къ Архіатеру, и Президенту Медіцинской Коллегіи, Доктору Блюментросту, а которые Архітектуры, и **Ватеркунстъ, то есть водоводное художество** разумѣють, оные должны такжеже въ Бергъ и Маніфактуръ Коллегію о себѣ извѣстїть» (Копии 1725: 132).

Все это указывает на то, что конструкции, оформлявшие глоссы в текстах указов, не имели формализованного характера.

Тематически глоссируемые единицы можно разбить на несколько групп: 1) названия новых органов управления и должностей (*коллегия, президент, ландмилиция, провинциальный суд* и пр.); 2) названия новых жанров, ранее неизвестных документной системе (*привилегия, паспорт, регламент* и т. д.); 3) прочие заимствования ранее неизвестных понятий и реалий (*амиссия, ватеркунст, монстр, хирургия, экземпель* и т. п.).

Заимствования последнего типа широко представлены, например, в реляции от 1 ноября 1721 года, в которой описывались торжества, состоявшиеся в Петербурге 22 октября по случаю

заклучения Ништадтского мира (Копии 1725: 335–356). В тексте, насыщенном заимствованной лексикой и славянизмами, глоссируется ряд слов:

(7) «Его Величество по своей обыкновенной, и до-стохвальной **Модестіи, или умѣренности** того [ти-тула] пріять долго отрекался» (Копии 1725: 340); «по скончаніи же столовъ, учіненъ **балъ или танцы**, кото-рые даже до ночи продолжались» (Копии 1725: 351); «Потомъ зажженъ другой по лѣвую сторону стоящей **Планъ, или щитъ**, которой едінь чрезъ Море проходя-щей и въ **Гавень, или пристань** входящей Каравль пред-ставлялъ съ надписью, [Конецъ Дѣло Венчалю.]» (Копии 1725: 353–354).

Толкование слова *план* глоссой *щит* представ-лено в тексте дважды, вместе с тем примечате-лен тот факт, что описание торжеств насыще-но многочисленными заимствованиями, которые никак не глоссируются: *априс, бриллиант, иллю-миновать, пирамида, презентовать, ракета, ре-презентовать, трактовать, феиерверк, фигура, фонтан, фурия, швермер, Янус*.

В целом внутритекстовые глоссы в указах обычно имеют единичный характер, причем вы-бор глоссируемых слов не всегда ясен.

Среди текстов указов исключение в отно-шении как способа оформления глосс, так и их частотности представляет «Объявление и указ о парусных и гребных судах» от 12 апреля 1718 года (Копии 1719: 168–180). Как известно, Петр I хотел превратить Петербург в подобие Венеции или Амстердама. С этой целью в веч-ное пользование были «даны разныхъ чиновъ людемъ парусныя и гребныя судны безденежно» (Копии 1719: 168) с обязательством содержать их в порядке. В определенные дни жители горо-да обязаны были выходить в плавание на Неве под угрозой штрафа за невыполнение этого тре-бования.

Значительную проблему для горожан, незна-комых или слабо знакомых с судоходством, пред-ставлял уход за выданными судами, и документ регулировал, как следовало за ними ухаживать. По-видимому, именно этим объяснялось боль-шое число глосс, пояснявших судоходную лек-сику в указе. Примечательно, однако, не толь-ко количество глосс, но и то, что они введены не в текст, а собраны после него в «Толковании имян галанских по руски». В его составе встреча-ются как двусловные толкования слов, связанных с судами и их обслуживанием, типа *такалаж – оснастка веревочная, гарпиус – еловая смола*, так и многословные типа *тир – житкая смола или суровака, шхев – колесо что в блок, нагель – гвоздь деревянной, на чем вышепомянутое коле-со вертится*. Самая развернутая глосса связана

с толкованием сочетания *партикуляр верфь – двор где мелкия парусныя и гребныя суды будут делать и починивать*. Выбивающаяся из обще-го ряда глосса дана к слову *юфорс* (< *юферс* (гол. *juffers*) ‘блок для натягивания снастей стояче-го такелажа на небольших парусных промысло-вых судах’)³. Вместо объяснения значения слова в глоссарии содержится схематическое изображе-ние юферса. Несомненно, исключительное поло-жение этого указа среди остальных обусловлено его морской тематикой, плохо знакомой широко-му адресату.

При приемниках Петра I глоссирование ис-чезает из текстов указов. В сборнике указов 1727 года отмечено глоссирование только двух слов – названий документов: «**Манифестъ, или объявление**. О кончинѣ ея императорского величества» (Указы 1728: 18); «**Присяга. Клят-венное обѣщаніе**» (Указы 1728: 19). Может вы-звать удивление глоссирование слова *присяга*, однако, несмотря на общеславянский корень, оно представляло собой полонизм, проникший в русский язык из западнорусской речи. В бо-лее поздних документах случаи глоссирования не выявлены.

Итак, можно отметить следующие осо-бенности глоссирования в указах: 1) их чис-ло невелико и уменьшается на протяжении 1720-х годов; 2) число заимствованных слов в указах многократно превосходило число глосс; 3) способы оформления глосс различны – при помощи квадратных скобок и путем вклю-чения в текст, при помощи союзов *или, то есть* и без союзов (только в скобках), при этом чаще всего внутритекстовое глоссирование оформля-ется при помощи союза *или*. Отмечен единич-ный случай глоссария к указам; 4) глоссирование в указах – примета эпохи Петра I, после смерти которого оно исчезает.

ГЛОССЫ В РЕГЛАМЕНТАХ И УСТАВАХ

Значительно чаще глоссы встречаются в но-вых жанрах деловой речи – регламентах и уста-вах⁴. Подробно рассмотрим их на примере Гене-рального регламента 1720 года, полное название которого уже содержит глоссу: «Его царского величества Генеральный **регламент или устав**». Небольшой по объему текст Генерального ре-гламента (41 страница основного текста) содер-жит 25 глосс. В издании 1720 года они вводятся главным образом при помощи квадратных скобок – чаще всего бессоюзно (8) или при по-мощи союза *или* (9), в единичных случаях со-юзом *то есть* (10):

(8) «вмѣсто Генералнои *Инструкціи [наказу]*» (ГР: 2); «*Секретарь* которой въ Коллегіи докладываетъ, собираетъ всѣ указы, грамоты, писма, Меморіалы, *Реляціи [отписки]* и прочее что въ ево Коллегіи приключитца» (ГР: 21); «*Регистратура [записки]* состоитъ въ слѣдующіхъ 4 книгахъ» (ГР: 25); «о которыхъ они Генералные *Фолмуляры [образцовые писма]* имѣютъ» (ГР: 26);

(9) «*прерогативы [или преимущества]* узаконенные и впредь узаконяемые» (ГР: 3); «Въ Коллегіи не имѣютъ Президенты особливаго труда или надзиранія, но Генералную и верховную *дирекцію [или управление]*» (ГР: 9); «О *ваканціяхъ [или упавшихъ мѣстахъ]* въ Коллегіяхъ» (ГР: 11) (название 11 главы); «и о томъ *Квитанциу [или роспискамъ]* книгу имѣть» (ГР: 24);

(10) «ради ... поправленія полезной *Юстиціи и Полиціи [то есть въ росправѣ судной и гражданствѣ]*» (ГР: 1).

Наиболее насыщены глоссами главы 33 (6 глосс) и 43 (4 глоссы). Высокая частотность глосс здесь совсем неслучайна: в них регулируются новые принципы работы с документами, и, среди прочего, вводится их новая номенклатура. Широкое использование иноязычных названий документов вызвано, без сомнения, основной целью Генерального регламента – быть «первой инструкцией по делопроизводству, призванной научить новым навыкам управленческой деятельности» [3: 257]. Их появление в регламенте было вызвано не только желанием переименовать существовавшие жанры документов, но и происходившим изменением параметров деловой коммуникации.

Внутритекстовые глоссы в этих двух главах поясняют новые названия документов (и даже само слово *документ*) и соотносят их с системой допетровских жанров. В некоторых случаях одно и то же слово неоднократно глоссируется. Например:

(11) «переписывать сочиненіи всѣхъ указовъ [*грамоты*] и писемъ»; «*Юрналъ [повседневная записка]* которой имѣетъ онъ сочинить изъ всѣхъ Концептовъ»; «по которому *Юрналу [запискѣ]* можно найти, что въ *Регистратурѣ [въ записныхъ книгахъ]* искать надобно» (ГР: 25); «черезъ *Юрналъ [повседневной запискѣ]*» (ГР: 26); «въ первой книгѣ записываются всѣ указы [*грамоты*], писма, меморіалы»; «наперед сдѣланъ Алфавитнои *регистеръ [оглавление]*»; «Въ третьей книгѣ всѣ *концепты [сочиненіи черные]* Канторныхъ меморіаловъ»; «и при томъ съ приложенными документами [*документъ, то есть доказательные писма*]» (ГР: 31).

Отметим, что отнюдь не всегда введение нового слова влекло его обязательное глоссирование: так, слово *концепт* введено на с. 25, а глосса к нему – на с. 31.

Кроме глосс в тексте, Генеральный регламент содержит в качестве приложения «Толкование

иностранных речей, которые в сем регламенте», содержащее толкование 34 слов и словосочетаний, которые включают как слова, которые получили в тексте пояснения в виде глосс, так и те, у которых их нет. Среди слов, у которых толкование в тексте отсутствует, например, такие, как *интерес* ‘прибыток и польза’, *опробуется* ‘за благо приемлется’, *публичные* ‘всенародные’, *приватные* ‘особные’, *резоны* ‘разсуждения’ и др.

Что касается первой группы слов, которые сопровождаются глоссами в тексте, то их толкование в глоссарии обычно совпадает, ср.: *инструкции* ‘наказы’, документ ‘доказательные писма’. Однако так бывает не всегда. Например, слово *концепт* в тексте толкуется как ‘сочинении черные’ (ГР: 31), а в приложении – как ‘сочиненные [так!] всяких указов и доношении’ (в издании регламента 1735 года *сочиненные* исправлено на *сочинения*). В «Словаре русского языка XVIII века» *концепт* определяется как ‘краткая записка, выписка; черновик письма, деловой бумаги’⁵. Слово *репорт* толкуется в регламенте как ‘доношение’ (ГР: 36), а в приложении – как ‘ведомость’. Такие расхождения свидетельствуют о том, что у многих заимствований не было готовых аналогов в русском языке и отнюдь не всегда «заимствования сопровождаются в тексте глоссой, дающей эквивалент заимствованной лексемы из привычного для читателя словаря» [4: 146].

Глоссы встречаются и в других регламентах петровского времени (хотя и значительно реже, чем в Генеральном регламенте). Приведем некоторые примеры глосс из Регламента о управлении адмиралтейства и верфи (1722):

(12) «Должно въ реэстръ записывать всѣ *коммисіи, [или патенты]* данныя отъ Его Величества офицѣромъ морскимъ, да бы мочно было имѣть ссылку во время нужды» (РУАВ: 13 (1 паг.)); «Книга *журналъ или записная* указомъ присланнымъ изъ Коллегіи Адмиральтеской» (РУАВ: 174 (1 паг.)); *Всему держать журналъ [повседневную записку]* и записывать, которой націи ихіперъ? такожь и судну и мя откуду оной прибыль, съ какимъ грузомъ?» (РУАВ: 58 (2 паг.)).

В отличие от указов, где в послепетровское время глоссирование постепенно исчезает, в Уставе вексельном (1729), сочиненном и изданном в конце правления Петра II, оно представлено обильно вследствие необходимости разъяснить адресату терминологию нового коммерческого права, регулировавшего использование векселей, людям, которые ею не владели, – преимущественно купцам. В тексте устава при помощи глосс (всего 21 единица) разъясняется главным образом

незнакомая вексельная терминология. Синтаксически глоссы оформлены так же, как в Генеральном регламенте (при помощи союзов *или*, *то есть* и *бессоюзно*), однако бессоюзное введение глосс имеет единичный характер, а союз *то есть* представлен очень широко. Например:

(13) «*Веґели... такъ дѣйствителны естъ собою, что не требуютъ приписывать на веґель свѣдѣтеля, какъ съ стороны того, ktorои далъ веґель такъ и тому, ktorои послѣ ево онои вексель надписалъ, [или индерсовалъ] ниже тому, ktorои имѣетъ онои веґель, акцептовать, [то естъ къ платежу подписать]*» (УВ: 9–10); «*формы или образцы съ толкованіями ниже сего въ 3 главѣ*» (УВ: 10); «*Четвертой Акцептователь, или пріиматель веґеля, ktorои веґель приметъ и акцептуетъ, то естъ на веґель подпишетъ, что платитъ будетъ, и во время постановленнаго срока денги заплатитъ*» (УВ: 11); «*Сверхъ веґелей такихъ, въ которыхъ будетъ упомянутъ адвизъ, то естъ увѣдомленіе, надлежитъ тому, кто веґель даетъ, писмо [адвизное] увѣдомительное послать къ тому, на кого веґель данъ*» (УВ: 15); «*Когда пріиматель веґеля по слуху въ народѣ банкротомъ учинился, [то естъ въ неісправу и въ убожество впалъ]*» (УВ: 36).

Из особенностей глосс, характерных для Устава вексельного, отметим две: во-первых, наряду с описанными способами введения глосс, встречается их оформление при помощи глагола *называться* (14); во-вторых, встретилось глоссирование русского слова (15):

(14) «*по которымъ дорогамъ ординарная почта учреждена, какъ между Санктпетербургомъ и Москвою и городомъ Архангелскимъ отъ Москвы, такъ и въ другіе таковыя же разстояніемъ надлежитъ давать одинъ вексель, [что называется по нѣмецки пріма]*» (УВ: 12); «*и когда платежъ по векселямъ будетъ [что называется валюта] то товарами писать волно или деньгами, какъ хотятъ по своей волѣ безспорно*» (УВ: 48).

(15) «*надлежитъ немедленно въ первые сутки, то естъ въ двадцать четыре часа ... протестъ чинить*» (УВ: 21).

В Петровскую эпоху слово *сутки* еще не закрепилось в качестве термина со значением ‘отрезок времени в 24 часа’ и потому часто глоссировалось (об этом слове и случаях его глоссирования см. [5: 39–41]). Для взыскания по векселям очень важным было не пропустить срока взыскания, поэтому законодатель дополнительно уточняет содержание слова *сутки*.

В целом можно констатировать, что регламентам и уставам было присуще более широкое использование глосс, чем указам, и оно не прекратилось в них и после смерти Петра I. Употребление глосс в текстах регламентов свидетельствует о том, что законодатель заботился, чтобы

подобного рода документы бесперебойно выполняли свою регулирующую функцию на протяжении длительного времени.

ГЛОССЫ В НИШТАДТСКОМ МИРНОМ ДОГОВОРЕ (1721)

Пожалуй, самый удивительный по интенсивности и способам глоссирования документный текст Петровской эпохи – это Ништадтский мирный договор 1721 года (см. о нем [11]). В договоре (включая текст преамбулы и ратификации) использовано 70 маргинальных (размещенных на полях текста) глосс. Главной причиной обильного глоссирования текста было то, что договор был заключен на немецком языке, а затем переведен на русский и шведский языки⁶. Стремясь сохранить смысл немецкого текста договора, русские переводчики старались дословно перевести его на русский язык, компенсируя буквализм перевода и необходимость максимально точно следовать немецкому тексту широким использованием глосс.

Обычно глоссы стоят на полях договора в той же форме, что и поясняемое в основном тексте слово. Например: «*по размѣнѣ Ратификаціи о сем Мирном Трактатѣ*» (ст. 5) – глосса на полях: *Договорѣ*; «*о Комерціи сім себѣ выговорил*» (ст. 6) – глосса: *Купечествѣ*. Трижды глосса дается в исходной словарной форме: «*как честным Васаллам и подданным надлежит поступать*» (ст. 12) – глосса: *Знатныя подданныя*. На десятой странице договора три глоссы подряд (видимо, по недосмотру издателей) вводятся при помощи союза *то есть*: «*А в Лапмарках остается граница*» (ст. 8) – глосса: *То естъ в Лопской землѣ*.

Глоссы могут быть даны в тексте неоднократно. Так, слово *лен* (*Lehn*) глоссируется трижды словом *уезд*. Дважды глоссируются слова и сочетания *вассалы* (*Vasallen*) – *знатныя подданныя*; *сепаратный артикул* (*separaten Artikul*) – *особливая статья*; *конгресс* (*Congress*) – *съезд*; *нация* (*Nation*) – *народ*; *зюйд* и *ост* – *юг* и *восток*. Дважды глоссирован глагол *трактовать*, хотя и в разных формах: *трактовать* – *договариваться*, *трактовано* – *договаривано*.

Глоссы к одним и тем же словам могли и не совпадать. Например, дважды глоссировано слово *ратификация* (*Ratification*), встретившееся в тексте восемь раз, но глоссы к нему не совпадают, ср.: «*по размѣнѣ Ратификаціи*» (ст. 3) – глосса: «*Подтвержденіе договора, которая [!] чинится за подписаніемъ саміхъ Государей*»; «*Ратификаціи о сем мирномъ Инструментѣ*»

(ст. 24) – глосса: *Подтвержденные грамоты*. По-разному глоссируется прилагательное *публичный*: на с. 13 как *государственный*, на с. 15 как *явственный*. Обращение к немецкому тексту показывает, что прилагательное *публичный* использовано для перевода разных слов; ср.: «*на публічныя ...маетности*» – «*auff einige publique ...Land-Güter*» (ст. 12) (глосса *Государственный*); «*публічными указами о семъ публиковать и объявить изволятъ*» – «*durch öffentliche Edicta solches publiciren und bekant machen lassen wollen*» (ст. 14) (глосса *Явственными*). Во втором случае глосса обращена к слову не только в русском тексте, но и в немецком, передавая смысл немецкого слова на русский язык.

Так, впрочем, происходит не всегда. Например, слово *трактат* глоссируется словом *договор* в первый и единственный раз (ст. 5), однако далее не поясняется; слово *амнистия* толкуется через слово *забвение* (ст. 2) и далее не глоссируется (ст. 12), слова *архивы* и *документы* глоссируются как *канцелярийские писма и дела* и *доказательства* (ст. 4) и далее не поясняются (ст. 12, 13). Слово *гавен* (*Hafen*) имеет глоссу *пристань* в ст. 17, но не имеет ее (видимо, по недосмотру) при первом упоминании в ст. 4, аналогично глагол *претендовать* (*prætendiren*) глоссируется словом *взыскивать* в ст. 12 и не глоссируется в той же статье выше.

Большинство глосс в тексте употреблено по одному разу; собранные вместе, они образуют маленький словарь иностранных слов. Например: *фарватер* – *проход водяной* (ст. 4), *сумма* – *число* (ст. 5), *комерция* – *купечество* (ст. 6), *форма* – *образ* (ст. 7), *магистраты* – *гражданские правительства* (ст. 9), *редукция* – *отписка вотчин* (ст. 11), *патент* – *объявительная грамота* (ст. 11), *неутральный* – *не в войне обретающийся* (ст. 12), *капиталь* – *истинные денги* (ст. 12), *претензии* – *иски* (ст. 12), *партикулярные персоны* – *кто из жителей* (ст. 12), *контрибуции* – *поборы* (ст. 13), *пропорциональный* – *правомерный* (ст. 14), *публиковать* – *народно извещать* (ст. 14), *кондиции* – *уговоры* (ст. 15), *штурм* – *буря* (ст. 18), *характер* – *чин* (ст. 20), *со свитою* – *с людьми* (ст. 20), *инструмент* – *мирная запись* (ст. 24) и т. д.

В тексте договора глоссируется даже слово *документ*, отсутствующее в немецком тексте, где ему соответствует *Urkunde* ‘письменное свидетельство, документ, доказательство, записка’: «*по силѣ объявленія своїхъ доказателствъ, писемъ и документовъ*» – «*mittelst Vorzeigung seiner Beweizthümer / Briefschafften und Urkunden*» (ст.

12); «*какія архівы, документи и писма*» – «*einige Archiven, Urkunden und Briefschafften*» (ст. 13).

Целый ряд слов, глоссированных в тексте договора, уже был известен в русском языке. Так, были известны слова *архив* (с 1719 года)⁷, *вассал* (с 1712 года)⁸, *документ* (с 1708 года)⁹, *ратификация* (с конца XVII века, из польского языка, ср. *ratyfikacja*), *секвестр* (через польский язык не позже 1713 года), *трактат* (с 1660-х годов, из немецкого языка, ср. *Traktat*), *трактовать* (с конца XVII века, из польского языка, ср. *traktować*), *характер* (с 1690-х годов) и мн. др. (целый ряд глоссированных слов встречается, например, в петровских указах: *кондиция*, *партикулярный*, *персона*, *публичный*, *сумма* и др.). Их глоссирование – прямое следствие того, что текст договора был обращен широкому кругу читателей, подавляющее большинство которых не знали ни этих слов, ни их значений.

Ништадтский мирный договор занимает исключительное место среди международных договоров в отношении употребления глосс: ни в других петровских договорах, ни в договорах, заключенных после смерти Петра I, использование глосс нам более не встретилось.

ВЫВОДЫ

Использование глосс в документах Петровской эпохи являлось отражением изменений в деловой коммуникации этого периода. Ориентация на европейскую систему деловых жанров, активное использование заимствований для обозначения как деловых жанров, так и различных реалий общественной жизни требовали введения в документный текст дополнительных пояснений, без которых его регулирующая функция оказывалась под угрозой. Глоссы выступали способом донести значение новых слов до адресата документа.

Интенсивность глоссирования и его способы зависели как от делового жанра, так и от того, на какой круг людей был рассчитан документ. Можно отметить более частое использование глосс в регламентах и уставах, обусловленное, с одной стороны, новизной для подданных этих жанров и их речевой организации, с другой – стремлением властей обеспечить успешное понимание этих текстов на протяжении длительного времени.

Ведущим способом введения глосс в текст являлось их внутритекстовое включение. Глосса маркировалась скобками, часто сопровождаемая пояснительными союзами *или*, *то есть*. Встречается включение глосс в текст без скобок; в этом

случае они обязательно сопровождалась пояснительными союзами.

Особый характер глоссирования отмечен в тексте Ништадтского мирного договора: частотность употребления глосс (всего 70) и способ их введения в текст (маргинальные глоссы) не имеют аналогов

в документах петровского времени. Эти особенности были вызваны, с одной стороны, переводным характером текста договора, не допускавшим включения в него внутритекстовых глосс, с другой стороны, необходимостью донести содержание текста до самого широкого адресата.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Федосеева Н. Д. Глосса // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 107.
- ² Копии его царского величества указов. Публикованных от 1714 года, с марта 17 дня. По нынешней 1719 год. [Санктпетербург]: Напечатаны в Санктпетербургской типографии, 28 марта 1719. 221 с. (далее – Копии 1719); Копии его царского величества указов состоявшихся. В 1719, и в 1720 годах. В Санктпетербурхе, в Правительствующем Сенате, собраны, и напечатаны. [Санктпетербург], 28 июня 1721. 451, 40 с. (далее – Копии 1721); 1721 года: копии с указов его императорского величества состоявшихся, и с вечного мирного трактату свеискою короною: Собраны, и впредь для действия и ведома напечатаны при Сенате в типографии. В Санктпетербурхе: [Сенатская типография], 12 янв. 1725. 407, 6 с. (далее – Копии 1725); 1727 года. Блаженные и вечнодостойныя памяти ея императорского величества, Екатерины Алексиевны, состоявшиеся указы по кончину ея величества. Такжеже Манифест о принятии россииского престола, всепресветлейшаго державнейшаго великого государя, Петра Алексиевича Второго, императора и самодержца всероссииского, и присяга в верной службе его величеству, и публичныя указы по нынешней 728 год. В Санктпетербурге: Напечатано при Сенате, 1728. Окончано печатью июля 8 дня. 58 с. (далее – Указы 1728).
- ³ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. Около 25000 слов и словосочетаний. М.: Рус. яз., 1998. С. 938.
- ⁴ Его царского величества Генералныи регламент или Устав. По которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцеляреи, и кантор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют. Печатан в Санктпетербурхе, 27 февраля 1720. 40, 2 с. (далее – ГР); Регламент о управлении адмиралтейства и верфи и о должностях коллегии Адмиралтейской, и протчих всех чинов при адмиралтействе обретающихся. В Санктпетербургской типографии, 5 апреля 1722. 171 с., 173–189 л., 10 с. (далее – РУАВ); Устав вексельной сочиненной. в Комиссии о коммерции, указом его императорского величества напечатан в Москве при Сенате. А в Санктпетербурге в Академии наук с россиискаго языка против оригинала переведен и напечатан на россииском и немецком языках, 1729. St. Petersburg bey der Academie der Wissenschaften 1729. 131 с. (далее – УВ).
- ⁵ Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 10. СПб.: Наука. Санкт-Петербург. отделение, 1998. С. 155.
- ⁶ Friedens-Vertrag/ zwischen ihro königl. Maj. unsern allernädigsten König Friedrich den Isten und das Königreich Schweden ab der einen, und seiner czarischen Majestät/ Peter den Isten und das Reussische Reich/ ab der andern Seite/ abgehandelt und geschlossen zu Neustad im Gross-Fürstenthum Finnland/ den 30. Augusti. Und ratificiret den 9. Sept. im Jahr nach der Geburt Christi 1721. Freds-fördrag/ emellan hans kongl. maj:t vår allernädigste konung Friedrich den Iste och Sweriges rike/ å den ena, samt hans czariske maj:t/ Peter den Iste och ryska riket å den andra sijdan afhandlat och slutit uti Nystad i stor-fürstendömet Finland den 30 aug. Samt ratificerat den 9 sept. åhr effter Christi börd 1721. Med hans kongl. maj:t allernädigste privilegio. Stockholm/ Tryckt hos J. L. Horn, kongl. ant. arch. boktr. 40 s.; Ратификация королевского величества свеискаго, на трактат вечнаго мира, учиненной с его царским величеством в Ништадте, со внесением всего оного трактата. [СПб.]: Печатана в Санктпетербургской типографии, 5 октября 1721. 24 с.
- ⁷ Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 1. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1984. С. 99.
- ⁸ Там же. Вып. 2. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1985. С. 219.
- ⁹ Там же. Вып. 6. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1991. С. 190.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1972. 431 с.
2. Василевская И. А. К методологии изучения заимствований (Русская лексикографическая практика XVIII в.) // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1967. Т. XXVI. Вып. 2. С. 165–171.
3. Емышева Е. М. Генеральный регламент 1720 года как опыт создания организационного документа // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 8. С. 248–261.
4. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 590 с.

5. Лисицына Т. А. Становление языка русской науки (взаимодействие терминологических и обиходных значений слов) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века. Л.: Наука, 1984. С. 31–46.
6. Лукашевич А. А. Виды документов в Российском государстве первой половины XVIII в. (на материале Генерального регламента) // Советские архивы. 1991. № 4. С. 38–46.
7. Лукашевич А. А. Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти XVIII века // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: Сборник статей. М.: ИРИ, 1993. С. 189–210.
8. Майоров А. П. К вопросу о классификации жанров русской деловой письменности XVIII в. (на материале памятников Забайкалья) // Вестник РГНФ. 2006. № 1. С. 141–148.
9. Майоров А. П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. 2009. № 4. С. 29–36.
10. Малышев А. А. Глоссирование vs. внутритекстовое толкование лексики: терминологические точки соприкосновения в отношении текстов XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 74–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.275
11. Руднев Д. В. И по учиненном трактовании... договорились и согласились (Ништадтский мирный договор: особенности текста и языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 71–91. DOI: 10.17223/19986645/96/4
12. Руднев Д. В., Садова Т. С. Деловая речь Петровской эпохи: наследие прошлого или радикальное преобразование? // Литературная культура России XVIII века. Вып. 8 / Под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева. СПб.: Геликон Плюс, 2019. С. 169–189.
13. Русанова С. В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII века // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 10. С. 70–74.

Поступила в редакцию 23.06.2025; принята к публикации 01.09.2025

Original article

Dmitriy V. Rudnev, Dr. Sc. (Philology), Leading Researcher, Saint Petersburg State University, Leading Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3264-9483; rudnevdm@mail.ru

GLOSSING IN DOCUMENTARY TEXTS OF PETER THE GREAT'S ERA

Abstract. A notable feature of the language during the reign of Peter the Great was the incorporation of glosses into various types of texts, including those of an official nature. The use of glosses in documents from this period vividly reflects significant shifts in the conventions of official and business communication, as glossing was generally uncommon due to prevailing inclination towards the use of common linguistic means. The article examines the methods of gloss insertion and their functions across different genres of Peter the Great's era. It concludes that the predominant approach was the intra-text inclusion of glosses, typically presented within brackets and often accompanied by explanatory conjunctions. When glosses appeared without brackets, they were necessarily introduced by explanatory conjunctions such as *ili* ("or") or *to yest* ("that is"). The frequency of gloss usage varies depending on the type and content of the document. It is further observed that glosses are especially characteristic of decrees regulating new subject areas, as well as of regulations and instructions embodying novel principles of governance and intended for long-term implementation. Additionally, the distinctive nature of glossing in the text of the Treaty of Nystadt is highlighted, as its text features a notably high number of marginal glosses.

Keywords: Russian language, document, eighteenth century, Peter the Great, gloss

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No 24-28-00325 ("Printed decrees of Peter the Great's time as a source for studying the Russian language of the XVIII century").

For citation: Rudnev, D. V. Glossing in documentary texts of Peter the Great's era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):28–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1229

REFERENCES

1. Birzhakova, E. E., Voinova, L. A., Kutina, L. L. Essays on the historical lexicology of the Russian language of the XVIII century. Language contacts and borrowings. Leningrad, 1972. 431 p. (In Russ.)

2. Vasilevskaya, I. A. On the methodology of studying borrowings (Russian lexicographic practice of the XVIII century). *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 1967;26(2):165–171. (In Russ.)
3. Emyshcheva, E. M. General Regulations of 1720 as an example of an attempt to create an organizational document. *RSUH/RGGU Bulletin*. 2008;8:248–261. (In Russ.)
4. Zhivov, V. M. Language and culture in Russia of the XVIII century. Moscow, 1996. 590 p. (In Russ.)
5. Lisitsyna, T. A. Formation of the language of Russian science (interaction of terminological and everyday meanings of words). *Functional and social varieties of the Russian literary language of the XVIII century*. Leningrad, 1984. P. 31–46. (In Russ.)
6. Lukashevich, A. A. Types of documents in the Russian state during the first half of the XVIII century (based on the General Regulations). *Sovetskiye arkhivy*. 1991;4:38–46. (In Russ.)
7. Lukashevich, A. A. Modernization of the document form for state office work by legislation of the first quarter of the XVIII century. *Research on source studies of the history of Russia in the pre-October period: Collection of articles*. Moscow, 1993. P. 189–210. (In Russ.)
8. Mayorov, A. P. On classification of genres of Russian business writing in the XVIII century (based on Transbaikal monuments). *Vestnik RGNF*. 2006;1:141–148. (In Russ.)
9. Mayorov, A. P. Slavonicisms in business language of the first half of the XVIII century. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2009;4:29–36. (In Russ.)
10. Malyshev, A. A. Glossing vs. intra-text interpretation of lexicon: terminological common grounds in case of the texts of the 18th century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;1(178):74–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.275 (In Russ.)
11. Rudnev, D. V. *And after negotiations... the parties agreed* (the Treaty of Nystadt: features of the text and language). *Tomsk State University Journal of Philology*. 2025;96:71–91. DOI: 10.17223/19986645/96/4 (In Russ.)
12. Rudnev, D. V., Sadova, T. S. Business speech of Peter the Great's era: legacy of the past or radical transformation? *Literary culture of Russia in the XVIII century*. Issue 8. (P. E. Bukharkin, E. M. Matveeva, Eds.). St. Petersburg, 2019. P. 169–189. (In Russ.)
13. Rusanova, S. V. Transformation of mandatory memory under conditions of reform of the regional record keeping in the first half of the XVIII century. *Bulletin of Buryat State University*. 2012;10:70–74. (In Russ.)

Received: 23 June 2025; accepted: 1 September 2025

АНАСТАСИЯ ГЕННАДЬЕВНА ВАСИЛЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии

Московский педагогический государственный университет (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0009-0000-7269-8688; ag.vasilenko@mpgu.su

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РАЗГОВОРНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ В ПОВЕСТИ Ю. В. ТРИФОНОВА «ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ»

А н н о т а ц и я . Представлен функционально-стилистический анализ особенностей использования фразеологических и паремиологических единиц в художественных текстах Ю. В. Трифонова. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью идиостиля писателя с точки зрения функционирования устойчивых языковых единиц. Целью работы является выявление закономерностей функционирования фразеологических и паремиологических конструкций в различных повествовательных регистрах. В основе исследования – функциональный подход, ориентированный на изучение языковых единиц в контексте их реализации. Особое внимание уделяется классификациям функций фразеологических единиц с акцентом на распределение этих функций по нарративным уровням. Новизна исследования заключается в том, что фразеологические и паремиологические конструкции рассматриваются не только как элементы лексико-фразеологического уровня, но и как структурные маркеры, участвующие в выстраивании повествовательной перспективы, отражении авторской позиции и моделировании коммуникативных отношений между нарративными инстанциями: автором, нарратором, персонажем. Выявлена зависимость между частотностью и стилистической природой используемых фразеологических единиц и типом повествовательного регистра: книжная фразеология преимущественно сосредоточена в авторском дискурсе, тогда как разговорные конструкции – в персонажной речи. На примере одной из повествовательных категорий показано, как разговорная фразеология и паремиология становятся средством формирования языковой личности героя. Особое внимание уделено графическому выделению фразеологизмов как способу актуализации их функций. Сделан вывод о полифункциональности устойчивых выражений, их роли в формировании смысловых доминант текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : паремиология, фразеология, функциональный подход, нарратология, Ю. В. Трифонов, идиостиль, прагматический потенциал

Д л я ц и т и р о в а н и я : Василенко А. Г. Особенности функционирования разговорной фразеологии и паремиологии в повести Ю. В. Трифонова «Дом на набережной» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 37–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1230

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса лингвистов к фразеологии художественного текста, что находит отражение в публикациях ведущих российских научных изданий. Современные исследования охватывают широкий спектр аспектов функционирования фразеологических единиц в литературе: от их роли в создании образной системы произведения до анализа индивидуально-авторского стиля. Особое внимание уделяется поэтической фразеологии как элементу языковой картины мира (Е. Н. Антонова [1]), вопросам структурно-семантической трансформации фразеологизмов и их стилистическим функциям в авторских текстах

(Е. А. Шумских [15]; Т. А. Дьякова [5]). Продолжается разработка словарей языка писателя, где фразеология рассматривается как ключевой элемент индивидуального стиля, способствующий передаче этнокультурных смыслов. Усилился интерес исследователей к функциональному потенциалу паремий и крылатых выражений в прозаических произведениях, особенно в региональной литературе, что позволяет рассматривать их как элементы не только художественной, но и культурной семиотики (Н. И. Комкова, О. В. Ломакина [7]). Одним из перспективных направлений является также изучение особенностей перевода фразеологических единиц в контексте межъязыковой и межкультурной комму-

никации, что позволяет выявить семантические сдвиги и культурные трансформации при передаче образной информации (В. А. Данилова [3]). В данной статье мы будем опираться на представление о функционировании фразеологических единиц в художественном тексте как на значимое средство создания образной структуры произведения и характеристики персонажей.

* * *

Фразеологические и паремиологические единицы включены в фокус внимания лингвопоэтики, рассматриваются как инструментарий, характерная идиостилевая черта, средство языковой выразительности художественного текста. Их эстетический потенциал применительно к творчеству прозаиков и поэтов разных эпох неоднократно привлекал внимание как лингвистов, так и литературоведов при изучении творческого наследия отдельных авторов. Однако применительно к творчеству Ю. В. Трифонова до настоящего времени не сложилось стройного и последовательного описания, связанного с функционированием фразеологических и паремиологических единиц в художественных текстах автора. Недостаточная изученность этого вопроса подчеркивает значимость настоящего исследования, направленного на восполнение пробелов в понимании идиостиля писателя и роли фразеологических средств. Особого внимания заслуживает тот факт, что произведения Ю. В. Трифонова, особенно тексты московских повестей, неоднократно становились иллюстративным материалом в лексикографической практике, свидетельствуя о богатстве и разнообразии фразеологических и паремиологических ресурсов языка писателя.

Мы исходим из понятия фразеологизма, заложенного в трудах Н. М. Шанского. Фразеологизм, фразеологическая единица – это

«общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизма» [13: 21].

Среди отличительных признаков фразеологизма – устойчивость, воспроизводимость, целостность значения, идиоматичность, образность, вариативность.

В текстах художественных произведений Ю. В. Трифонова фразеологические и паремиологические конструкции преимущественно по-

лифункциональны, связаны с ключевыми текстовыми категориями (дом, время, жизнь, смерть и мн. др.); могут выступать в качестве *тезаурусообразующих единиц*, способных вводить в текст ценностный, *лингвокультурологический смысл*. В свою очередь, как отмечает А. В. Королькова, «ценностная парадигма в диахронии отражается в устойчивых словесных формулах, оборотах речи. Это, прежде всего, фразеологические единицы и поговорки, а также афоризмы и крылатые выражения» [8: 485]. Фразеологические и паремиологические конструкции активно используются в *сильных текстовых позициях* (термин использован вслед за И. В. Арнольд), являются *ключевыми текстовыми единицами*.

При интерпретации фразеологических и паремиологических единиц мы опираемся на функциональный подход. Он предполагает необходимость описания, определения и изучения языковых единиц любого уровня в конкретных условиях их функционирования – в контексте, где они участвуют в реализации коммуникативных и эстетических задач. Такой подход акцентирует внимание на прагматическом и эстетическом потенциале фразеологических и паремиологических конструкций, на их способности формировать текстовое единство и выявлять значимые смысловые и ценностные доминанты произведения.

Заслуживает внимания и тот факт, что в прозе Ю. В. Трифонова фразеологические и паремиологические единицы могут быть выделены графически, что позволяет трактовать их не только как элементы лексико-фразеологического уровня, но и как особые семиотические знаки, интегрированные в систему идиостиля писателя. Уже в ранних произведениях писатель экспериментирует с различными приемами графического оформления – курсивом, разрядкой, полужирным шрифтом, прописными буквами в массиве строчных, использованием креолизированных текстов и др. Подобные визуальные маркеры не только привлекают внимание читателя, но и направляют восприятие текста адресатом, нарушая автоматизм чтения.

К настоящему времени сложилось множество подходов, связанных с пониманием оснований для выделения функций фразеологических и паремиологических единиц. В. М. Савицкий в работе «Основы общей теории идиоматики» выделяет такие функции, как идентифицирующая, дефиниционная, характеризующая, мнемотехническая, выразительная, изобразительная, эвфемистическая; криптолалическая (конспиративная), экспрессивная, эмотивно-оценочная, функция

сентенциозной оценки, моделирующая, кумулятивная, функция выражения размытых понятий и др. [11: 178–181].

Значимым представляется и учет прагматического компонента: фразеологические и паремиологические единицы способствуют выражению отношения говорящего «к номинируемому фрагменту действительности, к адресату и всей ситуации речевого общения <...> достижению определенного прагматического эффекта» [4: 110]. Среди прагматических функций фраземы Е. А. Добрыднева выделяет фатическую, побудительную, эмоционального воздействия, достижения эмпатии, формирования мнения, эстетического воздействия и т. д. [4].

В контексте настоящего исследования мы будем опираться на подход, заданный в трудах О. В. Ломакиной, отмечающей иерархичность функциональной стороны фразеологии, полифункциональность данных языковых средств, необходимость анализа функционирования фразеологических и паремиологических единиц внутри контекста [9].

Другой значимой предпосылкой становится учет фактора принадлежности фразеологической единицы дискурсу той или иной повествовательной категории. Подходом, позволяющим интерпретировать функционирование фразеологических конструкций через призму повествовательных форм в процессе их взаимодействия, становится лингвистика нарратива, дисциплина, изучающая «формальные правила извлечения из повествовательного текста всей той семантической информации, которую получает из него человек как носитель языка» [10: 41]. В настоящей статье нарратология понимается как дисциплина, анализирующая литературу сквозь призму коммуникативного подхода, при котором литературный текст мыслится как акт передачи смысла, осуществляющийся на множественных повествовательных уровнях. Такой подход позволяет интерпретировать нарратив как цепочку взаимосвязанных коммуникативных инстанций, включающую автора, нарратора, наррататора и читателя. Особое внимание в статье уделяется анализу повествовательных партитур и выявлению структурных отношений между различными субъектами нарратива. В качестве теоретической модели используется концепция коммуникативных уровней, разработанная В. Шмидом, в рамках которой мы исходим из определения повествовательной категории как инстанции нарративного литературного текста, рассказа, дискурса или разных категорий автора и читателя [14]. Ограничения данного под-

хода представлены в публикации И. Ю. Третьяковой «Проблемы изучения фразеологических единиц в дискурсе» [12].

Фразеологические и паремиологические единицы в произведениях Ю. В. Трифонова частотны как для речевых партий повествователей (нарраторов), так и для персонажной речи. В этом ракурсе они не только становятся средством индивидуализации речи героев, но и выполняют функцию маркировки повествовательного регистра, сигнализируя о смене повествовательной перспективы или о переключении коммуникативных уровней. Таким образом, в контексте данного подхода можно говорить об особенностях функционирования фразеологических и паремиологических конструкций в дискурсе отдельных повествовательных категорий. Анализ фразеологических конструкций позволяет выявить ряд закономерностей, связанных с их функционированием в художественном тексте.

Частотность использования фразеологических единиц варьируется в зависимости от повествовательного регистра. Наименьшая частотность отмечается в нейтральном повествовательном дискурсе, тогда как в персонажной речи фразеологические и паремиологические конструкции используются значительно активнее. Установлена корреляция между стилистической принадлежностью используемых фразеологизмов и типом повествовательного регистра: книжные фразеологические единицы чаще встречаются в дискурсе повествователя, а разговорные и стилистически маркированные конструкции преобладают в речи персонажей и зачастую закрепляются за конкретными героями.

Особое внимание необходимо уделить ключевым с точки зрения сюжетной организации эпизодам произведения, в которых наблюдается максимальная концентрация смыслов. Фразеологические и паремиологические единицы, используемые одновременно в дискурсах разных повествовательных категорий, обеспечивают многоаккурсность и многоплановость изображения событий, отражая различные позиции и оценки. Графическое выделение фразеологизмов в таких эпизодах усиливает их смысловую значимость, акцентирует читательское восприятие и способствует раскрытию глубинных ценностных и смысловых констант текста. В подобных случаях можно говорить о проявлении авторского отношения к изображаемому, которое «сравнительно редко находит отражение в прямых оценках, но проявляется на разных уровнях системы текста»¹.

В качестве примера яркой персонажной речи целесообразно привести наблюдения, связанные с дискурсом Льва Шулепникова. Он (Шулёпа)

въехал в Дом на набережной вместе со своим отчимом, переехал «в большой дом откуда-то из пригорода или даже, кажется, из другого города» (373)². В студенчестве Шулепников необъяснимо быстро стал деятелем. «Впрочем, объяснимо: за кулисами стоял отчим, обладавший гигантскими возможностями» (370). Но вскоре все изменилось:

«...несколько лет спустя, его жизнь перевернулась, второй его “батьа”, похожий на усатого запорожца, оказался не у дел, дом рухнул, машина исчезла, мать чудом уцепилась за что-то, оставшись в одиночестве, а Левка превратился в мелкого футбольного администратора, ездил с командой из города в город, добывал гостиницу, бутсы, мячи, “левые” игры и пьянствовал, за что вскоре был изгнан отовсюду, и потом занимался неизвестно чем» (484).

Сквозь временные пласты мы вновь видим Шулепу: мебельного подносила, которого «в одну страну заряжают года на три», сторожа на кладбище, где похоронена Соня. Для формирования целостной характеристики языковой личности персонажа необходимо систематизировать весь его речевой материал в художественном произведении [6: 70]. В речи Левки Шулепникова частотны разговорные фразеологические конструкции, многие из них сопровождаются в лексикографических источниках пометами «груб.», «вульг.-прост.», «прост.» и пр. Вслед за О. В. Ломакиной следует подчеркнуть, что «фразеология может быть характерной чертой языковой личности» [9: 158].

«— Чего-то ворчит на тебя... Никто, говорит, его **силой на трибуну не тянет**, пусть, говорит, **целку из себя не строит**... Чего, говорит, он бегаёт и всем жалуется?... Зануда, говорит, твой Глебов...» (465).

См. «...**ломаться как целка** груб.; **строить из себя целку** груб. Упорно и необоснованно (с точки зрения говорящего) отказываться от предложений или просьб (обычно предосудительных), мотивируя свой отказ моральными нормами, что осмысливается как поведение невинной девушки, не желающей вступать в сексуальные отношения, при том что отказывающийся совсем не похож на невинную девушку»³.

«Он (Левка) сам будет выступать, хотя ему тоже неловко, ведь он знает Ганчука с детства, да и некогда, голова занята не тем. Его сейчас в один вояж готовят на полгода, сидит ночами английский пилит, вон книжки валяются, словари. Но если нужно выступить, значит, нужно, старик-то маразмизирует, время его давно ушло, а он не чувствует, хорохорится вместо того, чтобы уступить место, и **не хрена тут разводить китайские церемонии**, а то хороши: **и на елку сесть и задницу не поцарапать**...» (464).

См. «**Не хрена** (делать что-л.) груб. Эвф.; не хрен (делать что-л.) груб. Эвф. Указание на то, что нет причин / оснований для того, чтобы кто-либо делал что-либо, хотя кто-то придерживается противоположной точки зрения, и выражение желания предотвратить эти действия. Незачем, нечего»⁴.

Для дискурса персонажа характерны паремийно-логические конструкции, ср.:

«Здравствуй, Дуня, *Новый год*. См. Здравствуй, жопа, Новый год. Вульг.-прост. Шутл.-ирон. 1. Шутливое приветствие. 2. *Неодобр.* О человеке, совершившем какую-л. глупость, нелепость, допустившем промах. 3. Выражение удивления, изумления. 4. Выражение резкого протеста, несогласия с чем-л. Мокиенко, Никитина 2003, 148»⁵.

«*Хорош гусь*. Прост. Неодобр. О нечестном, ненадежном человеке. ДП, 162, 471; Ф1, 131; ПОС 8,98»⁶.

«*Разводить китайские церемонии*. Разг. Шутл.-ирон. Утомительные и ненужные условности; излишнее проявление вежливости; бессмысленный этикет»⁷.

Каждая из данных единиц полифункциональна, не только служит средством характеристики языковой личности говорящего, но и выступает средством экспрессии, передает отношение говорящего к описываемому объекту, характеризует его как яркую языковую личность, стремящуюся занять лидерские позиции в коллективе. В то же время, если говорить об иерархии функций, на первый план выходит характеризующая функция фразеологизма как экспрессивной языковой единицы. Это не столько номинация явления, события, действия, сколько его оценка и характеристика. Шулепников открыто использует табуированную лексику, бравирует нарушением социальных норм [2: 16].

Для дискурса повествователя от первого лица, напротив, характерны стилистически нейтральные и книжные единицы, одиночные конструкции, маркируемые как «разговорные». Примечательно, что одной из таких единиц становится конструкция «катить бочку».

См. «*Катить бочку* (на кого-л.) жарг.; *Катить баллон / баллоны* (на кого-л.) жарг. Агрессивно предъявлять претензии (по большей части необоснованные) к кому-либо, что описывается как перемещение по направлению к субъекту тяжелого предмета, способного нанести ему физический ущерб. Обвинять, наезжать»⁸.

В тексте повести фразеологизм выделен графически при помощи разрядки, см.

«<...> то, что казалось тогда очевидностью и простотой, теперь открывается вдруг новому взору, виден скелет поступков, его костяной рисунок — это рисунок с т р а х а. Чего было бояться в ту пору глупоглазой юности? Невозможно понять, нельзя объяснить. Через тридцать лет ни до чего не дорыться. Но проступает скелет... Они к а т и л и б о ч к у на Ганчука. И ничего больше. Абсолютно ничего! И был страх — совершенно ничтожный, слепой, бесформенный, как существо, рожденное в темном подполье, — страх неизвестно чего, поступить вопреки, встать наперекор. И было это так глубоко, за столькими перегородками, под такими густыми слоями, что вроде и не было ничего похожего» (452).

При анализе фрагмента необходимо отметить, что страх выступает одним из сюжетообразующих мотивов произведения, является ключевым словом, неоднократно повторяющимся и организующим текстовое пространство повести. С течением времени становится очевидной сущностная природа поступков героев. Страх выступает в роли своеобразного «скелета» этих поступков. Спустя годы рассказчик осознает истинный смысл произошедшего и подбирает для его характеристики наиболее подходящую фразеологическую единицу, принадлежащую дискурсу участников описываемых событий. И это единица разговорная, нехарактерная для его речи. Выделенный фразеологизм выполняет функцию маркирования «чужого слова», что также характерно для графически выделенных единиц в идиостиле Ю. В. Трифонова. Выделенная фразеологическая конструкция полифункциональна: эмоционально-экспрессивная функция, вербализующая чувства и эмоции говорящего, номинативная функция (означивание, определение сути явления), функция маркирования чужого слова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило обозначить некоторые закономерности функционирования фразеологических и паремиологических единиц в художественном тексте Ю. В. Трифонова. Исследование фундировано подходом, заданным в трудах О. В. Ломакиной, отмечающей иерархичность функциональной стороны фразеологии, полифункциональность данных языковых средств, необходимость анализа функционирования фразеологических и паремиологических единиц внутри контекста. Приведены существующие классификации функций фра-

зеологических единиц; наблюдения, связанные с установлением зависимостей между теми функциями, которые характерны для отдельных фразеологических и паремиологических конструкций, и их принадлежностью дискурсу той или иной повествовательной категории. В ходе анализа установлено, что частотность использования фразеологических единиц варьируется в зависимости от повествовательного регистра. Наименьшая частотность отмечается в нейтральном повествовательном дискурсе, тогда как в персонажной речи разговорные фразеологические и паремиологические конструкции используются значительно активнее. Установлена корреляция между стилистической принадлежностью используемых фразеологизмов и типом повествовательного регистра: книжные фразеологические единицы чаще встречаются в дискурсе повествователя; разговорные и стилистически маркированные конструкции преобладают в речи персонажей и зачастую закрепляются за конкретными героями. В частности, на примере персонажной речи продемонстрировано, как экспрессивно окрашенные фразеологические и паремиологические конструкции становятся неотъемлемой частью языковой личности персонажа.

Фразеологические и паремиологические единицы, используемые одновременно в дискурсах разных повествовательных категорий, обеспечивают многоаккурность и многоплановость изображения событий, отражая различные позиции и оценки. Дополнительная интенсификация возможна за счет акцентуации единиц, ср. использования автором средств графического выделения (выделение разрядкой), выбор сильных текстовых позиций и пр.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. завед. М.: Изд. центр «Академия», 2003. С. 167.
- ² Трифонов Ю. В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Повести. М.: Худ. лит., 1986. 495 с. Ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.
- ³ Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 752.
- ⁴ Там же. С. 747.
- ⁵ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. С. 234.
- ⁶ Там же. С. 171.
- ⁷ Там же. С. 727.
- ⁸ Там же. С. 52.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Е. Н. Фразеология современной лингвопоэтики в таксономическом аспекте // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. 2021. № 2. С. 105–120 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/064/8_64.pdf (дата обращения 01.02.2025).

2. Василенко А. Г. Функции графически выделенного фрагмента в составе разных повествовательных партитур (на материале повести Ю. В. Трифонова «Дом на набережной») // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 15–20.
3. Данилова В. А. Механизмы передачи фразеологических единиц в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [На материале перевода Дарио Морейра Кастро Алвеса на португальский язык] // Litera. 2021. № 7. С. 90–98. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.7.33697
4. Добрыднева Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. Волгоград, 2000. 224 с.
5. Дьякова Т. А. Разговорная фразеология в произведениях Михаила Матусовского: Материалы к словарю языка писателя (А–Г) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (32). С. 64–71. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-64-71
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 363 с.
7. Комкова Н. И., Ломакина О. В. Функциональный потенциал паремий и крылатых единиц в художественном тексте (на примере рассказов Б. В. Шергина) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 10–2. С. 139–143. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.10-2.24
8. Королькова А. В. Русская афористика как отражение ценностной парадигмы российского общества // Преподаватель XXI век. 2024. № 4–2. С. 484–494.
9. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: Монография. М.: РУДН, 2018. 344 с.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996. 464 с.
11. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М., 2006. 208 с.
12. Третьякова И. Ю. Проблемы изучения фразеологических единиц в дискурсе // Фразеология и паремнология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 24–25 сентября 2020 года. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. С. 23–27
13. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1969. 231 с.
14. Шмид В. Нарратология. М., 2003. 312 с.
15. Шумских Е. А. Индивидуально-авторская фразеология в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 56–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66

Поступила в редакцию 08.04.2025; принята к публикации 07.07.2025

Original article

Anastasiia G. Vasilenko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0009-0000-7269-8688; ag.vasilenko@mpgu.su

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF COLLOQUIAL PHRASEOLOGY AND PAREMIOLOGY IN YURI TRIFONOV'S NOVEL *THE HOUSE ON THE EMBANKMENT*

Abstract. The article presents a functional and stylistic analysis of the use of phraseological and paremiological units in the literary texts of Yuri Trifonov. The relevance of the study is determined by the insufficient exploration of the writer's idiostyle from the perspective of the functioning of stable linguistic units. The aim of the research is to identify patterns in the functioning of phraseological and paremiological constructions across different narrative registers. The study is grounded in a functional approach focused on examining linguistic units within the context of their actualization. Particular attention is paid to the classification of functions of phraseological units, with an emphasis on their distribution across narrative levels. The novelty of the study lies in the interpretation of phraseological and paremiological constructions not only as elements of the lexical and phraseological level, but also as structural markers involved in constructing narrative perspective, expressing the author's stance, and modeling communicative relations between narrative instances – namely, the author, narrator, and character. The study reveals a correlation between the frequency and stylistic character of the phraseological units and the type of narrative register: literary phraseology is mainly concentrated in the authorial discourse, while conversational constructions are prevalent in the speech of characters. Using one of the narrative categories as an example, the article demonstrates how conversational phraseology and paremiology function as a means of shaping the linguistic personality of a character. Special attention is given to the graphic highlighting of phraseological units as a way of emphasizing their textual functions. The study concludes that phraseological and paremiological expressions exhibit multifunctionality and play a significant role in shaping the semantic dominants of the text.

Key words: paremiology, phraseology, functional approach, narratology, Yuri Trifonov, idiostyle, pragmatic potential

For citation: Vasilenko, A. G. Functional peculiarities of colloquial phraseology and paremiology in Yuri Trifonov's novel *The House on the Embankment*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):37–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1230

REFERENCES

1. Antonova, E. N. Phraseology of modern linguistic poetics in a taxonomic aspect. *World of Linguistics and Communication*. 2021;2:105–120. Available at: http://tverlingua.ru/archive/064/8_64.pdf (accessed 01.02.2025). (In Russ.)
2. Vasilenko, A. G. Functions of highlighted words in different narrative songs in the narrative *The House on the Embankment* by Yu. Trifonov. *Tomsk State University Journal*. 2015;392:15–20. (In Russ.)
3. Danilova, V. A. Mechanisms of conveying phraseological units in the novel “Eugene Onegin” by A. S. Pushkin (based on the translation into Portuguese language by Dário Moreira Castro Alves). *Litera*. 2021;7:90–98. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.7.33697 (In Russ.)
4. Dobrydnova, E. A. The communicative-pragmatic paradigm of Russian phraseology. Volgograd, 2000. 224 p. (In Russ.)
5. Diakova, T. A. Colloquial phraseology in Mikhail Matusovsky's works: materials for the dictionary of the writer's language (A–G). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2021;3(32):64–71. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-64-71 (In Russ.)
6. Karaulov, Yu. N. Russian language and linguistic personality. Moscow, 1987. 363 p. (In Russ.)
7. Komkova, N. I., Lomakina, O. V. The functional potential of paremias and winged units in a literary text (using the example of short stories by B. V. Shergin). *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series “Humanities”*. 2024;10(2):139–143. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.10-2.24 (In Russ.)
8. Korolkova, A. V. Russian aphoristics as a reflection of the value paradigm of Russian society. *Prepodavatel XXI vek*. 2024;4(2):484–494. (In Russ.)
9. Lomakina, O. V. Phraseology in texts: functioning and idiostyle. Moscow, 2018. 344 p. (In Russ.)
10. Paducheva, E. V. Semantic research. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.)
11. Savitsky, V. M. Fundamentals of the general theory of idiomatics. Moscow, 2006. 208 p. (In Russ.)
12. Tretyakova, I. Yu. Problems of studying phraseological units in discourse. *Phraseology and paremiology in diachrony and synchrony (from archaization to neologization): Proceedings of the international scientific and practical conference, Kostroma, 24–25 September 2020*. Kostroma, 2020. P. 23–27. (In Russ.)
13. Shansky, N. M. Phraseology of the modern Russian language. Moscow, 1969. 231 p. (In Russ.)
14. Schmidt, V. Narratology. Moscow, 2003. 312 p. (In Russ.)
15. Shumskikh, E. A. Individual author's phraseology in I. S. Turgenev's novel “Home of the Gentry” (“Dvoryanskoe gnezdo”). *Russian Language at School*. 2021;82(5):56–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66 (In Russ.)

Received: 8 April 2025; accepted: 7 July 2025

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
gyla4@yandex.ru

КОЛОТОЕ КОПЫТО: К СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕВЕРНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ НОМИНАЦИИ

А н н о т а ц и я . Рассматривается вопрос о происхождении севернорусской диалектной номинации *колотое копыто* в значении ‘о замужней женщине или обесчещенной девушке’, зафиксированной в олонецких говорах конца XIX века краеведом и этнографом Г. И. Куликовским. Проведенное исследование подтверждает, что это обозначение вписывается в общеславянскую традицию и дополняет ряд наименований типа *битый горшок*, *розная посудина* и под., во внутренней форме которых отражается представление о женщине, утратившей невинность, как о расколотом сосуде, что в акциональном коде свадебного обряда находит символическое выражение в ритуале битья горшков. Для компонента *копыто*, помимо очевидной метафоры, восходящей к прямому значению этого слова, предлагается мотивационная модель, обусловленная диалектным употреблением данной лексемы на Русском Севере в качестве названия головного убора замужней женщины. Выдвинутая гипотеза находит подтверждение в типичных для свадебной обрядности номинациях, в фокусе которых оказывается соответствующий образ (*венчанные*, *бесшамшурная*, *пустоволоска*, *покрытка*), а также в общности ареала распространения обоих названий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : колотое копыто, Г. И. Куликовский, свадебный обряд, битье горшков, невеста, Русский Север

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дьячкова И. Н. *Колотое копыто*: к семантико-мотивационной реконструкции севернорусской диалектной номинации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 44–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1231

ВВЕДЕНИЕ

Номинация, о которой пойдет речь в настоящей работе, упоминается в целом ряде лексикографических, этнолингвистических и фольклорно-этнографических источников (см., напр.: [5: 96], [7: 35], [8: 29], [12: 313]). Как правило, в этих исследованиях она дается со ссылкой на «Словарь русских народных говоров»¹, где представлена в следующем значении: «**Колотое копыто**. *Ирон.* О замужней женщине или обесчещенной девушке. Олон., Куликовский» (СРНГ 14: 305). Обращение к первоисточнику – «Словарю областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении»² Г. И. Куликовского, на который ссылается СРНГ (см. выше), позволяет конкретизировать территорию бытования этого выражения в конце XIX – начале XX века:

«**Колотое копыто** (Водлоз. Почезеро, Корбозеро, Кенозеро, р. Онега, Пудожь, Данилово, Пг.) называютъ

въ насмѣшку замужнихъ женщинъ, а въ Быковск. вол. (Каргополье. – *И. Д.*) тѣмъ-же именемъ зовуть нечестивыхъ дѣвушекъ» (Куликовский: 39).

Приведенные географические пометы свидетельствуют о его преимущественной локализации в восточных районах бывшей Олонецкой губернии – Каргопольском, Пудожском, Повенецком уездах, а также окрестностях Петрозаводска.

Помимо номинации *колотое копыто* Г. И. Куликовский представляет в своем словаре целый ряд сходных в формально-мотивационном отношении наименований с аналогичной терристорией распространения – Каргополье, Пудожье:

битый (колотый) горшокъ «дразнить женщинъ замужнихъ и вдовъ» (Куликовский: 4), *колотая посудина* (Куликовский: 39), *розная посудина* (Куликовский: 101). *Корма розна* «могутъ кричать лодке, которой править женщина» (Куликовский: 101).

Однако все эти шуточные, ироничные, а нередко презрительные обозначения женщин, утратив-

ших невинность, с использованием лексем *горшок* и *посудина* в контексте символики свадебного обряда, о чем будет сказано далее, получают достаточно прозрачную мотивировку, чего нельзя сказать об их именовании *копытом*, не вписывающемся в общую картину и заставляющем искать иные причины и объяснения его внутренней формы.

Определение этих причин, связанных с традициями и символикой севернорусского свадебного обряда, является предметом и целью проведенного исследования, направленного на выяснение так называемой «культурной этимологии» (термин С. М. Толстой [15: 223]) рассматриваемого наименования. В этнолингвистике приемы и принципы разработки подобных этимологических решений основываются на методе семантико-мотивационной реконструкции, который применяется в тех случаях, когда, как отмечает Е. Л. Березович,

«изучаются лексические единицы, представляющие собой результат вторичной номинации или ее источник <...> Такой материал может не ставить перед исследователем сугубо этимологические проблемы, предполагающие собственно корневую идентификацию, учет фонетико-словообразовательных закономерностей и пр. Проблемы состоят главным образом в реконструкции мотивировки и обнаружении историко-культурного контекста, стоящего за словами. Подобная реконструкция, как правило, невозможна для отдельного, рассматриваемого вне системных связей, изолированного слова; его необходимо поместить в мотивационный ряд, восстановить звенья сети, которая соединяет изучаемое слово с другими, обнаружить структуру этой сети» [2: 204–205].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Поскольку в нашем случае речь идет о двухсловной номинации, остановим вначале внимание на ее первом компоненте — лексеме *колотый*. В символике славянского свадебного обряда это наименование и его синонимы (*битый*, *розный* — в словаре Куликовского) восходят к ритуалам битья (продырявливания) посуды, которое традиционно устраивалось после первой брачной ночи и служило обозначением утраченной невестой девственности [14: 194]. С. М. Толстая отмечает, что наряду с привлечением цветового кода (демонстрация простыни, рубашки молодой и др.) семантическая оппозиция «целое — нецелое, разбитое, разорванное, истолченное и т. п.» является одним из наиболее древних и типичных способов «овеществления» в славянской свадебной обрядности «метафоры “женщина (женское лоно) — сосуд”, находящей подтверждение во многих языковых номинациях и культурных явлениях (ритуалах, верованиях и др.)» [14: 194]. В этно-

графических исследованиях отмечается, что «подать родителям “худой” (т. е. плохой, дырявый) кубок с вином» был одним из самых старых (известных с XV века) способов «осрамления» нечестной невесты в ходе русской свадебной церемонии [11: 197].

Обычай разбивать горшки во время свадебного обряда на Русском Севере фиксируется повсеместно. См., например, как описывается ритуал «бужения» молодых у поморов в словаре И. М. Дурова³, где представлен материал начала XX века:

«**Будить молодых.** Свадебный обычай, теперь отживающий вместе с традициями поморской свадьбы. Состоит он в следующем. Утром рано, на следующий день после венца, один из старших в семье (невестка, брат, деверь, тетка) берет глиняный горшок или какую-либо нещелявую (цельную) глиняную посудину и, с силой ударяя, бросает его к дверям комнаты молодоженов. Разбив в черепки посуду, будильщик уходит <...> Этот обычай несколько будет циничным в своем значении; он дает намек на превращение девушки в женщину. <...> Повс.» (Дуров: 40–41).

Аналогичный обычай в архангельских и ярославских говорах так и назывался *бить горшки*: «когда бьют посуду, поднимая молодых после первой брачной ночи» (АОС⁴ 9: 376; ЯОС⁵ 1: 60). В Северном Прикамье похожий обряд именовался *ломать (бить) корчагу*:

«**Ломать (бить) корчагу.** Ритуальное определение “честности” молодой, когда жениху после брачной ночи поручалось разбить глиняный сосуд. *Если честная невеста, так жених корчагу утром ломает.* <...> *Спать повезут молодых с гармонью, с рыбным пирогом, с вином. Мать, отец, свахи провожают. Утром они же идут будить с подносом. Корчаги потом ломали*» (ЭССП⁶: 84).

Ритуальное битье горшков на второй день свадьбы было распространено в Заонежье. Если невеста была честной, то крестная бросала об пол глиняный горшок со словами: «Хороши наши молодые!», в противном случае «для битья выдавался горшок, имеющий трещину» [9: 248]. Если невеста оказывалась девственницей, на стол могли выносить горшок с вареным молоком, перевязанным красной лентой, такие же ленты привязывались к рюмкам, которыми чествовали молодых после первой брачной ночи. Существовал также обычай будить молодых «под гром горшков»: «Бьют горшки в знак лишения девичьей чести» [9: 247].

В Тарногском районе Вологодской области, когда будили молодых, горшок разбивали о стену или о порог горницы. Свекровь при этом могла приговаривать: «Хороший был горшочек, жалко горшочка!» В некоторых деревнях после разбивания горшка невеста одаривала све-

кровь *горшечником* – специальным полотенцем для доставания горячих горшков из печи [1: 297, 366].

В Северном Прикамье, перед тем как разбить горшки, их могли надевать на головы молодым:

«на второй день свадьбы надевали горшки жениху с невестой на голову, затем их били (со словами “где бьется, тут и живется”), затем черепки выбрасывали на огород, “чтоб в огороде велось и чтоб дети были”; также осколки от битых горшков подкладывали под подушку брачной постели жениха и невесты» (ЭССП: 219).

Ритуальное битье горшка могло заменяться его «продырявливанием»: в Красновишерском районе Пермского края этот ритуал совершала свекровь, которая после пробуждения молодых ломала горшок черенком ухвата, ударяя им в дно глиняного горшка (ЭССП: 302).

На фоне сказанного становится понятна мотивационная основа севернорусских выражений *битый (колотый) горшок*, *колотая посудина*, *розна* (то есть ‘дырявая’) *посудина*, которые фиксируются в словаре Г. И. Куликовского. Все они подчеркивают отнесение женщины к определенной социовозрастной группе посредством апелляции к свадебному ритуалу, который этот статус за ней закреплял. Этнографический материал подтверждает, что разбивание горшков как метафора дефлорации могло приобретать как положительный (если невеста сохраняла целомудрие до брака), так и отрицательный (если невеста оказывалась «порченной») смысл. Это обстоятельство объясняет, почему аналогичный образ в народной речи использовался в том числе для обозначения нечестных невест. Отсюда понятна и коннотативная окраска подобных выражений, которую отмечают словари: заключая в себе прозрачный намек на физиологические подробности, связанные с телесным низом, символическим коррелятом которых выступало битье горшков, эти наименования либо выражали иронично-шутливый подтекст по отношению к женщине, «законно» утратившей невинность, либо презрительно клеймили ту, что не сумела сохранить свою девичью честь до брака.

Представление о потерявшей невинность женщине как о разбитой / продырявленной посуде находит отражение и в других севернорусских диалектных номинациях. К ним можно отнести, например, такой глагол, как *обрешетиться* в значении ‘(насм.) нарушить девство до замужества’, зафиксированный А. И. Подвысоцким⁷ в онежских говорах (Подвысоцкий: 106). Сход-

ный мотив прочитывается в устойчивом эвфемистическом обороте *ломать донышко* (перм.), обозначающем коитус: *Спали молодые, дёнышко-то ломали* (ЭССП: 85). Образ не расколотого, но тем не менее «испорченного» горшка лежит в основе выражения *снятая криночка*: «**Снятая криночка**. Яросл. Ирон. О девушке, утратившей невинность до замужества» (ЯОС 5: 90). Наконец, в Словаре русских говоров Карелии находим в каргопольских говорах еще одно наименование, синонимичное отмеченным Г. И. Куликовским, – *ломаный горшок*, но уже с более специализированным значением ‘жена новобранца’: *Ночь проспит, проспит, да в армишку уедет, а она останется ломаной горшок*. Карг. (СРГК⁸ 1: 378).

Обратимся далее ко второй части рассматриваемой номинации – лексеме *копыто*, которая, как уже было отмечено выше, не вписывается в представленный ряд. Данный вывод подтверждается анализом значений слова *копыто* в исторических и диалектных словарях, поскольку ни в одном из них не отражается его связь с наименованием какого-либо сосуда, что свидетельствует о семантической мотивации иного рода.

С одной стороны, существуют весомые основания обратиться в данном случае к прямому значению этой лексемы, исходя из которого выражение *колотое копыто* может быть определено как метафора, связанная с образом ступни парнокопытного животного (коровы, овцы). К аргументам, говорящим в пользу этой версии, например, можно отнести то, что бык и корова в свадебном обряде (наряду с петухом и курицей) в целом считаются «наиболее распространенными символами жениха и невесты, общими для всех славян» [4: 793]. Известно, что к слову *корова* восходит название *каравая*, который воплощал в себе соответствующую анималистическую символику. Повсеместно у русских при сватовстве использовались приговоры, в которых высказывалось желание купить корову или телушку либо найти корову для своего быка [4: 240]. А. В. Гура отмечает, что в смоленских говорах девушку на обручении иногда называли *коровкой*, также у русских на второй день свадьбы был известен шуточный обычай под названием *искать телушку* (или *искать ярку*) – спрятанную невесту [4: 104, 240]. Однако приведенные аргументы все-таки оставляют сомнения, поскольку во всех рассмотренных случаях в качестве символического коррелята невесты выступает название самого животного, тогда как представление о копыте коровы или овцы нигде не встречается.

Стремление найти альтернативу данному решению привело нас к иному значению слова *копыто*, которое отмечается в севернорусских говорах и закрепляется за названием одноименного головного убора, который носили в ряде районов Русского Севера замужние женщины. См. у В. И. Даля: «**Копытце** ср. умалит. арх. кокошник» (Даль⁹).

Словарь А. И. Подвысоцкого уточняет территорию распространения и раскрывает мотивировку этого названия: «**Копыто, Копытцо** – женский головной убор, сходствующий формою с копытомъ, – въ родѣ кокошника, но выше его. Онеж., Холм., Пин.» (Подвысоцкий: 70). Ссылаясь на А. И. Подвысоцкого и В. И. Даля, «Словарь русских народных говоров» фиксирует оба варианта, отмечая их функционирование в данном значении также в олонекских и вологодских говорах (СРНГ 14: 305). В словаре Г. И. Куликовского эта лексема не отмечена, но чрезвычайно любопытен для нас комментарий, который составитель дает для другого женского головного убора – *сдери́хи*, важным конструктивным элементом которого была твердая подковообразная основа в виде копыта, на которое крепилось очелье сороки: «Сдери́ха (Кеноз., р. Онега, Б. Шалга, Пд.) головной уборъ молодой замужней женщины **въ видѣ лошадинаго копытца** (выделено мною. – И. Д.), поддерживающий сороку» (Куликовский: 105). Обращает на себя внимание то, что для данной реалии обозначен практически тот же географический ареал, что и для анализируемого нами выражения.

Этнографические источники подтверждают, что *сдери́ха* за особенности формы также называли на Русском Севере *копытом*. Так, Н. И. Лебедева и Г. И. Маслова отмечают, что «наиболее значительная область распространения копытообразной кички, известной под названием “копыто”, “сдери́ха”, – Олонецкая, Архангельская и частично Вологодская губернии» [10: 25]. Свидетельствуют об этом и другие источники: о распространении в Каргопольском и Онежском уездах Олонецкой губернии *сдери́х* с «копытцами» пишет Г. А. Григорьева – автор каталога «Головные уборы Русского Севера» [3: 5], она же отмечает, что отличающиеся по форме, но с той же твердой подковообразной основой шапочки-«копыта» носили замужние женщины в Шенкурском уезде Архангельской губернии, Яренском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии [3: 7].

Чтобы объяснить, почему связь с *копытом* – головным убором кажется вероятной в случае

с обсуждаемым выражением, обратимся к типологическим параллелям. Первая и наиболее известная закреплена в таких номинациях, как общенар. *венчаться, венчание, венчанье, из-под венца*, помор. *венец, венца смотреть* (Дуров: 48), в которых оказывается запечатленным именно образ головного убора, которым покрывают головы брачующихся во время свадебного обряда. А. В. Тихомирова дополняет этот список такими диалектными номинациями, как орл., сиб. *принимать венец* ‘вступить в брак, венчаться’, печор. *без венца* ‘без проведения обряда венчания’, пск. *наложить венки* ‘обвенчать кого-либо’, сиб. *изломать венец* ‘экспр. разойтись с мужем’ [13: 44]. С. М. Толстая отмечает, что в Полесье «порченной» невесте не надевали венка, говорили, что она его «перетерла», «пролежала», «продрала», либо этот венок надевали поверх платка, «это было знаком того, что невеста нечестная, “покрытка” (букв. покрытая платком, преждевременно “обабившаяся”. – И. Д.)» [14: 199], ср. также украинское выражение *загубити вінок*, означающее потерять невинность до брака [5: 98].

Представление о головном уборе отражается и в других собственно женских номинациях. Так, на Русском Севере и ряде других территорий девушек, которые самовольно, «без родительского дозволения» вступали в брак и поэтому «при отсутствии сваты-кручельщицы» сами были вынуждены подбирать свои волосы под повойник (Подвысоцкий: 152), называли *самокрутками*. Отсутствие положенного по статусу и возрасту головного убора фиксируется в таких номинациях, как *бесшамшурная* (ЭССП: 21), *пустоволоска* [6: 31] со значением ‘старая дева’ (так и не примерившая головной убор замужней женщины – шамшуру). Моральный облик девицы, преждевременно утратившей невинность, закрепляется также в лексеме *простоволоска* ‘незамужняя, вольного поведения женщина, потерявшая право убирать голову по-девичьи’ (Даль). А. В. Коровашко, ссылаясь на этнографические труды Д. К. Зеленина, отмечает зафиксированные им подставные имена девок и баб, которые использовали охотники-промысловики на Дальнем Востоке, соблюдавшие табу на упоминание «прямых» женских имен. Девки они именовали *простыги* (то есть простоволосые), а женщин – *белоголовки* (по покрывавшей голову белой намитке / убрису) [8: 29]. Как видим, для выражения противопоставления в данном случае опять же используется представление о наличии / отсутствии на женщине головного убора.

Сказанное позволяет предположить, что именование *колотое копыто* могло быть образовано по сходной модели, где *копыто* – головной убор метонимически номинировало замужнюю женщину, а прилагательное *колотое* – по связи с тем же ритуалом битья горшков и символикой дефлорации в целом – означало утрату ею невинности. О возможности самостоятельного употребления данного определения свидетельствует выражение *розна корма* в значении ‘лодка, управляемая женщиной’, которое отмечает в своем словаре Г. И. Куликовский, где ироничный намек на «женскость» передается только первым словом. Кроме того, поскольку *колотым копытом* называли нечестных невест, лексема *колотый* в данном контексте могла передавать такие значения, как ‘порченный’, ‘бракованный’, ‘плохой’, что в соединении со словом *копыто* должно было прочитываться как ‘порченная невеста / жена’. Возможно, что именно эта функция обсуждаемого выражения и была первичной, если принимать во внимание предложенную гипотезу. Если же перед нами все-таки метафора, восходящая к прямому значению, то актуализация этой реалии в народном сознании, ее нетипичность для соответствующей общеславянской терминологии тоже кажутся неслучайными

на фоне распространения на той же территории свадебного головного убора с аналогичным названием. По-видимому, в этом еще предстоит разобраться.

ВЫВОДЫ

Выполненные наблюдения подтверждают, что номинация *колотое копыто*, обнаруженная в олонекских говорах конца XIX века Г. И. Куликовским, вписывается в общеславянскую традицию и дополняет ряд наименований, во внутренней форме которых отражается представление о женщине, утратившей невинность, как о расколоте сосуда, что в акциональном коде свадебного обряда находит символическое выражение в ритуале битья горшков на утро второго свадебного дня. Для компонента *копыто*, помимо очевидной метафоры, восходящей к прямому значению этого слова, предлагается мотивационная модель, обусловленная диалектным употреблением данной лексемы на Русском Севере в качестве названия головного убора замужней женщины. Выдвинутая гипотеза находит подтверждение в типичных для свадебной обрядности номинациях, в фокусе которых оказывается образ головного убора, а также в общности ареала распространения обоих названий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СРНГ – Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор; Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинград. отд-ние; СПб.: Наука, Санкт-Петербургский филиал, 1965–. Вып. 14: Кобзарик – Корточки. 2002. 376 с.
- ² Куликовский – Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1898. 151 с.
- ³ Дуров – Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Карельский науч. центр Российской акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2011. 453 с.
- ⁴ АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовоной. М.: Изд-во МГУ, 1980–. Вып. 9: Вязаться – Готовой. 1996. 400 с.
- ⁵ ЯОС – Ярославский областной словарь: [Учеб. пособие] / Мин-во просвещения РСФСР, Ярославский гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского; Ред. коллегия: Г. Г. Мельниченко (отв. ред.) [и др.]. Ярославль: ЯГПИ, 1981–1991. Вып. 1: Аа – Бобинка, 1981. 66 с.; Вып. 5: К – Лиова. 1986. 131 с.
- ⁶ ЭССП – Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / Под общ. ред. И. А. Подюкова. Пермь, 2004. 360 с.
- ⁷ Подвысоцкий – Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и сост. Александр Подвысоцкий. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. 198 с.
- ⁸ СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Санкт-Петербургский гос. ун-т; Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. Вып. 1: А – Дрожжаник. 1994. 512 с.
- ⁹ Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4 т.] М.: Русский язык, 1981–1982 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal/копыто> (дата обращения 22.05.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтыге (Тарног. р-н Вологод. обл.). М.: Современник, 1985. 390 с.
2. Березович Е. Л. О семантико-мотивационной реконструкции лексики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. Т. 16, № 4 (133). С. 199–214.

3. Григорьева Г. А. Головные уборы Русского Севера в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера»: Каталог. Архангельск: Правда Севера, 1999. 162 с.
4. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 935 с.
5. Гура А. В. Девичья честь в традиционной системе ценностей // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 93–108.
6. Зверева Ю. В. Наименование человека по отношению к браку в пермских говорах // Вестник Пермского университета. 2013. № 1 (21). С. 28–36.
7. Кабакова Г. И. Девственность // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2014. Т. 1: Д – К (Крошки). 1999. С. 35–36.
8. Коровашко А. В. Почему баба – «шелуха», или Русские скалды на берегах Витима // Живая старина. 2015. № 4 (88). С. 27–30.
9. Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.) / Науч. ред. К. В. Чистов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 327 с.
10. Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX века как материал к этнической истории народа // Советская этнография. 1956. № 4. С. 18–31.
11. Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. М.: Наука, 1978. С. 121–213.
12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 783 с.
13. Тихомирова А. В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда // Вестник Пермского университета. 2013. № 1 (21). С. 43–50.
14. Толстая С. М. Символика девственности в полесском свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996. С. 192–206.
15. Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 215–229.

Поступила в редакцию 17.02.2025; принята к печати 02.06.2025

Original article

Irina N. Dyachkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
gyla4@yandex.ru

KOLOTOE KOPYTO: ON THE SEMANTIC AND MOTIVATIONAL RECONSTRUCTION OF A NORTHERN RUSSIAN DIALECTAL NOMINATION

Abstract. The article discusses the origin of the Northern Russian dialectal nomination *kolotoe kopyto* (“broken hoof”), meaning a “married woman or dishonored girl”, as recorded in the Olonets dialects of the late XIX century by the local historian and ethnographer G. I. Kulikovskiy. The conducted research confirms that this designation fits into the all-Slavic tradition and complements a number of names such as *bityj gorshok* (“broken pot”), *roznyaya posudina* (“leaking tub”), etc., whose internal forms reflect the idea of a woman who lost her virginity as a broken vessel, which is symbolically expressed in the ritual of breaking pots within the action code of wedding ceremony. In addition to an obvious metaphor derived from the direct meaning of the word *kopyto* (“hoof”), the article presents a motivational model for this component based on the dialectal use of this lexeme in the Russian North as the name of a married woman’s headdress. The hypothesis put forward is confirmed by typical nominations used during wedding rituals, which focus on corresponding images (*venchannye* (“crowned”), *besshamshurnaya* (“without a headdress”), *pustovoloska* (“bare-headed”), *pokrytka* (“covered”)), as well as by the common distribution area of both names.

Key words: *kolotoe kopyto*, broken hoof, G. I. Kulikovskiy, wedding ritual, breaking pots, bride, Russian North

For citation: Dyachkova, I. N. *Kolotoe kopyto: on the semantic and motivational reconstruction of a northern Russian dialectal nomination. Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2025;47(7):44–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1231

REFERENCES

1. Balashov, D. M., Marchenko, Yu. I., Kalmykova, N. I. Russian wedding: Wedding ceremony on the Upper and Middle Kokshenga and on the Uftyuga (Tarnoga District, Vologda Region). Moscow, 1985. 390 p. (In Russ.)

2. Berezovich, E. L. On semantic and motivational reconstruction of vocabulary. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2014;16(4(133)):199–214. (In Russ.)
3. Grigoryeva, G. A. Headdresses of the Russian North in the collection of the State Museum Association “Artistic Culture of the Russian North”: Catalog. Arkhangelsk, 1999. 162 p. (In Russ.)
4. Gura, A. V. Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism. Moscow, 2012. 935 p. (In Russ.)
5. Gura, A. V. Maiden honor in the traditional value system. *Assessment category and value system in language and culture*. (S. M. Tolstaya, Ed.). Moscow, 2015. P. 93–108. (In Russ.)
6. Zvereva, Yu. V. Man nomination in the aspect of marriage in Perm dialects. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2013;1(21):28–36. (In Russ.)
7. Kabakova, G. I. Virginitiy. *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols.* (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, 1995–2014. Vol. 1: D – K (*Kroshki*). 1999. P. 35–36. (In Russ.)
8. Korovashko, A. V. Why women are *shelukha*, or Russian skalds on the banks of the Vitim River. *Zhivaya starina*. 2015;4(88):27–30. (In Russ.)
9. Kuznetsova, V. P., Loginov, K. K. Russian wedding in Zaonezhye (late XIX – early XX centuries). Petrozavodsk, 2001. 327 p. (In Russ.)
10. Lebedeva, N. I., Maslova, G. S. Russian peasant clothing of the XIX and early XX centuries as a source for studying the ethnic history of the people. *Sovetskaya etnografiya*. 1956;4:18–31. (In Russ.)
11. Lipinskaya, V. A., Safyanova, A. V. Wedding rituals of the Russian population of the Altai Mountain District. *Russian folk wedding ceremony*. Moscow, 1978. P. 121–213. (In Russ.)
12. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. Unabridged dictionary of Russian proverbs: more than 40,000 figurative expressions. Moscow, 2013. 783 p. (In Russ.)
13. Tikhomirova, A. V. Symbolism of names of clothes and shoes in Russian dialectal lexis and phraseology of the wedding ritual. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2013;1(21):43–50. (In Russ.)
14. Tolstaya, S. M. The symbolism of virginity in Polesye wedding rites. *Sex and eroticism in Russian traditional culture*. Moscow, 1996. P. 192–206. (In Russ.)
15. Tolstaya, S. M. Terminology of rites and beliefs as a source for the reconstruction of ancient spiritual culture. *Slavic and Balkan folklore. Reconstruction of ancient Slavic spiritual culture: Sources and methods*. Moscow, 1989. P. 215–229. (In Russ.)

Received: 17 February 2025; accepted: 2 June 2025

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА КАЗАКОВЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Института педагогики и психологии

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-1421-9404; olga_danilova90@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭПИТЕТОВ В ЛИРИКЕ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

А н н о т а ц и я . Актуальность статьи обусловлена недостаточной изученностью языковых особенностей поэтического языка Феофана Прокоповича. Объектом рассмотрения стали 315 эпитетов, извлеченных методом сплошной выборки из 24 стихотворных текстов, опубликованных в академическом собрании сочинений автора. Целью работы является морфологический и лексико-семантический анализ эпитетов, а также определение их стилистической функции в поэтических произведениях Феофана Прокоповича. В качестве основных методов исследования применяются морфологический, лексико-стилистический, контекстуальный и сопоставительный. Результаты проведенного анализа показывают превалирование в поэтических текстах Феофана Прокоповича постпозитивных эпитетов. Красочные определения активно используются автором в качестве риторических фигур, таких как антитеза, оксюморон, корневой и лексический повторы. Эпитетные словосочетания в лирике Феофана Прокопова часто становятся основой для создания античных, библейских и народно-поэтических образов. Результаты исследования важны для дальнейшего изучения стилистических особенностей творческого наследия Феофана Прокоповича.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Феофан Прокопович, русская поэзия XVIII века, троп, эпитет, риторические фигуры
Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Казаковцева О. С. Особенности употребления эпитетов в лирике Феофана Прокоповича // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 51–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1232

ВВЕДЕНИЕ

Феофан (Елеазар) Прокопович (1681–1736) – публицист, поэт, переводчик, видный церковный и политический деятель Петровской эпохи, оставивший богатое литературное наследие, которое содержит не только проповеди и трактаты по риторике, но и стихотворные произведения [13: 7]. Сподвижник Петра I, Прокопович восторженно описывал деятельность русского императора, прославляя его заслуги перед страной и народом. Яркие, наполненные фигурами речи, похвальные слова Феофан Прокопович посвящал военным, политическим и церковным событиям¹. Тематика его поэтических текстов несколько шире и в настоящее время все еще нуждается в подробном исследовании.

Материалом для настоящей статьи послужили 24 стихотворных текста Феофана Прокоповича из собрания 1961 года, изданного под редакцией И. П. Еремина². Целью исследования является

морфологический и лексико-семантический анализ эпитетов, а также определение их стилистической функции в поэтических произведениях Ф. Прокоповича. Методом сплошной выборки из анализируемых текстов нами было извлечено 315 словосочетаний с эпитетами. В настоящей статье рассматриваются эпитеты, выраженные именами прилагательными и причастиями.

Исследование эпитета как самостоятельной области поэтики имеет давнюю традицию и продолжается в настоящее время [2], [4], [5], [13: 37], [14], [18]. Современная эпитетология, по наблюдению С. А. Губанова, продолжает решать вопросы о сущности эпитета, его структуре и роли в идиостиле, а также занимается когнитивными исследованиями данного тропа [4], [5]. Под эпитетом будем понимать «слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее характерное их свойство» и выполняющее «эстетическую функцию»³.

Примечательно, что в своем труде «Об искусстве риторическом десять книг» Феофан Прокопович хоть и не рассматривает эпитет в качестве отдельной фигуры речи, однако сам термин им неоднократно используется при определении других риторических фигур:

«Дизреза, или расчленение, есть привлекательная фигура, когда дается перечисление многих одинаковых или разнородных предметов так, что каждому придается свой признак, т. е. глагол, или эпитет, или что-либо другое» [22: 254]; «Оксиморон – почти то же самое, что фигура коабитации, когда объединяются некоторые противоречащие друг другу или противоположные понятия, например, когда предмету придается контрастный эпитет» [22: 257].

Употребление эпитета находим также в рассуждениях Прокоповича «Об эпидейктическом (парадном) или цветистом роде красноречия», где автор рассуждает о способах нахождения остроумных выражений:

«Обычно к предметам прибавляют с некоторым скрытым смыслом такие глаголы, эпитеты или наречия, которые в обыденной жизни к ним совершенно не подходят...»; «не менее изящным представляется [остроумное выражение], когда один глагол, наречие или эпитет относится к двум самым различным предметам» [22: 411].

АНАЛИЗ ЭПИТЕТОВ В ЛИРИКЕ Ф. ПРОКОПОВИЧА

Основной формой выражения эпитетов в поэтических текстах Феофана Прокоповича являются имена прилагательные. Кроме полной формы находим и распространенные в языке XVIII века [12] усеченные прилагательные, количество которых составляет 8 % от общего числа эпитетов: *дивна гордость* (210)⁴, *в силны руки* (214), *милость прещедра* (216) и др.

Красочные определения превалируют в постпозиции: 57 % постпозитивных эпитетов (*враг жестокый* (219), *вѣсти торжественной* (209)), 43 % – препозитивных (*малоразсуднаго сердца* (214), *печальный голод* (223), *лютное время* (212)). Вероятно, на выбор постпозитивного эпитета Феофаном Прокоповичем не могло не повлиять знание латинского и польского языков, которыми он прекрасно владел, а также характер созданных им текстов. Как отмечает И. И. Ковтунова, в памятниках первой трети XVIII века «постпозиция качественных прилагательных была в арсенале тех средств, которые привлекались при изложении важных, торжественных или вообще возвышенных тем» [10: 71]. Для сравнения, в любовной лирике А. П. Сумарокова, не затрагивающей «высокие» темы, эпитетные прилагательные, напротив, располагались преимущественно перед определяемым словом (80 % препозиции) [9: 29]. А. В. Рожкова, анализируя эпитеты в поэзии А. К. Тредиаковского,

отмечает, что «основным местом эпитета по отношению к главному слову в словосочетании является контактная пре- и постпозиция», но количественных данных исследователь не приводит [21]. Функционирование эпитетов в поэтических произведениях XVIII века не раз привлекало внимание ученых [6], [11], [15], [17], [20], [21], [23] и др., однако расположение компонентов эпитетного словосочетания не становилось предметом специального изучения, что указывает на актуальность и перспективность исследования данного вопроса.

Эпифраза (употребляемый нами вслед за С. А. Губановым термин, обозначающий сочетание эпитета и определяемого слова [3: 51]) в поэтических текстах Прокоповича состоит в 95 % случаев из одного эпитета при определяемом слове: *от словес мятежных* (225), *сердце трепетное* (224). Наличие двух красочных определений при определяемом слове в лирике Феофана Прокоповича редко (5 % подобных сочетаний от общего числа эпитетов): *златый орган рифмоторческий* (209), *всероссийский вертоград широкий* (219), *вѣк долгий и пространный* (225). Возможно, в таком выборе структурной организации эпитетных словосочетаний находим отражение суждений Прокоповича о намеренном избегании «излишних словесных прикрас»: «мысли же не должны быть раздуты многословием...» [16: 109].

В поэзии Феофана Прокоповича обнаруживаем также небольшое количество прилагательных (1 % от общего числа эпитетов), употребленных в превосходной степени или с приставкой *пре-* для выражения наивысшей степени качества: *множайшая луча* (209), *лице краснѣйшее* (209), *преславном дѣлѣ* (213), *огонь превеликий* (215).

В поэтических текстах Прокоповича обращает на себя внимание использование церковнославянской лексики в составе эпитетного словосочетания: *крест златый* (214), *род благовѣрный* (209). По мнению Н. В. Патроевой, «в “Епиникионе” с помощью высоких эпитетов победа русского оружия над шведским изображается как одоление чужой веры, несправедного воинства, свержение бесовства и ереси» [16: 112]. Возвышенный характер повествования церковнославянизмы придают не только победной песне «Епиникион», но и переложениям псалмов: *нощный вран* (225), *страж оружный* (225).

Любопытен пример использования Прокоповичем церковнославянизма *рогатый* (*пророче рогатый* (216)) в послании «Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры», который не раз становился предметом изучения исследователей [1: 17–43]. В данном сочетании, по мнению уче-

ных, прилагательное используется в значении 'сильный, имеющий власть'⁵. Образ рога в метафорическом смысле также встречается в приветственном канте, адресованном Анне Иоанновне: *да вознесет бог / силы твоя рог* (218).

Интересен пример корневого повтора, используемого для акцентуации признака, в стихотворении на случай приезда в 1733 году императрицы Анны Иоанновны в загородный дом Феофана Прокоповича:

*Но стала быть деревня велика и славна,
когда прибыл **дражайший** гость, Анна державна.
Драгая ж то честь мѣсту, щастие наше **драго**
видѣть очи свѣтлыя гостя такового* (220).

Таким образом, церковнославянская лексика находит широкое употребление в эпитетных сочетаниях Прокоповича вне зависимости от стихотворного жанра и активно используется автором при создании риторических приемов, таких как антитеза и лексический повтор.

Насколько живо Феофан прославлял Петра I в произведениях, настолько же ярко он рисовал образы врагов. Так, в «Епиникионе» при описании вражеской силы используются мифологические образы змей и ехидны, положенные в основу метафорических эпитетов: *змѣнническим полчищем* (209), *рука змѣнница* (210), *змѣнничия силы* (213), *о племя ехиднино!* (210). Как и в панегирических текстах Прокоповича (но значительно реже), враг предстает в образе льва (*лев свирѣпый* (225)) как символа шведских противников императора. По замечанию О. Л. Довгий, бестиарная метафора – «любимый риторический инструмент Прокоповича» [7: 7]. Используемые для устрашения данные метафорические эпитеты показывают силу российского императора, его незыблемый характер, отвагу. Одержатъ победу над таким врагом может помочь только всевышний (по наблюдениям О. Л. Довгий, «всё, чего достиг Петр, было “по смотрению Божию”» [8: 107]), поэтому Бог изображается при помощи высоких эпитетов: *всесильный* (209), *всемогущий* (209), *непостижимый* (210).

Не только мифологические образы легли в основу риторических фигур, употребляемых Прокоповичем. Вслед за барочной традицией автор при характеристике российского императора употребляет имя представителя римского пантеона – Марса: *рускаго Марса* (214). Также данный теоним употребляется и в обиходном обозначении битвы [19: 16]: *да страшный там Марс жестокий / гримѣл там на весь пляц широкий* (215), *всю ночь там Марс шел дикий* (215). Данные перифрастические выражения находим в «Епиникионе» и стихотворении

«За могилою рябою», описывающем кровопролитную битву 1711 года в русско-турецкой войне.

Эпитеты у Феофана Прокоповича служат целям стилевому и жанровому формированию [16: 113]. В элегиях и песнях автор прибегает к использованию народно-поэтических образов, приближая стихотворения к «складу народных песен»⁶, например в стихотворении «За могилою Рябою...», созданном во время Прутского похода, участником которого был сам Феофан⁷: *дней красных* (216), *небес ясных* (216). Употребление фольклорных эпитетов находим в канте «Прочь уступай, прочь»: *Ты наш ясный свѣт / Ты и красный цвѣт* (218).

Античные и библейские образы «создают диалог многоязычия» [16: 111] в текстах Прокоповича. Палитру интертекстуальных переключек формирует и летописная традиция. Так, эпифраза *лютая брань* (213) «отсылает нас к формульным контекстам повествования о воинских подвигах русичей» [16: 111–112]. Наблюдаем, что употребление данного эпитета в поэтических текстах Прокоповича довольно широко и не ограничивается лексической сочетаемостью со словом *брань*: *супостат лютый* (209), *лютаго фараона* (210), *во лютое время* (212), *род лютый* (212), *зло лютю* (225), *в лютюй жизни* (226), *падеж лютый* (226).

Как правило, в поэтических текстах Прокоповича в состав эпифразы входит простой эпитет. Сложные эпитеты хоть и составляют 9 % от общего числа красочных определений, однако употребление их обнаруживаем практически в каждом стихотворном тексте. В первой части сложных эпитетов находим как примету старославянизмов корни *все-* (*боже всесильный* (209), *бог всемогущий* (209)), *благ-* (*род благовѣрный* (209), *благополучными... обѣты* (210)), *мал-* (*с малоразсуднаго сердца* (214), *к рабу малодушному* (224)), *суд-* (*мир суетстрастный* (220)), *бог-* (*Селий богомерзкий* (224)). Интересен употребляемый в переносном значении 'жестокий', 'свирепый'⁸ сложный эпитет с корнем *звер-* (*мучитель звѣровидный* (226)), отсылающий нас к бестиарной метафоре.

Помимо распространенных в литературе сложных эпитетов Прокопович использует и оригинальные: *скороногий страх* (212–213), *ловец злонадежный* (224), дефиниции которых отсутствуют в «Словаре русского языка XVIII века»⁹ и «Словаре Академии Российской»¹⁰, а также в Национальном корпусе русского языка¹¹. По замечанию Н. В. Патроевой, подобные лексемы «заслуживают право называться окказиональными» и требуют подробного изучения [16: 113].

Эпитетные словосочетания активно используются Феофаном Прокоповичем в качестве рито-

рических приемов. Так, красочные определения применяются при антитезе: противопоставление соратников царя, находящихся под Божьей защитой, и врагов, сподвигаемых бесом: *в полках же православных – племя ехидно* (210); противопоставление воцарения Анны Иоанновны и господства верховников: *Солнце Анна возсияла, / Свѣтлый день нам даровала* (218). Аналогичное сравнение прихода к власти императрицы со светом находим и в стихотворениях А. П. Сумарокова: *«Подсолнечная освѣтилась, / И тьма от града отвратилась: / Явился златозарный день: / Екатерина ... / Сняла с Россіи бѣдства тѣнь* (IX, 1)» [11: 108].

Употребление эпитетов при построении противопоставления находим в стихотворении «На приход ея императорского величия Анны Иоанновны, когда нас, в приморской мызкѣ нашей, посѣтить изволила», в котором подчеркивается становление неприметного места столь значимым после посещения императрицы:

*Малое се жилище, и жители мали
хотя б и с хозяином к оцѣнкѣ предстали,
Но стала быть деревня велика и славна,
когда прибыл дражайший гость, Анна державна* (220).

Эпитетные словосочетания активно используются Феофаном Прокоповичем при лексическом и корневом повторе, при помощи которого нагнетается страх, обозначенный эпитетами (*страшное блистание, страшный и великий / Град падает желѣзный* (212)), и подчеркивается описываемый признак (*малое се жилище, и жители мали* (220), *Гдѣ Петрополию вредил проѣзд водный, / плодоносныя судна пожирая, / Там цар-*

ским дѣлом стал канал всеплодный, / принося пользы, а вред отвращая (219)). Также корневой повтор используется в создании оксюморона: *самый страх нестрашный* (226).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного анализа эпитетов в поэтических текстах Феофана Прокоповича можем заключить, что основной формой выражения эпитета является имя прилагательное. Эпифраза, как правило, состоит из одного эпитета при определяемом слове. Нередко автор прибегает к использованию церковнославянской лексики в составе эпитетного словосочетания.

Красочные определения используются Прокоповичем при создании таких риторических приемов, как антитеза, повтор и оксюморон. Среди особенностей употребления данного тропа находим отражение риторических воззрений Прокоповича, изложенных им в трактате «Об искусстве риторическом десять книг»: обилие эпитетов в песнях, элегиях и посланиях и снижение их количества в эпиграммах объясняем следованием автора «умеренному использованию декоративных излишеств для “средних” жанров и еще более умеренному употреблению фигур в “низком” стиле» [22: 74–75].

Эпитет, являясь одной из украшающих фигур речи, активно применяется в лирике Феофана Прокоповича, участвуя в создании библейских, античных и народно-поэтических образов, которые автор умело использует и соединяет между собой при описании исторических сюжетов, а также событий личной биографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: Учебник для высш. учеб. заведений. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. С. 15–22.
- ² Прокопович Феофан. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 502 с.
- ³ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
- ⁴ Здесь и далее цифра в скобках за контекстом означает номер страницы по изданию: Прокопович Феофан. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 502 с.
- ⁵ Еремин И. П. Примечания // Прокопович Феофан. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 483.
- ⁶ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века... С. 21.
- ⁷ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. 752 с.
- ⁸ Зверовидный // Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 1995. Вып. 8. Залезть–Ижоры. С. 151.
- ⁹ Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 1995. Вып. 8. (Залезть–Ижоры). 256 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/slov-abc/08.htm?cmd=0> (дата обращения 15.02.2025). Для лексемы *скороногий* проверка пока невозможна ввиду незавершенности словарного проекта.
- ¹⁰ Словарь Академии Российской. Ч. III. СПб.: При Императорской Акад. наук, 1792. Стлб. 84–88 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3173/10109/> (дата обращения 15.07.2025); Словарь Академии Российской. Ч. V. СПб.: При Императорской Акад. наук, 1794. Стлб. 492–494 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3173/10111/> (дата обращения 15.07.2025).
- ¹¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 15.02.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М. П. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 445 с.
2. Булахова Н. П., Сковородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
3. Губанов С. А. Структурные типы эпитетных комплексов в творчестве М. Цветаевой // Вестник СамГУ. 2008. № 5/2 (64). С. 51–60. DOI: 10.18287/2542-0445-2008-14-5.2-51-60
4. Губанов С. А. Эпитетный комплекс в текстах Марины Цветаевой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 32–40. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_4_32
5. Губанов С. А. Эпитетный комплекс в прозе М. Цветаевой: лингвистические механизмы образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 1. С. 56–65. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2025-1-5
6. Гукровский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л.: Academia, 1927. 212 с.
7. Довгий О. Л. Пётр – победитель зверей и стихий (по сочинениям Феофана Прокоповича) // Бестиарий и стихии: Сб. ст. / Сост. А. Л. Львова. М.: Intrada, 2013. С. 6–19.
8. Довгий О. Л. Петровский канон Феофана Прокоповича // Вестник РГГУ. 2013. № 20. Филологические науки: Литературоведение. Фольклористика. С. 100–109.
9. Казаковцева О. С. Эпитеты в любовной лирике А. П. Сумарокова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 4 (121). С. 27–36. DOI: 10.23859/1994-0637-2024-4-121-3
10. Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX века. М.: Наука, 1969. 231 с.
11. Кожевникова Н. А. «Оды торжественные» А. П. Сумарокова: язык и стиль // А. П. Сумароков (1717–1777): Жизнь и творчество: Сб. ст. и материалов / Сост. Е. П. Мстиславская. М.: Пашков дом, 2002. С. 98–132.
12. Кулева А. С. Усеченные прилагательные в русской поэзии // Русская речь. 2008. № 3. С. 35–39.
13. Кутина Л. Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 7–46.
14. Москвин В. П. Эпитет в художественной речи // Русская речь. 2001. № 4. С. 21–32.
15. Патроева Н. В. К вопросу о поэтике стихотворных произведений Антиоха Кантемира // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19 (4). С. 669–691. DOI: 10.21638/spbu09.2022.402
16. Патроева Н. В. Отражение теоретических воззрений Феофана Прокоповича в его поэзии // Русская литература. 2024. № 2. С. 107–118. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-107-118
17. Патроева Н. В., Лебедев А. А. Система тропов и фигур речи в лирике В. К. Тредиаковского (в аспекте российской риторической традиции) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 6. С. 41–48. DOI: 10.20339/PhS.6-24.041
18. Патроева Н. В. Стилистика художественной речи. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 215 с.
19. Патроева Н. В. Тропы в стихотворениях Феофана Прокоповича: метонимия и синекдоха // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 14–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1087
20. Петрова З. М. Эпитеты М. Н. Муравьева // Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 151–166.
21. Рожкова А. В. Эпитеты в ранней лирике В. К. Тредиаковского // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 35–45. DOI: 10.52172/2587-6945-2022-21-3-35
22. Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. с лат. Г. А. Стратановского; Отв. ред. С. И. Николаев; Подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; Коммент. Е. В. Маркасовой; Науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.
23. Харченко В. К. Поэзия М. В. Ломоносова: особенности художественной перцепции // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 12 (131). Вып. 14. С. 43–49.

Поступила в редакцию 18.03.2025; принята к публикации 07.07.2025

Original article

Olga S. Kazakovtseva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-1421-9404; olga_danilova90@mail.ru

EPITHETS IN THE LYRIC POETRY OF FEOFAN PROKOPOVICH

Abstract. The relevance of this study arises from the limited exploration of the linguistic features of Feofan Prokopovich's poetic language. The focus of this research is on 315 epithets drawn from 24 of his poems. The primary

objective of this research is to conduct a morphological and lexical-semantic analysis of these epithets to establish their stylistic function in the lyric poetry of Feofan Prokopovich. The analysis utilized morphological, lexical-stylistic, contextual, and comparative methods. The findings reveal the prevalence of post-positive epithets in the poetic texts of Feofan Prokopovich. Epithets are actively used by the author as rhetorical figures, such as antithesis, oxymoron, and repetition. Epithet phrases in Feofan Prokopovich's lyric poetry often become the basis for the creation of ancient, biblical, and folk poetic images. The results of this study are significant for further investigations into the stylistic uniqueness of Feofan Prokopovich's works.

Key words: Feofan Prokopovich, eighteenth-century Russian poetry, trope, epithet, rhetorical figures

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation grant No 24-28-00696 (<https://rscf.ru/project/24-28-00696/>).

For citation: Kazakovtseva, O. S. Epithets in the lyric poetry of Feofan Prokopovich. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):51–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1232

REFERENCES

1. Alekseev, M. P. "The Horned Prophet" by Feofan Prokopovich. *From the history of Russian literary relations in the XVIII–XX centuries*. Moscow; Leningrad, 1959. 445 p. (In Russ.)
2. Bulakhova, N. P., Skovorodnikov, A. P. Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic). *Ecology of Language and Communicative Practice*. 2017;2:122–143. (In Russ.)
3. Gubanov, S. A. The structural types of epithets complexes in poetry of Marina Tsvetaeva. *Vestnik of Samara University*. 2008;5/2(64):51–60. DOI: 10.18287/2542-0445-2008-14-5.2-51-60 (In Russ.)
4. Gubanov, S. A. Epithet complex in Marina Tsvetaeva's texts. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2022;8/4:32–40. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_4_32 (In Russ.)
5. Gubanov, S. A. The epithet complex in the prose of Marina Tsvetaeva: linguistic mechanisms of formation. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University*. Series: Philology, Pedagogy, Psychology. 2025;1:56–65. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2025-1-5 (In Russ.)
6. Gukovsky, G. A. Russian poetry of the XVIII century. Leningrad, 1927. 212 p. (In Russ.)
7. Dovgiy, O. L. Peter – the conqueror of beasts and elements (based on the works of Feofan Prokopovich). *Bestiary and the elements* (L. L'vova, Ed.). Moscow, 2013. P. 6–19. (In Russ.)
8. Dovgiy, O. L. Peter the Great's canon in Theophan Prokopovich's works. *RSUH/RGGU BULLETIN*. Philology. Literature. Folklore Studies. 2013;20:100–109. (In Russ.)
9. Kazakovtseva, O. S. Epithets in the love lyrics of A. P. Sumarokov. *Cherepovets State University Bulletin*. 2024;4(121):27–36. DOI: 10.23859/1994-0637-2024-4-121-3 (In Russ.)
10. Kovtunova, I. I. Word order in the Russian literary language of the XVIII century and the first third of the XIX century. Moscow, 1969. 231 p. (In Russ.)
11. Kozhevnikova, N. A. "Solemn Odes" by A. P. Sumarokov: language and style. *A. P. Sumarokov (1717–1777): Life and work*. (E. P. Mstislavskaya, Ed.). Moscow, 2002. P. 98–132. (In Russ.)
12. Kuleva, A. S. Truncated adjectives in Russian poetry. *Russian Speech*. 2008;3:35–39. (In Russ.)
13. Kutina, L. L. Feofan Prokopovich. Words and speeches. The problem of the linguistic type. *The language of Russian writers of the XVIII century*. (Yu. S. Sorokin, Ed.). Leningrad, 1981. P. 7–47. (In Russ.)
14. Moskvina, V. P. Epithets in literary speech. *Russian Speech*. 2001;4:21–32. (In Russ.)
15. Patroeva, N. V. To the question of the poetics of the Antiochus Kantemir's poems. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022;19(4):669–691. DOI: 10.21638/spbu09.2022.402 (In Russ.)
16. Patroeva, N. V. Theoretical views of Feofan Prokopovich as reflected in his poetry. *Russkaya literatura*. 2024;2:107–118. DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-107-118 (In Russ.)
17. Patroeva, N. V., Lebedev, A. A. The system of tropes and figures of speech in the lyrics of V. K. Trediakovsky (in the aspect of the Russian rhetorical tradition). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2024;6:41–48. DOI: 10.20339/PhS.6-24.041 (In Russ.)
18. Patroeva, N. V. Stylistics of literary language. Petrozavodsk, 2018. 215 p. (In Russ.)
19. Patroeva, N. V. Tropes in the poems of Feofan Prokopovich: metonymy and synecdoche. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):14–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1087 (In Russ.)
20. Petrova, Z. M. Epithets of M. N. Muravyov. *The language of Russian writers of the XVIII century*. (Yu. S. Sorokin, Ed.). Leningrad, 1981. P. 151–166. (In Russ.)
21. Rozhkova, A. V. Epithets in the early lyrics of V. K. Trediakovsky. *Libri Magistri*. 2022;3(21):35–45. DOI: 10.52172/2587-6945-2022-21-3-35 (In Russ.)
22. Prokopovich, F. Ten books on the art of rhetoric. (E. V. Markasova, S. I. Nikolaev, Eds.). Moscow; St. Petersburg, 2020. 488 p. (In Russ.)
23. Kharchenko, V. K. M. V. Lomonosov's poetry: peculiarities of literary perception. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*. 2012;12(131)-14:43–49. (In Russ.)

Received: 18 March 2025; accepted: 7 July 2025

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА СЕМЕНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-8905-1506; olsemenova@bk.ru

К ВОПРОСУ О НАПИСАНИИ ЧАСТИЦЫ ТАКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А н н о т а ц и я . Целью исследования является анализ разных случаев написания частицы *таки* в текстах XIX–XXI веков. Материалом послужили контексты из Национального корпуса русского языка. Проблематика заключается в отсутствии единообразного написания (раздельного и дефисного) частицы *таки* в разные исторические периоды, что можно проследить в текстах XIX – начала XXI века. Анализ представленных в работе орфографических словарей, пособий и справочников по русской орфографии и пунктуации XIX–XXI веков показал, что до настоящего времени не существует единых правил написания *таки* даже в изданиях, дополняющих друг друга. Предпринята попытка раскрыть основные причины отсутствия единообразного написания частицы. Актуальность исследования обусловлена подготовкой уже анонсируемого нового свода правил русской орфографии и пунктуации, отвечающего современным языковым тенденциям. Появление данной статьи объясняется необходимостью унификации написания частицы *таки* и закрепления единой орфографической нормы во всех учебных пособиях, справочниках и словарях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : орфографические правила, частица *таки*, раздельное / дефисное написание, Я. К. Грот, новый свод правил русской орфографии и пунктуации

Д л я ц и т и р о в а н и я : Семенова О. В. К вопросу о написании частицы *таки* в русском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1233

ВВЕДЕНИЕ

В теории частиц русского языка, несмотря на пристальное их изучение в течение длительного времени, остается много вопросов. Это касается определения грамматического статуса, состава частиц, особенностей их функционирования, а также, что особенно важно в нашем случае, написания.

Частицы традиционно относятся к классу неизменяемых слов, которые выражают разные отношения:

«Отношения сообщаемого к участникам акта речи (к говорящему, слушающему), а также отношения между ними; отношение сообщаемого к действительности (в плане его реальности / ирреальности, достоверности / недостоверности); отношение между высказываниями и их компонентами» [18: 838].

Академик А. А. Шахматов к частицам относит слова, «усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат»¹, то есть слова, которые «имеют формальное, служебное значение»². Как отмечает В. В. Виноградов, это

«классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений»³.

К частицам же в традиционном понимании, то есть к группам слов, за которыми «сохраняется обычно звание “частиц” в собственном смысле»⁴, В. В. Виноградов относит

«несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами гибридно-полуграмматического, полулексического типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами – с другой»⁵.

Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных классификации частиц, функционированию их в речи, грамматическим и семантическим особенностям, до сих пор, как справедливо отмечают М. В. Боброва и Е. В. Колосько, в их составе можно выделить ряд слов, которые невозможно однозначно квалифицировать:

«По-прежнему не определены границы класса частиц (как не определено однозначно, является он морфологическим или чисто функциональным), а решению этой, краеугольной, проблемы препятствуют явления полифункциональности (грамматической омонимии с сохранением общей семы), (лексической) омонимии и гибридности (наложением разных грамматических значений) в современной языковой системе» [1: 9].

Важно отметить, что многие исследователи говорят о том, что «до сих пор не установлен точный состав частиц» [16: 474]. По подсчетам О. Н. Смирнова,

«словарь под редакцией Д. Н. Ушакова фиксирует 84 частицы, Словарь современного русского литературного языка (БАС – Большой академический словарь) фиксирует 131 частицу; Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС – Малый академический словарь) фиксирует 110 частиц; Словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова фиксирует 75 частиц» [16: 474].

Объектом нашего изучения является частица *таки*, значение которой определяется как «тем не менее, всё же, однако»⁶.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Как известно, частицы в русском языке могут писаться раздельно или через дефис. В большинстве случаев написание частиц не вызывает вопросов: необходимо лишь запомнить, что ряд частиц (например, *же*, *бы*) пишутся раздельно, а некоторые группы (*с*, *ка*, *то* и др.) – через дефис. Проблемы возникают при написании частицы *таки*, так как она в современном русском языке может писаться как раздельно, так и через дефис.

Полный академический справочник правил русской орфографии и пунктуации устанавливает написание частицы *таки* через дефис только в следующих случаях: когда она следует за сказуемым (выраженным любой формой), причастием, деепричастием, наречием и частицей⁷. В других случаях *таки* пишется раздельно с предшествующим ей словом. Но важно отметить, что в «Русском орфографическом словаре», изданном так же, как и справочник, о котором писали выше, под редакцией В. В. Лопатина и под грифом Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, устанавливается следующее написание частицы:

«*таки* – частица, пишется через дефис с предшествующим глаголом (вернулся-таки), наречием (довольно-таки, прямо-таки) и в словах всё-таки, так-таки; в остальных случаях – раздельно (он *таки* приедет)»⁸.

То же правило отражено и в другом словаре В. В. Лопатина (в соавторстве с Л. Е. Лопатиной) «Слитно, раздельно или через дефис?»⁹. Таким

образом, мы видим, что даже в изданиях, дополняющих друг друга, правила написания частицы *таки* расходятся.

В изданном также под грифом Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН «Объяснительном русском орфографическом словаре-справочнике» комментарии к написанию частицы *таки* не совпадают с объяснением правила в вышеуказанных изданиях. В справочнике акцент делается на том, что

«чаще всего частица относится к логическому выделенному компоненту высказывания (или части высказывания в полипредикативных конструкциях), который обычно выражается в сказуемом или наречном обстоятельстве при сказуемом»¹⁰.

Авторы справочника обозначают следующие случаи, в которых частица *таки* пишется через дефис: «с предшествующим главным словом (*он пришел-таки*) <...> В сочетаниях *прямотаки*, *так-таки*, *просто-таки*, *довольно-таки*, *все-таки*, *опять-таки*»¹¹.

В большинстве учебных пособий, справочников, словарей, предназначенных для широкого круга читателей, предписывается писать *таки* через дефис после глаголов, наречий и частиц: в «Большом справочнике по русскому языку»¹², «Справочнике по правописанию и литературной правке»¹³ Д. Э. Розенталя, в «Словаре-справочнике русского языка» В. В. Бурцевой¹⁴, в «Слитно? Раздельно? Через дефис?» Б. З. Букчиной¹⁵, в «Справочнике по орфографии и пунктуации» М. Б. Елисеевой¹⁶, в учебных пособиях для подготовки к ЕГЭ¹⁷.

Одна из причин такого разногласия и, как следствие, вопросы и трудности в написании частицы связаны, на наш взгляд, со сравнительно редким ее употреблением в речи носителей языка. Обратившись к Словарю частотности, мы можем прийти к выводу, что слова, которые включают частицу, имеют разный коэффициент частотности в языке. Речь идет только о словах, которые есть в словаре: *все-таки*, *опять-таки*, *прямотаки*, *довольно-таки*. Приведем данные из «Нового частотного словаря русской лексики» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова¹⁸. Напомним, что данный словарь основан на текстах Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ¹⁹) и включает наиболее употребительные слова современного русского языка – 60000 словоформ. Одно из самых частотных слов – *все-таки*²⁰, которое употребляется и в качестве частицы, и в качестве союза²¹, по классификации И. А. Нагорного, выполняет локализационную функцию, «характерную для русских частиц в коммуникативной сфере» [8: 375], и относится к эмоциональной группе

частиц, которая «активно работает в речевой зоне коммуникации как средство эмотивизации и экспрессивизации прагматически сориентированной информации» [9: 267]. Так, частотность *все-таки* (irm – число употреблений на миллион слов) в качестве частицы 261,3, но в качестве союза уже 4,4, причем в текстах художественной литературы и в публицистических текстах 50–60-х годов XX века показатель стремится к нулю (0,5 и 0,0 соответственно), в то время как в публицистических текстах 70–80-х годов этот показатель уже достигает 11,4. Показатель других слов значительно ниже: *опять-таки* – 15,7, *прямо-таки* – 9,1, *довольно-таки* – 3,5.

Частотность самой частицы *таки* составляет всего 12,9. Причем в художественных текстах последних 70 лет частота ее употребления падает (с 24,5 до 14,9), а в публицистических текстах, согласно данным Частотного словаря, эта частица уже в 50–60-е годы XX века почти не использовалась.

Для анализа написания слова *таки* в разных позициях обратимся к текстам НКРЯ. В первую очередь интересно посмотреть, какое написание было у частицы в старой орфографии, поэтому мы изучили тексты художественной литературы с 1869 по 1905 год. Мы принципиально не брали тексты в оригинальной орфографии, опубликованные ранее XIX века, поскольку, как справедливо отмечает О. И. Онецкая, «дефисное написание слов входит в практику русского письма в 20-е годы XVIII века» [11: 77]. Тексты первой половины XIX тоже не анализировались, так как в это время дефисное написание все еще остается «новым явлением... еще не сформировавшимся окончательно» [11: 77]. Проанализировав 476 примеров в 104 текстах, мы пришли к выводу, что во второй половине XIX – начале XX века не было единообразного написания частицы *таки*. Так, расхождения в ее написании могут встречаться в одних и тех же изданиях, при этом не единичны случаи, когда в одинаковых условиях может отдаваться предпочтение разному графическому оформлению. Так, например, в издании повести «Родной угол» (1905) Н. А. Лейкина в одних и тех же случаях употребления *таки* после глагола дефис используется непоследовательно (*Уразумѣль таки! Вѣдь добился таки я!*, но *Не слушаетесь-таки?*). Разное написание частицы *таки* после глагола мы обнаруживаем и в других произведениях писателя: «В гостях у турок» (1897) (*Доставили таки намъ самоваръ! – Обсчиталь-таки, стараго турецкаго морда, на два съ половиной пиастра!*), «На заработках» (1891) (*Заговори-*

ла таки! радостно подмигнуть лакей, Не выжила-таки, голубушка!). В произведении «Купец пришел!» (1903) еще интереснее: при одном и том же глаголе в одном случае частица *таки* написана через дефис, в другом – без дефиса (*Доканаль таки! Опять доканаль! – воскликнул капитанъ, бросаясь къ ней съ флакономъ спирт, Доканали-таки! – произнесъ онъ, схватившись за голову и тотчасъ-же бросился вмѣстѣ съ Пятищевымъ поднимать княжну*). По-разному в произведениях Н. А. Лейкина пишется и слово *все-таки*, но в этом случае, в отличие от предыдущего, мы можем проследить определенную логику: дефисное написание появляется, если к частице присоединяется другая частица, например *же* или *бы* (*Все-таки-же онъ женами называются* (В гостях у турок, 1897), *Все-таки-бы надо поторговаться. Двѣ тысячи пять сотъ дорого* (В ожидании наследства, 1889)), в остальных случаях дефиса нет (*Все таки, родной православный народъ, отвѣчала Глафира Семеновна* (В гостях у турок, 1897)).

Примеры, когда в произведениях одного автора одно и то же слово пишется по-разному, встречаются неоднократно: у Н. П. Анненкова-Бернара мы чаще встречаем написание частицы *все-жъ таки* с дефисом перед *жъ*, а фонетический вариант («дублетная форма с гласным» [3: 25]) *все же таки* без дефиса (*Все же таки облегчение сдѣлалъ... и на томъ спасибо* (Русское богатство, 1898)), но обнаруживаем вариант и *все-же таки* (*А все-же таки ты, милый, покорися, на все воля Господня* (Не хотел, 1900)). Тенденции, когда написание определяется фонетическим вариантом частицы *жъ* (*же*), не редкость. Так, в романе «Свадебный бунт» (1886) Е. А. Салиаса сохраняется дефисное написание только с частицей *жъ* (*Мнѣ, все-жъ таки, надо ему посылку исполнить и тебѣ его мысли передать, намъ, не ты, а все-жъ таки...*), а раздельное – с *же* (*Отказъ получилъ, но, все же таки, сватался. Нѣтъ, все же таки, говори, а то не пойду и др.*). В романе «Путешественники» (1877) уже другое написание: *А все-жъ-таки спасибо вамъ...* Также дефис сохраняется и с *жъ* (такое написание практически не встречается в произведениях других писателей): *Но все-жъ таки по прямому трахту теперь живо дождемъ*. Здесь надо сделать небольшое отступление о написании частицы *же* в XIX веке. В это время, как отмечают исследователи, происходит «освоение дефиса как знака полуслитного написания» [2: 16]. Об этом подробно можно прочитать в статье В. В. Кавериной и П. Чжао «Дефисное (полуслитное) написание как этап становления орфо-

графии частицы *же*» [2: 16]. Отметим только ключевой момент:

«Словари конца XVIII – начала XIX вв. не отражают данной тенденции и кодифицируют раздельное написание частиц в случаях, когда они не становятся частями других слов – частиц или союзов. Проанализировав данные узуса, Грот утвердил раздельное написание частицы *же* (*жь*)» [2: 16].

Но не всегда наблюдаем такую закономерность. Особенно интересно было проанализировать произведения, в которых часто используется частица *таки*. В первую очередь приведем примеры из романа М. К. Иогеля «Между вѣчностью и минутой» (1880), поскольку в этом произведении около 100 раз встречается *таки*, написание которой (через дефис или раздельно) не поддается логическому объяснению: с одной стороны, с частицей *жь* (*же*) чаще отдается предпочтение раздельному написанию, но в то же время нет закономерности при постановки дефиса между *все* и *жь*: мы встречаем и *все-жь таки*, и *все жь таки* примерно в одинаковом соотношении (26 и 23 раз соответственно). Зафиксировано три случая написания *все-жь-таки*, но в фонетическом варианте *все же таки* писатель никогда (10 случаев употребления) дефис не ставит. Слова *всѣ-таки* и *так-таки* в указанном произведении тоже пишутся по-разному – с дефисом и без, и только наречие *опять-таки* во всех десяти случаях имеет единообразное написание: дефиса перед частицей *таки* нет. В романе Е. А. Салиаса «Петербургское действо» (1880) тоже нередко (25 раз) употребляется частица *таки*, и так же, как и в произведении М. К. Иогеля, мы не находим закономерности постановки или отсутствия дефиса в таких словах, как *все жь таки* и *все-таки*, но здесь уже можем увидеть, что чаще данные слова пишутся без дефиса, написания через дефис единичны (*все-жь-таки* – 1 случай, *все-таки* – 2 случая). Остальные слова (*такъ таки*, *опять таки*, *нешто таки*, *озлиль таки*, *получил таки*) пишутся раздельно.

Вопросы появляются и при написании *таки* с местоимениями, причем, как и в описанных выше случаях, варианты орфографического оформления могут встречаться в пределах одного и того же произведения: *Ви толшень блакотарить папа, што онъ таки добри; Онъ признался, что онъ-таки порядкомъ утомился* (А. К. Шеллер-Михайлов «Въ разбродѣ», 1869).

Наконец, в некоторых публикациях дореволюционного времени отмечают случаи, когда стремление к единообразию приводит издателей к последовательному использованию раздельного написания в отношении таких

единиц, как *все таки*, *просто таки*, *опять таки*, и дефисного для *такъ-таки*, *было-таки*.

Полагаем, что отсутствие единообразия в использовании дефиса перед *таки* связано с тем, что авторы грамматик и справочников, изданных в XIX веке, почти всегда оставляли правило раздельного и дефисного написания частиц без внимания, частные же случаи написания отдельных частиц и вовсе не рассматривались. Подтвердить этот тезис представляется возможным, если обратиться к грамматикам и справочникам, в том числе (и это нам кажется наиболее важным) предназначенным для учеников школ и обучающихся средних учебных заведений. Так, например, правило написания *таки* отсутствует в «Практическом курсе элементарной грамматики для начальных школ, городских училищ, приготов. и перваго класса сред. учеб. завед.» И. А. Вертоградского²², в «Грамматике русского языка», руководстве, предназначенном для средней школы и для самообразования, профессора Д. Н. Овсяннико-Куликовского²³ и др. Некоторые авторы школьных учебников иногда обращают внимание на написание отдельных частиц, как, например, П. В. Красногорский в пособии для классного и домашнего обучения правописанию²⁴, но про написание частицы *таки* здесь ничего не сказано: «Частицы: то, нибудь, либо, кой (кое), ка, тко присоединяются къ словамъ посредствомъ черточки»²⁵. Вопрос об «игнорировании» написания частицы *таки* остается открытым и позже. Как известно, в 1873 году выходит работа Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне», в которой впервые была сделана попытка систематического описания русской орфографии, обобщения исторического опыта правописания, установлены научные принципы, введено отсутствующее до 70-х годов XIX века единообразное написание [12: 65]. На этот фундаментальный труд достаточно долгое время ориентировались представители лингвистического сообщества при создании пособий и справочников по русской орфографии. Я. К. Грот в своем труде четко обозначил правила написания частиц с учетом изменений, которые произошли в орфографии после Н. М. Карамзина: «Соединеніе частицъ *либо*, *нибудь*, *таки* съ предыдущимъ словомъ означаетъ черточкою: *кто-либо*, *что-нибудь*, *все-таки*»²⁶. Таким образом, возникает еще один вопрос: почему в произведениях, издававшихся после выхода в свет «Спорных вопросов русского правописания...», редакторы не следуют правилу, установленному Я. К. Гротом, чьи работы «в области русского языка положили начало кодификации русской

орфографии» [14: 80]? Изучив тексты, опубликованные в конце XIX – начале XX века, мы с уверенностью можем сказать, что уже в это время явно назрела проблема унификации написания частиц, тем не менее этот вопрос не поднимается филологическим сообществом. Доказательством служит, например, и «Протокол заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоящей под председательством Августейшего Президента Императорской Академии Наук» (12 апреля 1904 года)²⁷.

Как известно, официально современный свод «Правил русской орфографии и пунктуации» был утвержден в 1956 году. В «Правилах русской орфографии и пунктуации», утвержденных Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР, устанавливается следующее написание частицы *таки*:

«Частица *таки* пишется через дефис в составе слов *все-таки* и *так-таки* и некоторых других, а также в тех случаях, когда она следует за глаголом, например: *Узнал-таки меня?* Во всех остальных случаях частица *таки* пишется отдельно, например: *Я таки думаю кое-что* (М. Горький). *И все же таки я тебя не понимаю*»²⁸.

Сохраняется ли такое написание в произведениях второй половины XX – начала XXI века (то есть до 2006 года, когда были опубликованы «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина²⁹, в которых норма написания дефиса с частицей *таки* несколько изменилась)? Первое, на что опять надо обратить внимание: как и в текстах дореволюционной России, мы находим случаи разного написания частицы *таки* в одном произведении с одним и тем же словом: *Он таки слепил “опель” из ничего; Он-таки был раскрыт, дабы подсыхали клавиши.* (Э. Лимонов «У нас была Великая Эпоха», 1987). Также надо обратить внимание, что, согласно данным НКРЯ, чаще всего частица *таки* присоединяется к глаголу, но также достаточно много примеров дефисного написания этой частицы с наречием, хотя, заметим, это является отступлением от правил, установленных в 1956 году: *Мечтает вставить и скоро-таки вставит золотые зубы* (В. Астафьев «Обертон», 1995–1996); *В конце концов возчики однажды-таки увезли инструмент* (В. П. Катаев «Алмазный мой венец», 1975–1977). Поясним: несмотря на то что в своде правил русской орфографии и пунктуации нет уточнения по поводу написания частицы *таки* с наречием, авторы пособий по русской орфографии определяют дефисное написание в подобных случаях без каких-либо исключений: «К глаголу и наречию частица *таки* присоединяется с помощью дефиса»³⁰.

ВЫВОДЫ

Если вариативность написания частицы *таки* в XIX веке можно объяснить, как справедливо отмечает С. В. Науменко, «отсутствием единой системы орфографических правил» [10: 91], что способствовало появлению произведений, изданных в авторской орфографии, то остается вопрос: чем руководствовались редакторы после публикации свода правил русской орфографии и пунктуации 1956 года? Почему не придерживались тех рекомендаций, которые были прописаны? В статье отражен только один вопрос, который требует унификации, но этот вопрос не единичный. Казалось бы, полный академический справочник правил русской орфографии и пунктуации под ред. В. В. Лопатина должен был решить эту проблему (напомним, что справочник – результат многолетней (с начала 1990-х годов) работы Орфографической комиссии, в которую входили лингвисты, преподаватели вузов, методисты, учителя. Главная задача – подготовка полного текста орфографических и пунктуационных правил, отражающих современное состояние русского языка [4: 125]), но, как уже было сказано, данный вопрос так и остается открытым: если обратиться к текстам НКРЯ, опубликованным после выхода справочника в 2006 году, то можно заключить, что чаще всего частицу *таки* пишут через дефис независимо от лексико-грамматического окружения, тем самым нарушая нормативные рекомендации.

При подготовке нового свода правил в 1990–2000-е годы с критикой и комментариями внесенных изменений выступали многие лингвисты (см., например, статьи Л. И. Рахмановой «Несколько замечаний по поводу проекта новой редакции орфографических правил» [13], В. И. Максимова «О новом проекте свода правил русского правописания» [7] и др.), но в этих отзывах отсутствуют замечания, которые касались бы унификации написания частицы *таки*. Исследование показало, что в теории и практике орфографии данная проблема так и остается нерешенной. Актуальный свод правил русской орфографии и пунктуации не дает рекомендаций по правописанию частиц, в том числе и частицы *таки* [6], однако в своей статье об уже вышедшем справочнике В. В. Лопатин обращает особое внимание на то, что «для уточнения отдельных спорных моментов необходимо обращаться к нормативным орфографическим словарям» [5: 138]. Видимо, правило написания частицы *таки* пока относится к таковым, в связи с чем хочется надеяться, что этот вопрос будет разрешен при подготовке нового свода правил русской орфографии и пунктуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 2: Учение о частях речи: дополнения. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. С. 99.
- ² Там же.
- ³ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. С. 544.
- ⁴ Там же. С. 545.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.
- ⁷ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. С. 149–151.
- ⁸ Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 5-е, испр. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. С. 736.
- ⁹ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Слитно, раздельно или через дефис?: Орфографический словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 401.
- ¹⁰ Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Чельцова Л. К. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник / Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова; Е. В. Бешенкова (отв. ред.), О. Е. Иванова, Л. К. Чельцова. М.: АСТ-ПРЕСС, 2017. С. 552.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Розенталь Д. Э. Большой справочник по русскому языку: Орфография. Пунктуация: Орфографический словарь. Прописная или строчная? М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. С. 102.
- ¹³ Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И. Б. Голуб. 11-е изд. М.: Айрис-Пресс, 2006. С. 72.
- ¹⁴ Через дефис, слитно или раздельно?: Словарь-справочник русского языка / Сост. В. В. Бурцева. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. С. 477.
- ¹⁵ Слитно? Раздельно? Через дефис?: Орфографический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 1999. С. 589.
- ¹⁶ Елисеева М. Б., Шульман Б. М., Ковалевская Е. Г. Справочник по орфографии и пунктуации: Практическое пособие. 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 51.
- ¹⁷ Курочкина А. Л., Леденёва В. В., Тихонова В. В., Шаповалова Т. Е. Русская орфография и пунктуация: Материалы для подготовки к единому государственному экзамену и вступительным экзаменам в вузы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дрофа, 2008. С. 122.
- ¹⁸ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 10.10.2024).
<https://ruscorpota.ru>.
- ¹⁹ Подробно о статусе этой единицы в зеркале современной лексикографии в свете представлений Московской семантической школы см. статью М. Б. Ташлыковой и М. Н. Лошаниной «*Все-таки* как маркер противоречивости монологического дискурса» [17].
- ²⁰ Об основных функциях и значениях слова *все-таки* см. статью О. В. Ситосановой «Слово “все-таки” в функциях частицы или союза» [15].
- ²¹ Вертоградский И. А. Практический курс элементарной грамматики для начальных школ, городских училищ, приготов. и первого класса сред. учеб. завед.: С прил. задач для упражнений и диктантов. 2-е изд., испр. и доп. М.: К. И. Тихомиров, 1898. 172 с.
- ²² Овсяннико-Куликовский Д. Н. (1853–1920). Грамматика русского языка: Руководство для сред. школы и для самообразования. 3-е изд., испр. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. 127 с.
- ²³ Красногорский П. В. Задачи по русскому правописанию: Для учащихся в мл. кл. сред. учеб. заведений и в гор. уч-щах: С прил. орфогр. слов.: Пособие для клас. и домаш. обучения правописанию путем предложения учащимся орфогр. задач для самостоят. решения / Сост. П. Красногорский, препод. V-й С.-Петерб. прогимназии. 18-е изд. СПб.: Типо-лит. Шредера, 1911. VIII, 187 с.
- ²⁴ Там же. С. 82.
- ²⁵ Грот Я. К. Русское правописание: Руководство, сост. по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я. К. Гротом. 7-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888. С. 94.
- ²⁶ Академия наук (Петербург). Комиссия по вопросу о русском правописании. Протокол... заседания Комиссии по вопросу о русском правописании. 1-го заседания, состоявшегося 12 апреля 1904 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. 67 с.
- ²⁷ Правила русской орфографии и пунктуации: утв. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Изд. 2-е, стереотип. М.: Учпедгиз, 1962. С. 48.
- ²⁸ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник...
- ²⁹ Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистики». 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1983. С. 116.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боброва М. В., Колосько Е. В. О своеобразии частицы *чё* и сочетаний с ней в связи с вопросами лексикографирования // Вопросы лексикографии. 2023. № 27. С. 5–28. DOI: 10.17223/22274200/27/1
2. Каверина В. В., Чжао П. Дефисное (полуслитное) написание как этап становления орфографии частицы *же* // Филология и человек. 2022. № 3. С. 7–18.
3. Князев С. В. О неполной дизерезе в русском языке: частица *жс* // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. № 2. С. 23–34.
4. Лопатин В. В. К выходу справочника «Правил русской орфографии и пунктуации» // Русский язык в школе. 2007. № 2. С. 125–126.
5. Лопатин В. В. О новом академическом справочнике по русскому языку // Наука и жизнь. 2008. № 5. С. 138–140.
6. Лопатин В. В. Русская орфография: Задачи корректировки // Новый мир. 2001. № 5. С. 136–146.
7. Максимов В. И. О новом проекте свода правил русского правописания // Русская речь. 2004. № 5. С. 60–66.
8. Нагорный И. А. Грамматико-коммуникативные функции русских частиц в речевой сфере // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38, № 3. С. 369–378. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-3-369-378
9. Нагорный И. А. Русские частицы и субъективная модализация информации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40, № 2. С. 264–270. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-264-270
10. Науменко С. В. В. Разыграев и орфографическая практика XIX века // Русская речь. 2004. № 2. С. 90–96.
11. Онецкая О. И. Из истории русской орфографии: Дефисное написание в произведениях Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина // Филологические науки. 2004. № 5. С. 77–84.
12. Приемышева М. Н. Я. К. Грот и традиции русского языкознания // Русский язык в школе. 2012. № 12. С. 64–70.
13. Рахманова Л. И. Несколько замечаний по поводу проекта новой редакции орфографических правил // Русская словесность. 1998. № 6. С. 28–32.
14. Селезнев Е. А. Яков Карлович Грот (1812–1893) // Русская речь. 2012. № 6. С. 80–85.
15. Ситосанова О. В. Слово «все-таки» в функциях частицы или союза // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2017. № 11. С. 277–279.
16. Смирнов О. Н. Грамматический статус местоимений-частиц в системе служебных слов русского языка // Преподаватель XXI век. 2024. № 1, ч. 2. С. 472–482. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-472-482
17. Ташлыкова М. Б., Лошанина М. Н. *Все-таки* как маркер противоречивости монологического дискурса // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13, № 14. С. 418–442.
18. Щур М. Г. Частицы // Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 838–840.

Поступила в редакцию 14.02.2025; принята к публикации 02.06.2025

Original article

Olga V. Semenova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-8905-1506; olsemenova@bk.ru

ON THE SPELLING OF PARTICLE *TAKI* IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The purpose of the study is to analyze different variants of spelling for the particle *taki* in the texts of the XIX–XXI centuries. The research material was provided by contexts from the Russian National Corpus. The research problem is the lack of uniform spelling for the particle *taki*, evidenced by different variants of spelling (separate or hyphenated) in different historical periods, which can be traced in the texts from the period between the XIX and the early XXI centuries. An analysis of spelling dictionaries, manuals, and reference books on Russian spelling and punctuation of the said period has revealed that there is no single standard rule for the spelling of the particle *taki*, even in publications that complement each other. An attempt is made to reveal the main reasons for the lack of the uniform spelling of this particle. The relevance of the research is due to the preparation of an already announced new code of rules for Russian spelling and punctuation, in keeping with modern tendencies of language development. The article was written due to the need to unify the spelling of the particle *taki* and to formalize this single spelling rule in all textbooks, reference books, and dictionaries.

Key words: spelling rules, particle *taki*, Russian National Corpus, separate / hyphenated spelling, Ya. K. Grot, new code of rules for Russian spelling and punctuation

For citation: Semenova, O. V. On the spelling of particle *taki* in the Russian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1233

REFERENCES

1. Bobrova, M. V., Kolos'ko, E. V. On the uniqueness of the particle *chy* and phrases with it in connection with the issues of lexicographizing. *Russian Journal of Lexicography*. 2023;27:5–28. DOI: 10.17223/22274200/27/1 (In Russ.)
2. Kaverina, V. V., Zhao, P. The hyphenated spelling as a stage in the formation of particle *же* spelling. *Philology and Human*. 2022;3:7–18. (In Russ.)
3. Knyazev, S. V. Understanding the incomplete dieresis in Russian: the case of *zh* particle. *Lomonosov Philology Journal*. 2021;2:23–34. (In Russ.)
4. Lopatin, V. V. Release of the handbook of “Rules of Russian Spelling and Punctuation”. *Russian Language at School*. 2007;2:125–126. (In Russ.)
5. Lopatin, V. V. On the new academic handbook of the Russian language. *Nauka i zhizn*. 2008;5:138–140. (In Russ.)
6. Lopatin, V. V. Russian spelling: Adjustment tasks. *Noviy mir*. 2001;5:136–146. (In Russ.)
7. Maximov, V. I. On the new draft code of Russian spelling rules. *Russian Speech*. 2004;5:60–66. (In Russ.)
8. Nagornyy, I. A. Grammatical-communicative functions of the Russian particles in the speech sphere. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*. 2019;38(3):369–378. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-3-369-378 (In Russ.)
9. Nagornyy, I. A. Russian particles and the subjective modalization of information. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2021;40(2):264–270. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-264-270 (In Russ.)
10. Naumenko, S. V. V. Razygraev and spelling practice of the XIX century. *Russian Speech*. 2004;2:90–96. (In Russ.)
11. Onetskaya, O. I. From the history of Russian spelling: Hyphenated spelling in the works by N. M. Karamzin and A. S. Pushkin. *Philological Sciences*. 2004;5:77–84. (In Russ.)
12. Priemysheva, M. N. Ya. K. Grot and traditions of Russian linguistics. *Russian Language at School*. 2012;12:64–70. (In Russ.)
13. Rakhmanova, L. I. A few comments on a new draft edition of spelling rules. *Russkaya literatura*. 1998;6:28–32. (In Russ.)
14. Seleznev, E. A. Yakov Karlovich Grot (1812–1893). *Russian Speech*. 2012;6:80–85. (In Russ.)
15. Sitosanova, O. V. The word “все-таки” in the particle and conjunction functions. *Bulletin of Angarsk State Technical University*. 2017;11:277–279. (In Russ.)
16. Smirnov, O. N. Grammatical status of particle pronouns in the system of service words in the Russian language. *Prepodavatel XXI vek*. 2024;1(2):472–482. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-472-482 (In Russ.)
17. Tashlykova, M. B., Loshanina, M. N. *Vse-taki* as a marker of monological discourse contradiction. *Modern Studies of Social Issues*. 2021;13(14):418–442. (In Russ.)
18. Shchur, M. G. Particles. *Russian language: Encyclopedia*. Moscow, 2020. P. 838–840. (In Russ.)

Received: 14 February 2025; accepted: 2 June 2025

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-3778-502X; rozchkova@mail.ru

РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В СОЧИНЕНИИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА «ПОКАЗАНИЕ ПРОРЕЧЕННОГО ПРЕЖДЕ В СЛОВЕСЕХ БОЖИИХ И ДАВНО УЖЕ ЯВИВШАГОСЯ В МИРЕ ВЕЛИКАГО АНТИХРИСТА»

Аннотация. Актуальность работы связана с необходимостью детального изучения писательского наследия Феофана Прокоповича, в том числе и тех его текстов, которые ранее не подвергались лингвостилистическому и риторическому анализу. Таким текстом является сочинение Прокоповича «Показание прореченного прежде в словесех Божиих и давно уже явившагося в мире Великаго Антихриста», которое было создано в 1735–1736 годах. Одно из последних в своей жизни произведений Прокопович написал из-за распространенных среди раскольников мнений о том, что среди преследующих раскол государей явился Антихрист. Целью работы является описание риторических приемов и особенностей их организации и функционирования в указанном тексте. Методы исследования: обзорно-аналитический, лексико-стилистический, описательный, контекстуальный. Результаты исследования показывают, что для описания признаков («характеров») Антихриста в тексте используются разнообразные риторические средства. Наиболее востребованными оказываются фигуры «поучения» (создаваемая на основе эпитетов гипотипизация, повторы слов, рационация) и фигуры, способствующие «услаждению» (метафоры, антитезы, аллегории, гипербат). Применение риторических средств отличается сдержанностью, отсутствием громоздких словесных украшений, что, по наблюдениям исследователей, было характерно для произведений Прокоповича. При этом в анализируемом тексте риторические приемы несут не только эстетическую нагрузку, но и используются как элементы в системе доказательств.

Ключевые слова: Феофан Прокопович, диахроническая риторика, риторические фигуры, тропы, русский литературный язык XVIII века

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>.

Для цитирования: Рожкова А. В. Риторические фигуры в сочинении Феофана Прокоповича «Показание прореченного прежде в словесех Божиих и давно уже явившагося в мире Великаго Антихриста» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 65–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1234

ВВЕДЕНИЕ

Сочинение Феофана Прокоповича «Показание прореченного прежде в словесех Божиих и давно уже явившагося в мире Великаго Антихриста» (далее «Показание») было создано в 1735–1736 годах. Датированный 1812 годом поздний список этого сочинения находится в Национальной библиотеке Республики Карелия, на сайте которой размещена электронная публикация рукописи¹.

Краткая информация о сочинении в связи с историей его создания содержится в некоторых источниках². Прокопович написал «Показание» из-за распространенных среди раскольников мнений

о том, что среди преследующих раскол государей явился Антихрист. Отсутствие этого текста как в составе академического собрания сочинений Прокоповича³, так и в виде отдельного издания, вероятно, и обуславливает выпадение «Показания» из круга исследований, посвященных рассмотрению языка произведений Феофана Прокоповича⁴.

Необходимость полного изучения лингвостилистических и риторических особенностей сочинений Прокоповича с привлечением новых источников определяет актуальность настоящей работы, результаты которой дополняют и уточняют имеющиеся специальные изыскания

на материале разножанровых текстов Феофана [3], [4], [6], [7], [9], [11]. Целью данной работы является описание риторических приемов и особенностей их организации и функционирования в тексте «Показания». Достижению поставленной цели будут способствовать лексико-стилистический, описательный, контекстуальный методы исследования.

Изначально Прокопович планировал включить в свой труд две части. В первой содержится описание «безымянного великаго Антихриста», во второй части, которую автор не успел создать, предполагалось описание папы Римского («а другая произнесет примечания характеров тех, — что оныя ясно видимы суть в еп[ис]к[о]пе ветхаго Рима <...>» (1 об.)⁵.

О том, что Прокопович планировал вторую часть, свидетельствуют отдельные комментарии в первой части:

«Наипаче же утвердится толкование сие во второй части сея нашей книжицы, где предложим пророчества сего события» (50–50 об.); «когда мы во второй сего нашего следования части ясно то на очи покажем» (71).

В первой части содержатся семь глав, каждая из которых посвящена описанию «характера». Прокопович определяет «характеры» как «начертания, знаки»: «Дело показания сего совершается в предложении характеров, или начертаний, знаков и пятен Антихристовых» (1). В первой главе дается комментарий имени Антихриста, представлены размышления о происхождении: «о роде и рождении Антихристове» (17 об.). Во второй главе Прокопович утверждает, что Антихрист не один человек: «Антихрист не одноличный человек, но многоличное владычество» (26 об.). Третья глава посвящена такому признаку, как длительное существование («многолетие») Антихриста, четвертая — «преlestи» Антихриста (34 об.), пятая и шестая — таким признакам Антихриста, как «мучительство» (40 об.) и гордость, седьмая глава — духовному или церковному чину Антихриста.

Каждая глава представляет собой перечень доводов, направленных на доказательство признаков Антихриста. Прокопович использует слово *довод*, подчеркивая последовательность своих рассуждений и оценивая аргументы из других источников:

Разсмотрим, во первых, довод противников (18 об.), *Надлежит им иных к сему доводов приискивать* (21 об.), *противников довод о единоличии Антихристове весьма недействителен есть* (21 об.), *что покажем ясно доводами следующими* (62), *что из следующих доводов ясно увидим* (77 об.).

В изложении этих аргументов Прокопович ссылается на разные источники (псалмы, Евангелия, послания, сочинения церковных историков,

богословов) и приводит большое количество разных по объему цитат — от отдельных словосочетаний до пространных фрагментов.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Текст «Показания» был создан перед кончиной Прокоповича в 1735–1736 годах. Последние десять лет жизни автора были наиболее сложными, поскольку пришлось на время после смерти Петра Первого. Будучи при жизни государя его соратником и единомышленником, Прокопович и после смерти Петра продолжал отстаивать петровские преобразования и боролся с противниками реформ. Эта борьба отразилась на литературной и научной деятельности Прокоповича. Как отмечает В. М. Ничик, «талант Прокоповича, столь плодотворный в сфере науки, истощался и тратился в этой борьбе, разменивался на судебные мелочи, доносы, интриги» [5: 16]. Т. Е. Автухович так характеризует проповеди, созданные Феофаном в период правления Анны Иоанновны (1730–1740): «Проповеди П. в этот период, лишённые яркого жизненного материала, замыкаются в рамках церковного красноречия, в них остро звучит мотив бренности жизни» [1: 494]. Об этом же периоде В. Г. Смирнов пишет следующее:

«После воцарения Анны процесс творческой деградации резко ускорился. До низшей отметки упал художественный уровень произведений Прокоповича, да и можно ли назвать произведениями бесконечные панегирики императрице» [12: 124].

В связи с такими оценками позднего творчества Прокоповича представляется важным в настоящем исследовании проследить, насколько полно и последовательно в одном из своих последних трудов автор придерживается теоретических положений, изложенных в его учениях, касающихся, в частности, основ риторического искусства. Описание риторических приемов содержится в трактате «De arte rhetorica libri X» («Об искусстве риторическом десять книг»), созданном Прокоповичем во время его преподавания в Киево-Могилянской академии. Каждая из десяти книг этого трактата имеет своё содержание и объект описания [10: 6–7]. Книга IV «О стиле» в главах XVIII–XI включает описание фигур речи, в состав которых Прокопович включал и тропы. В главе VIII описываются «служащие для поучения» восемнадцать фигур [10: 235–251]; в главе IX говорится о двадцати семи фигурах, «способствующих услаждению» [10: 251–259]; глава X посвящена тридцати двум фигурам, относящимся «к возбуждению переживаний» [10: 259–269]. В XI главе Прокопович соотносит роды

фигур с частями текста и разными стилями [10: 259–269].

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА И ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ текста «Показания» свидетельствует об использовании фигур всех трех типов. Довольно распространенными являются описания – «гипотепоза», «характеризм», отнесенные Прокоповичем к фигурам «поучения». Необходимыми элементами при описании различных предметов и явлений становятся эпитеты. В трактате Прокоповича «Об искусстве риторическом десять книг» эпитеты не выделены и не описаны как самостоятельная фигура, хотя сам термин *эпитет* используется [10: 254, 257]. Тема «Показания» обусловила использование традиционных для библейских источников эпитетов: *человеколюбивый Бог* (2), *единородного своего сына* (2), *тленное наше естество* (2), *в огненных языцех* (15 об.).

Среди эпитетов обращают на себя внимание многочисленные образования с приставкой *не-*, а также двухкорневые слова. Пристрастие Феофана к такой лексике уже было отмечено исследователями [8: 96, 97]. В «Показании» композиты и слова с приставкой *не-* являются важными элементами характеристик как самого Антихриста, так и его последователей:

Шестой Антихристов характер – безприкладная и неслышанная гордость (43 об.); *Антихрист <...> всегда жаждать того будет и пить кровь неповинную допьяна* (43); *Но понеже неции или от малоумия, или от нещательного взыскания, или нарочно по страстям своим показывают некия признаки Антихристовы ложныя* (4 об.–5); *Сюды надлежит и то, когда кто <...> подавал бы иной некой вымышленной и потому сумнительный, неизвестный и ненадежный спасения образ* (40 об.–41); *что и кровопролительного свирепства на непослушных себе употребит* (37), *от лукавых и злохитростных человек происходят* (37 об.).

Типичное использование одиночного эпитета или довольно частотная парная организация эпитетов изредка дополняются многокомпонентными рядами определений: *плутовским да слабым, бедным, студеным и студным папешских неких богословцев вымыслам* (7 об.).

В некоторых случаях эпитеты несут дополнительные оценочную и смысловую функции. Так, развенчивая существующие представления о подобном Христу происхождении Антихриста, Прокопович прибегает к прилагательным с отрицательной коннотацией, сочетающимся с названиями сакральных понятий, которые прочно ассоциируются с именем Христа: *воскресение и на небеса вознесение, хотя притворное и хитростное* (17 об.), *безумное Антихристу рождество* (17 об.).

К числу востребованных следует отнести разнообразные повторы (аналепсис, эпанафора). Особая экспрессия достигается через повторы одного и того же слова или однокоренных слов в границах предложения как в произвольном порядке, так и в фиксированной позиции, создавая тем самым определенный ритм (см. последний пример в подборке ниже):

Антихристу быть в едином только лице, единым только (18), *Посмотри же, любимый читателю, которому любима истинна* (28 об.), *но мало того делал и делает своею силою* (34), *достохвальное дело делает и похвалы за то, а не хулы достоин* (47), *Если бо он есть всех Христовых противников злейший, если превосходной ради злобы тако нарицается, если от всех прочих частных Антихристов <...> отличается* (6).

Метафоры в большей части имеют морфологическую именную природу и соответствуют книжно-славянской стилистической традиции:

истинны разоритель (34 об.), *душ человеческих пагуба* (34), *лсти неправды* (40), *спасения образ* (41), *сила словес* (46), *безбожия обнажение* (48), *от вина любодения* (33), *тайне беззакония* (28), *сын погибели* (19 об.), *человек беззакония* (47), *яд лести* (33 об.).

Помимо метафоры довольно активен и метонимический перенос:

златом, и камением драгим, и бисером украшенного (36 об.), *церкве с[вя]тей напасти делали* (7), *из ветхозаветной церкви перешел в новозаветную* (53), *понеже церковь Христова, поелику разумеется народ, во Христа верующий* (68).

На фоне словесных средств образности (эпитетов, метафор, метонимий), выдержанных в стиле церковной книжности, обращают на себя внимание единичные случаи, к которым можно отнести следующие примеры синекдохи:

Что все шаленым головам так не трудно, как не трудно было вымыслить безумное Антихристу рождество (10 об.), *Сие скажет разве какой нарочитый шпиль, а поверит разве безмозглая голова* (25 об.).

Использованная в предложениях стилистически сниженная лексика (прежде всего сопровождаемые слово *голова* прилагательные) выражает эмоционально-оценочную реакцию автора.

Характерное для других произведений Прокоповича использование аллегорий [6: 79] находит умеренное отражение и в анализируемом тексте. В частности, аллегорией Антихриста становится заимствованный из Священного писания образ «страшного зверя седмоглавного» с внешними признаками рыси, медведя, льва (41 об.–42).

Противопоставление обсуждаемых в сочинении идей, понятий, свойств, качеств происходит посредством антитезы, антитетона, оксюморона:

не о жидях говорит, **плотских** израилятах, но о израилятах **духовных** (15), не **вечное** пребывание, но **конечное** (15), не **одноличный** человек, но **многоличное** владычество (26 об.), купленные **ценою неогценною** (47).

Сравнения (гомэозы) выражаются виде конструкций с союзами как ... так, яко ... тако: что **яко** не мощно бы познать Спасителя <...> **так** не мощно познать и губителя <...> (3 об.), **так не трудно, как не трудно** (17 об.). Более сложной в смысловом и структурном отношении является аллоэоза – фигура, определяемая Прокоповичем как «некое украшенное сравнение», при котором возникает противопоставление «таким образом, что выявляется противоположность предметов» [10: 236]:

Помешалось бы злодейство с добродетелию: превозносить себе паче Бога истинного крайнее злодеяние есть, а превозносится выше позаных божсков есть христианская добродетель (47 об.).

Примеры гиперболы свидетельствуют о безграничном противостоянии добра и зла, веры в Бога и язычества. Лексическим центром таких тропов становятся слова *мир, селенная, земля*, сопровождаемые определительным местоимением *весь*:

*к сопротивлению тому **весь мир** привести желающее* (18 об.), ***весь мир** прелещен был в толь малом времени* (32), *на **весь мир** имевшая быть прелесть* (34), *давно уже во **всем мире** отвержено стало многобожие* (46 об.), *не могут яда своего на **всю селенную** пролить* (6 об.), ***всю землю** привести в такой страх и ужас* (29).

Некоторые фигуры задействованы в синтаксической организации текста. Гипербат отражается в инверсии подлежащего и сказуемого: *А толикое число писаний **предложили мы** нарочно для того* <...> (68 об.), определений и определяемых слов: ***сидение его гордостное и владыцелское*** (53 об.), компонентов субстантивных сочетаний: ***стены часть*** (24 об.), ***земли удивление*** (29).

Вставные конструкции (парентезы) включают комментарии автора о порядке изложения аргументов и теме рассуждения, цитаты из разных источников и ссылки на них, реже – авторские оценки, эмоциональные реакции: *что впред в ином особливом характере и пространнее покажем* (37), *каковыи – о горе!* – *многии были и ныне суть* (5 об.). Отразившееся в раннем творчестве «яркое синтаксическое новаторство» [6: 80] Прокоповича находит продолжение в одном из его последних произведений, в котором автор делает парентезы важным синтаксическим средством для емкого выражения дополнительной смысловой или оценочной информации.

Следует особо выделить вопросительные предложения, которые в большом количестве сконцентрированы в отдельных частях текста (например, в первой главе используются двадцать вопросительных предложений). Помимо предложений, представляющих собой риторические вопросы, используются вопросительные конструкции, которые участвуют в образовании фигуры рационация (или диалогизм, апоплаза), предполагающей ответы автора:

Показали ж бы нам, откуда имеют родословные книги, когда инде писанные, и по чьему повелению или народному согласию и каким свидетельством закреплённые? Но век того суесловные плуты не покажут (8 об.–9);

Думай же теперь кто, что толь страшное отступление, едва не все повсюду церкви во многих превеликих церквах разоряющее, зделает некто один человек и то в малом времени? Была бы таковая дума весьма сумазбродна (24 об.).

Разные виды вопросов выполняют не только экспрессивную функцию, но и поддерживают логику рассуждений и структуру текста. Таким примером может являться третья глава, в которой более десяти вопросов включены в систему доказательств в пользу многолетнего существования Антихриста:

Сие ж ли может статься в полчетверта года? (29), В полчетверта ж ли года зверь тот толикую возымет силу? (29 об.), Зде уже я шлюсь и на крайняго глупца да того ж и пьянаго, скажет ли, что все то зделается в полчетверта года? (33).

Все вопросы, разные по объёму и структуре, имеют сходное смысловое содержание и обязательно включают обозначение числа, усиливая подобным повтором аргументы, направленные против предположения, что временем действия Антихриста «будет время трех лет и шести месяцев, то е[сть] полчетверта года» (27).

В построении текста используется фигура эпанод, «когда после краткого изложения двух и более предложений, мы возвращаемся к ним по отдельности, разделяя и определяя их» [10: 244]:

Человеколюбивый Бог между безчисленными благоутробия своего к роду человеческому знаменни сия два главнейшия благодеяния показал. Первое: в устроении великаго своего промысла о спасении нашем, что соделал послал в мир едиnorodного своего сына воплотитись от Девы, страдания же и горькую смерть за грехи сего мира претерпети. А другое сие, что подал нам оберегательство от погибели, которую хотя и тленное наше естество, когда благодати Божией самовольно себя лишает, различными грехопадениями приносит нам, однако же вящие тицится устроить нам душегубный враг Диавол (2).

Развернутое изложение каждого тезиса в этом отрывке сопровождается еще и аллюзией: противопоставление выражается в словах *спасение* и *погибель*, а также в номинации противоположных сакральных лиц (*единородного сына, Девы и Дьявола*).

Особенность использования риторических фигур в исследуемом тексте заключается в том, что они являются не только средством образности и экспрессии, но и выступают как примеры-иллюстрации в структуре доказательства. Так, во второй главе обращает на себя внимание система аргументов, построенная с привлечением внушительного числа примеров синекдохи. Сам термин и его описание в тексте «Показания» не представлены, однако Прокопович комментирует суть этого явления:

Часто как в обычном человеческом разговоре (во всех, чаю, языках), так и в Священном писании единственного числа именем множество означает, примеры следующие то показывают весьма ясно и не сумнительно. Говорим обычно: «Турок взял Царь-город» <...> «Была у нас война с шведом» <...> и проч. (19).

Эти и другие примеры синекдохи из библейских текстов (*дщерь Сиона, дщерь Вавилоня*) нужны автору для подтверждения тезиса: «Антихрист не единственный человек, но многоличное владычество, именем одного лица нарицаемое» (26 об.), имея в виду, что использованная для Антихриста метафорическая номинация «сын беззакония» «не одного некоего означает, но многих» (19 об.).

Подобную особенность наблюдаем также в шестой главе, где перечислены известные из текстов Священного писания образные номинации христианской церкви:

Церковь Христова <...> нарицается она тело Христово, Невеста Христова, мысленный Сион, сад, виноград, Христово стадо, гора Божия, полки Божии, царство Израилево, небесное, Христово, Божие и проч. <...> (62–62 об.).

Такой пространственный ряд не является средством создания образности, не несет на себе функций «услаждения» или «возбуждения переживаний». Это элементы системы доказательств, которые рассчитаны на подготовленного, знающего читателя или слушателя, о чем говорит сам автор:

Ибо кто в чтении Священных писаний мало упражняется, тому как иная многая наречия, ушам его необычная, так и народ христианский невестою или домом, градом и проч. яко странная и невероятная показуются; а когда кто в чтении писания заобычен станет, тот не только таковых речи образов не будет иметь за дивныя и дикия, но и скоро узнает, что чрез таковыя звания разумеется (68 об.–69).

ВЫВОДЫ

«Показание» Феофана Прокоповича демонстрирует использование разнообразных риторических средств, среди которых наиболее востребованными оказываются фигуры «поучения» (гипотипоза, повторы) и способствующие «услаждению» (метафоры, антитезы, аллегории, гипербат). Все риторические средства, в том числе и относящиеся к «возбуждению переживаний» (гиперболы, парентезы), подчинены не только центральной теме произведения – всестороннему описанию Антихриста, но и высвечивают другие вопросы религиозного и богословского характера.

Созданное Прокоповичем в конце жизненного и творческого пути произведение сохраняет особенности, характерные для его прежних стихотворных и ораторских сочинений: умеренность в использовании украшающих средств, ясность, композиционная стройность [2: 60], [6: 84]. Отсутствие в сочинении Феофана риторической вычурности, чрезмерной словесной пышности, вероятно, следует связывать со стремлением писателя построить последовательную систему тезисов и аргументов, в которой тропы и фигуры подчиняются замыслу автора, сглаживая некоторую строгость этой системы и придавая ей эстетическую завершенность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Феофан Прокопович «Показание прореченного прежде в словесех Божиих и давно уже явившагося в мире Великого Антихриста...» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://library.karelia.ru/resursy/Rukopisnye_knigi/Feofan_Prokopovich_Pokazanie_prorechennago_prezhde_v_sloveseh_Bozhiih_i_davno_uzhe_javivshagosja_v_mire_Velikago_Antihrista/ (дата обращения 07.06.2025).
- ² Феофан Прокопович // Русский биографический словарь. 1913. Т. 25. С. 399–448 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book436359/#page/99/mode/1up> (дата обращения 07.06.2025); Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. 761 с.
- ³ Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. Ленинград. отд-ние, 1961. 501 с.
- ⁴ Из доступных нам изысканий, связанных с другими аспектами деятельности Прокоповича, следует назвать работу В. М. Ничик, которая использует «Показания» (в составе рукописи из РГБ) для анализа философских взглядов Прокоповича [5: 25, 40, 179].
- ⁵ Здесь и далее в круглых скобках после примера указывается номер листа рукописи «Показания» по электронной публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автухович Т. Е. Прокопович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 488–496.
2. Буранок О. М. Своеобразие ораторской прозы Феофана Прокоповича Киевского периода // Культура и текст. 1997. № 1. С. 56–62.
3. Казаковцева О. С. Атрибутивные словосочетания как стилистические средства в военных панегириках Феофана Прокоповича // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 21–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1088
4. Лебедев А. А. Риторический вопрос как фигура речи в поэзии Феофана Прокоповича // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 16–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1070
5. Ничик В. М. Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977. 192 с.
6. Патроева Н. В. «Епиникион» Феофана Прокоповича в риторическом аспекте // Словесность и история. 2022. № 3. С. 72–86.
7. Патроева Н. В. Отражение теоретических воззрений Феофана Прокоповича в его поэзии // Русская литература. 2024. № 2. С. 107–118.
8. Патроева Н. В. «Словарь русского языка XVIII века» как инструмент для изучения индивидуально-авторского слога // Вопросы лексикографии. 2024. № 33. С. 89–106. DOI: 10.17223/22274200/33/5
9. Патроева Н. В. Тропы в стихотворениях Феофана Прокоповича: метонимия и синекдоха // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 14–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1087
10. Прокопович Ф. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; Отв. ред. С. И. Николаев; Подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; Коммент. Е. В. Маркасовой; Науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.
11. Рожкова А. В. Структура и риторические функции субстантивных сочетаний с последовательным подчинением в ораторской прозе Феофана Прокоповича // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 29–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1089
12. Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. М., 1994. 224 с.

Поступила в редакцию 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025

Original article

Anfisa V. Rozhkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-3778-502X; rozhkova@mail.ru

**RHETORICAL FIGURES IN FEOFAN PROKOPOVICH'S SERMON
"REVELATION OF THE GREAT ANTICHRIST WHO WAS PROPHESED BEFORE
IN THE WORDS OF GOD AND CAME INTO THIS WORLD LONG AGO"**

Abstract. This study underscores the importance of a comprehensive study of Feofan Prokopovich's literary legacy, including texts that have not previously been subjected to linguistic or rhetorical analysis. The text of the sermon "Revelation of the Great Antichrist Who Was Prophesied Before in the Words of God and Came into This World Long Ago" ("Revelation"), composed between 1735 and 1736, is an example of such a neglected text. As one of the final works written by Prokopovich, it reflects the widespread schismatic belief that the Antichrist had manifested among the sovereigns suppressing the schism. The primary aim of this research is to describe the rhetorical techniques employed in the text, focusing on their organizational features and functional roles. Research methods include review-analytical, lexico-stylistic, descriptive, and contextual analysis. The findings reveal that the depiction of the Antichrist's features ("characteristics") is achieved through a diverse array of rhetorical devices. The most frequently used are the figures of "teaching" (epithet-based hypotyposis, repetition, and rationalization) and figures that evoke "enjoyment" (metaphors, antitheses, allegories, and hyperbaton). The use of these rhetorical tools is characterized by moderation, with a notable absence of ornate verbal embellishments, which, according to researchers, is consistent with Prokopovich's stylistic tendencies. Importantly, the rhetorical devices in this sermon serve not only an aesthetic purpose but also function as integral elements within the text's evidentiary system.

Key words: Feofan Prokopovich, diachronic rhetoric, rhetorical figures, tropes, Russian literary language of the XVIII century

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation grant No 24-28-00696 (<https://rscf.ru/project/24-28-00696/>).

For citation: Rozhkova, A. V. Rhetorical figures in Feofan Prokopovich's sermon "Revelation of the Great Anti-christ Who Was Prophesied Before in the Words of God and Came into This World Long Ago". *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):65–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1234

REFERENCES

1. Avtukhovich, T. E. Prokopovich. *Dictionary of Russian writers of the XVIII century*. Issue 2. St. Petersburg, 1999. P. 488–496. (In Russ.)
2. Buranok, O. M. Originality of Feofan Prokopovich's oratorical prose of the Kiev period. *Culture and Text*. 1997;1:56–62. (In Russ.)
3. Kazakovtseva, O. S. Attributive collocations as stylistic devices in Feofan Prokopovich's military panegyrics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):21–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1088 (In Russ.)
4. Lebedev, A. A. Rhetorical question as a figure of speech in the poetry of Feofan Prokopovich. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):16–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1070 (In Russ.)
5. Nichik, V. M. Feofan Prokopovich. Moscow, 1977. 192 p. (In Russ.)
6. Patroeva, N. V. The rhetorical aspect of "Epinikion" by Feofan Prokopovich. *Texts and History*. 2022;3:72–86. (In Russ.)
7. Patroeva, N. V. Reflection of the theoretical views of Feofan Prokopovich in his poetry. *Russkaya literatura*. 2024;2:107–118. (In Russ.)
8. Patroeva, N. V. "Dictionary of the Russian Language of the 18th Century" as a tool for studying the individual authorial style. *Russian Journal of Lexicography*. 2024;33:89–106. DOI: 10.17223/22274200/33/5 (In Russ.)
9. Patroeva, N. V. Tropes in the poems of Feofan Prokopovich: metonymy and synecdoche. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):14–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1087 (In Russ.)
10. Prokopovich, F. Ten books on the art of rhetoric. (S. I. Nikolaev, Ed.). Moscow; St. Petersburg, 2020. 488 p. (In Russ.)
11. Rozhkova, A. V. The structure and rhetorical functions of substantive combinations with consecutive subordination in the oratorical prose of Feofan Prokopovich. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):29–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1089 (In Russ.)
12. Smirnov, V. G. Feofan Prokopovich. Moscow, 1994. 224 p. (In Russ.)

Received: 28 July 2025; accepted: 1 September 2025

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КАРАКИН

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской
филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3684-0971; karakin.86@mail.ru

НОМИНАЦИЯ РЯБОГО ЧЕЛОВЕКА В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

А н н о т а ц и я . Целью исследования является изучение лексики карельского языка, описывающей рябого человека, выявление наиболее распространенных словообразовательных моделей и анализ единиц вторичной номинации. Применялись семантико-мотивационный и сравнительно-сопоставительный методы, проводился этимологический анализ отобранных лексем. Представленный в статье языковой материал был собран методом сплошной выборки из диалектных словарей карельского языка, сборников пословиц и поговорок. К исследованию привлекался полевой материал автора, записанный в Республике Карелия (Калевальский район, Костомукшский муниципальный округ), Тверской и Ленинградской областях в период с 2015 по 2024 год. На фольклорном материале выявлено, что в карельских паремиях рябой человек имеет положительный образ: он более трудолюбив и лучше по характеру, чем красивый человек. Наиболее продуктивным способом словообразования в данной лексико-семантической микрогруппе является словосложение. Наряду со словосложением ряд слов образуется с помощью суффиксального способа от производящей основы лексемы *rubi* / *rupi*.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карельский язык, этимология, диалектология, оценочная номинация человека, языковая картина мира, вторичная номинация, оценочная лексика, внешность человека

Д л я ц и т и р о в а н и я : Каракин Е. В. Номинация рябого человека в карельском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 72–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1235

ВВЕДЕНИЕ

Лексико-семантическая группа, описывающая внешний вид человека, является одной из самых репрезентативных в языке. К теме описания внешнего облика человека обращались многие исследователи [2], [5], [6], [7], [8], [9] и др. На карельском материале человек «внешний» уже становился объектом исследования в работах, посвященных атрибутам *ruta*, *tuhmu* / *tuhma* как номинации некрасивого человека [4] и атрибутам *čota*, *kaunis* как номинации красивого человека [3]. Микрогруппа, описывающая рябого или конопатого человека, ранее не подвергалась анализу, что указывает на новизну нашего исследования.

Оспа была одной из самых опасных болезней для жителей карельской деревни. Она не щадила ни взрослых, ни детей, оставляя свой отпечаток на лицах переболевших. Для обозначения оспы в карельском языке чаще всего используется слово *rubi*, *rupi*. Значительно реже употребляется лексема *rokko*, *rökkö*. Наряду с этими словами

в языке карелов широко распространена и лексема *Ospičča Ivanouna* [8: 117–118], используемая для номинации олицетворенного образа оспы. Обратимся к этимологии данных лексических единиц. Слово *rupi* германского происхождения, в древненорвежском языке имело следующее значение: *hrufa* ‘струп’¹, *hrjúfr* ‘покрытый струпьями, неровный, шершавый’².

Лексема *rokko* относится к фонетически мотивированным дескриптивным словам. В карельском языке у слова есть переднерядный фонетический вариант *rökkö* ‘волдырь, оспа’. Существовала версия, согласно которой слово *rokko* являлось производным от именованного *rokka* ‘гороховый суп’. Предполагалось, что первоначальное значение леммы *rokka* – ‘горох’ или ‘боб’, и образования на коже напоминают по форме горошины. Впрочем эта версия ставится под сомнение, так как, несмотря на то что в финском и вепском языках слово *rokka* и означает гороховый суп, его первоначальное значение было не ‘горох’, а ‘суп’ или ‘каша’³. Однако подобная метафора по форме встречается в говорах финского языка. Финны сравнивали волдыри от оспы с икрой

или горохом: *Semmoista meähneä tul' ympär ruumii* 'Такая икра по всему телу пошла'. О человеке с изрытым оспой лицом говорили: *herneitev varkaiss olet ollu* 'горох воровал'; *niinku piru ois herneppussin kans hakkannu* 'как будто бы черт стукнул гороховым мешком'; *sää olet pirun kans olluh hernerriihel* 'ты с чертом в риге горох молотил'; *sää olet ollup pirun kans tappelukses kun se on sun lyänyh herneppussin kans!* 'ты с чертом дрался, и он тебя мешком с горохом огрел'⁴.

Слово *ospičča*, *ospičči* является русским заимствованием (ср. рус. оспа, оспина от праслав. *о-сър-а 'сыпать' о кожном заболевании)⁵.

В карельском языке имеется большое количество лексических единиц, используемых для описания рябого человека. Это обусловлено тем, что лицо незнакомого человека и его части являются объектом внимания в первую очередь [1: 103].

Рассмотрим наименования рябого человека, образованные суффиксальным способом от производящей основы существительного *rubi*, *rupi* 'оспа'.

1) *Rubikas*, *ruvekas* 'покрытый оспинами'⁶. С помощью суффикса *-kas* образуются прилагательные и существительные с притяжательным значением или означающие 'относящееся к тому, что выражено коренным словом'. В диалектном словаре людиковского наречия карельского языка зафиксировано слово *šadrakaz* 'покрытый оспинами'⁷, образованное с помощью суффикса *-kaz*. Коренным словом в данном случае выступает русское заимствование (рус. *шадра* 'следы на коже от оспы'). Ср. вепс. *paharubekaz*, *gorakoikaz*, *šadrakaz* 'покрытый оспинами'⁸.

2) *Rupičča* 'покрытый оспинами'⁹. Суффикс *-čča* в данном случае указывает на большую степень проявления признака, который назван коренным словом.

3) *Rubiničku* 'покрытый оспинами'¹⁰. Лексема образована с помощью суффикса *-niečku* (рус. *-ник*), который используется для обозначения лица или деятельности, предметов, мероприятий, продуктов и т. д.

4) *Rubehine*, *rubine* 'покрытый оспинами'¹¹. Суффикс *-hine* используется при образовании существительных и прилагательных и относится к тому, что выражает коренное слово.

Композиты как средство языковой экономии являются очень продуктивным, удобным и точным способом словообразования в номинации человека. В большинстве двухкомпонентных композитов первым компонентом выступает слово *rupi*.

Ospiččaroža 'рябой' (оспа, оспина + лицо)¹²; *rubinägö* 'рябой'¹³ (оспа, оспина + лицо); *rubiroža* 'рябой' (оспа, оспина + лицо).

Ряд композитов представлен агентными и пассивными причастиями. *Ruvenrikottu*, *ruvenrikkoma*, *ruvinrikkoma*, *ruvenrikottu*, *rubenrikottu*, *rubenrikkoma*, *ruvinrikkoma*, *ruvellarikottu*, *ruben panoma* 'рябой, конопатый [после оспы] (оспой разбитый, поврежденный)¹⁴.

*Ruvenjäl' l'ikäs*¹⁵, *rokonarbihe*¹⁶ 'рябой от оспы (со следами от оспы)'

Рассмотрим примеры вторичной номинации. В данной микрогруппе нами выявлены три модели метафорического переноса.

Модель «Предмет > человек»

Рябого человека в карельском языке сравнивают с доской-пряницей *preädnikkalauda*, *preädniekkylaudu*¹⁷, формой для создания отпечатка на пряниках. В данном случае лицо рябого человека сравнивают с доской, на которой вырезали узор.

В южных говорах собственно карельского наречия рябого, конопатого человека называют также *dovedilauda*¹⁸ (букв. 'доска для игры, которая напоминает шашки'). В этом случае лицо человека сравнивают с игровым полем, которое размечено в шахматном порядке.

Модель «Растение > человек»

По тактильной структуре лицо, испещренное оспой, в карельском языке сравнивают с корой дерева: *Piä ruves ku kuuzenkoskut* 'голова в струпьях, словно еловая корочка'¹⁹, *ruves on ku koččan*²⁰ 'в оспинах, как толстая, лопнувшая, шероховатая береста'. *Rubikoččan* с бранн. тот, у кого много струпьев 'кочан со струпьями'²¹.

Модель «Животное > человек»

Из-за схожести с жабой, кожа которой покрыта бородавками, человека с оспинами или негладкой кожей на лице зачастую называют *korbilöttö*, *rubilöttö*, *rubislöttö*, *rubislöttöi*, *rupiskokuna* (букв. 'жаба')²². Само название жабы в карельском языке чаще всего представлено композитом, первым компонентом которого является слово *rubi*, *rupi* 'оспа; болячка; бугорок', а вторым уже *löttö*, *slöttö* 'лягушка'. При обращении к человеку *rubilöttö* у носителя языка сразу же возникает ассоциация и он понимает, о какой особенности внешнего вида человека идет речь.

В карельском языке зафиксирован целый ряд русских заимствований, обозначающих рябого человека. В тверских говорах используется лексема *r'aboi* 'рябой'²³, в людиковском наречии – *räbi*²⁴ 'рябый'. Фитометафора *räbinä* ~ *gräbinä*²⁵ 'рябой' (букв. 'рябина') зафиксирована в южных говорах собственно карельского наречия. В северных говорах собственно карельского наречия нами зафиксировано слово *kor'avoï*²⁶ 'ря-

бой' (букв. 'корявый'), которое употреблялось для номинации рябого человека, а также служило прозвищем рябой женщины. В собственно карельском и ливвиковском наречиях встречаются формы *greäžnā*, *greäžnōi* 'рябой' (букв. 'грязный'), *rubigreäžnōi* 'рябой' (букв. 'оспа + грязный')²⁷.

Для получения полной картины обратимся к фольклорным источникам. Народная мудрость гласит, что при выборе спутника жизни не стоит обращать большое внимание на внешний вид избранника или избранницы. Внешность бывает обманчива, и она не отражает внутренний мир человека²⁸.

Rubiroža ei kibe 'Конопатый не больной'²⁹. *Mušta šilmä ei šokie, ruven jälki ei kipie* 'Черный глаз не слепой, след от оспы не болит'. *Pieñ šilmä ei sogie, ruvenrikko ei kibe, suur nenä ei jygie*³⁰ 'Маленький глаз не слепой, конопатый не больной, большой нос не тяжелит'. *Ruvenjälge ei kibe, suuri nenä ei jyge*³¹ 'Конопатый не больной, большой нос не тяжелит'. *Veärä šilmä ei sogie, suuri nenä ei dygie, ospittšaroža ei kibe*³² 'Кривой глаз не слепой, большой нос не тяжелит, конопатый не больной'. *Rubirikko ruuvan suabi, töhkäturba työn tegö, kauhis nälgiä nägö*³³ 'Рябой еду добудет, грязнуля работу сделает, а красивый голодает'. *Madoiziensyödy nagriz om magiemb, muga ruvenjälkiaz ristikanzu on taval parembi*³⁴ 'Как репа, поеденная червями, вкуснее, так и человек со следами от оспы по характеру лучше'.

Помимо пословиц и поговорок оспа встречается в поверьях и фразеологизмах. Согласно народным поверьям, оспа снится к материальным благам. *Rupi on unis nähtä elokse, šittu hyövikikse*³⁵ 'Увидеть оспу во сне к материальным благам, кал – к благам, добру'.

Оспа у детей сопровождается капризностью и раздражительностью, поэтому капризного человека в народной среде сравнивают с ребенком, больным оспой: *Kui rubilaps kieših*³⁶ 'Капризничает, как ребенок, больной оспой'; *suurendelettos kui rubilapsi*³⁷ 'капризничает, как ребенок, больной оспой'.

Атрибут *рябой*, будучи оценочной характеристикой человека, перешел в разряд прозвища,

а затем лег в основу неофициальной уличной и позднее – официальной фамилии человека.

Прозвища являются неофициальными идентификаторами человека в коллективе. Они используются в быту для наиболее точной, оценочной характеристики человека. Представляя собой неофициальные имена, они являются наименее изученными³⁸.

Приведем некоторые примеры прозвищ рябого человека на карельском материале. Прозвища отражают характеристики их носителя и в случае наличия одинаковых имен в коллективе служат удобными идентификаторами личности.

Rupi-Trohkima Рябой Трофим (оспа, оспина + имя); *Rubi-Griša*; *Räbinä-Iva*; *Räböi-Fed'a*; *Räbiskö*³⁹; *Rubi-Kuikka*; *Rubi-Riigo*; *Rupiška*⁴⁰.

Уличная фамилия *Rubine* (букв. 'рябой') > официальная фамилия *Rubijev*.

Прозвища, активно бытующие в деревнях, являются ценнейшим материалом. Сбор и изучение описательной лексики человека и прозвищ может пролить свет на происхождение многих карельских фамилий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе сбора материала нами было зафиксировано более 30 диалектных форм, используемых для обозначения рябого человека. Наряду с прибалтийско-финской лексикой встречаются по большей части русские заимствования. В данной лексико-семантической микрогруппе словосложение является наиболее продуктивным способом благодаря языковой экономии и емкости. Полученные данные имеют большую теоретическую и практическую значимость и могут быть использованы при чтении университетских курсов по лексикологии и диалектологии карельского языка. Исследование лексико-семантической группы «внешний человек» может быть продолжено с привлечением архивных материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее, за исключением материалов из карельско-русских словарей, перевод на русский язык выполнен автором статьи.

² Suomen kielen etymologinen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/ses/?p=qs-article&etym_id=ETYM_465467146cec53218cc647968ff747e8&list_id=1&keyword=rupi&word=rupi (accessed 10.05.2025).

³ Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. S. 1058.

⁴ Suomen murteiden sanakirja. Available at: <https://kaino.kotus.fi/sms/?p=advsearchresults> (accessed 10.05.2025).

⁵ Этимологический он-лайн словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BE/%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B0> (дата обращения 10.05.2025).

⁶ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_546e628204002376406189991448c087&list_id=1&keyword=ruekas&word=ruekas (accessed 10.05.2025).

⁷ Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 373.

⁸ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. С. 390, 479, 541.

⁹ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 248.

¹⁰ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_af76eb5ccdf13cf8d26f36916e80c7f0&list_id=1&keyword=rupinieka&word=rupinieka (accessed 10.05.2025).

- ¹¹ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_eba4a58e23b6eca9d29a9c3e3edfd899&list_id=1&keyword=rupehine&word=rupehine (accessed 10.05.2025).
- ¹² Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_54ec9dfd21a9689f74d80cf9f0765d78&list_id=1&keyword=ospitt%C5%A1aro%C5%A1a&word=ospitt%C5%A1aro%C5%A1a (accessed 10.05.2025).
- ¹³ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_66db42131fc88bbd897e481909ca9a5c&word=rupin%C3%A4k%C3%B6&list_id=3&keyword=rupin (accessed 10.05.2025).
- ¹⁴ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии... С. 249.
- ¹⁵ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=article&kks_id=KKS_6ad835ea2da37721a2844226c021fdf7&word=ruvenj%C3%A4lik%C3%A4s (accessed 10.05.2025).
- ¹⁶ Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. S. 364.
- ¹⁷ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_c1f546dca509efc2f3a9a4f09dd3a6b5&list_id=1&keyword=pre%C3%A4niekk%C3%A4lauta&word=pre%C3%A4niekk%C3%A4lauta (accessed 10.05.2025).
- ¹⁸ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_2b771d1d68d8f2c5e22536d76d53f5c5&list_id=1&keyword=tovetilauta&word=tovetilauta (accessed 10.05.2025).
- ¹⁹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 168.
- ²⁰ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/open/kksa/049_KOSI-KOT/kotus-201226_karjalan_kielen_sana-arkisto_116683.jpg (accessed 10.05.2025).
- ²¹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)... С. 315.
- ²² Полевые материалы автора.
- ²³ Словарь карельского языка (тверские говоры) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://punzhina.krc.karelia.ru/search/%D1%80%D1%8F%D0%B1%D0%BE%D0%B9> (дата обращения 10.05.2025).
- ²⁴ Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja... С. 371.
- ²⁵ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_a82044b186ae80cc3f18708e82221dcd&word=r%C3%A4pin%C3%A4:II&list_id=2&keyword=r%C3%A4pin%C3%A4 (accessed 10.05.2025).
- ²⁶ Полевые материалы автора.
- ²⁷ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_47391c7a9b161d6039e6d6175219c108&list_id=1&keyword=rupikre%C3%A4%C5%A1n%C3%B6i&word=rupikre%C3%A4%C5%A1n%C3%B6i (accessed 10.05.2025).
- ²⁸ Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku: SKS, 1965. S. 186.
- ²⁹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)... С. 315.
- ³⁰ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_b7705f63dbfb28800073d4c8bc489b71&list_id=1&keyword=ruvenrikko&word=ruvenrikko (accessed 10.05.2025).
- ³¹ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_6745520fc39b49453a645625878a75b9&list_id=1&keyword=ruvenj%C3%A4lki&word=ruvenj%C3%A4lki (accessed 10.05.2025).
- ³² Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_54ec9dfd21a9689f74d80cf9f0765d78&list_id=1&keyword=ospitt%C5%A1aro%C5%A1a&word=ospitt%C5%A1aro%C5%A1a (accessed 10.05.2025).
- ³³ Karjalaisia sananpolvia / Joensuun korkeakoulu; Toim. S. L. Miettinen, P. Leino. Helsinki: SKS, 1971. S. 438.
- ³⁴ Karjalan kielen sanakirja. Available at: [https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_e43ded749508965feadcaefc21250fa8&list_id=1&keyword=matois\(i\)ensy%C3%B6ty&word=matois\(i\)ensy%C3%B6ty](https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_e43ded749508965feadcaefc21250fa8&list_id=1&keyword=matois(i)ensy%C3%B6ty&word=matois(i)ensy%C3%B6ty) (accessed 10.05.2025).
- ³⁵ Karjalaisia sananpolvia... С. 438.
- ³⁶ Karjalan kielen sanakirja. Available at: https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_9327c8cadc1412be72810ee72b35545b&word=kie%C5%A1%C5%A1iekseh&list_id=2&keyword=kie%C5%A1%C5%A1ie (accessed 10.05.2025).
- ³⁷ Там же. https://kaino.kotus.fi/kks/?p=qs-article&kks_id=KKS_56a9edb98975a7f6d4ba60e4db645189&list_id=1&keyword=rupilapsi&word=rupilapsi (accessed 10.05.2025).
- ³⁸ Денисова Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумяцкого и Ершицкого районов Смоленской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. С. 1.
- ³⁹ Полевые материалы автора.
- ⁴⁰ Kotimaisten kielten keskus. Nimiarkisto.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславский В. М. Оценка внешности человека: Словарь. М.: АСТ, 2004. 256 с.
2. Васильева О. В. Номинации человека в псковских говорах посредством лексем, соотносимых с животными // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 3. С. 168–172.
3. Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Атрибуты *çota* и *kaunis* как номинации красивого человека // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 1. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.984
4. Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Атрибуты *ruta* и *tuhmu* / *tuhma* как номинации некрасивого человека в карельском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 15–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1066

5. Мягкова А. М. Номинации внешности человека в славянских языках (на примере русского, польского, чешского, сербского) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность. 2015. № 3. С. 172–178.
6. Нагель О. В. Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ) // Русин. 2015. № 3 (41). С. 226–240. DOI: 10.17223/18572685/41/16
7. Новоселова О. А., Храмцова Л. Н. Оценочные номинации женщины и мужчины в русской народно-речевой культуре (по данным сибирских говоров) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9. С. 40–48. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-40-48
8. Пашкова Т. В. Названия болезни «оспа» в карельском языке // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 8. С. 117–120.
9. Яшина Д. С., Заика В. И. Наименования женщин по внешним признакам в новгородском областном словаре // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2017. № 3 (11). С. 1–4.

Поступила в редакцию 19.05.2025; принята к публикации 01.09.2025

Original article

Yevgeniy V. Karakin, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3684-0971; karakin.86@mail.ru

NOMINATIONS OF A POCKMARKED PERSON IN THE KARELIAN LANGUAGE

Abstract. The article examines nominations of a pockmarked or freckled person using the material of the Karelian language. The primary objectives are to analyze the vocabulary describing a pockmarked person, identify the most common word-formation models, and analyze secondary nomination units. The study used semantic-motivational and comparative-contrastive methods, as well as an etymological analysis of the collected lexemes. The language material presented in the article was collected using the method of continuous sampling from dialect dictionaries of the Karelian language and collections of proverbs and sayings. The study involved the author's field material collected in the Republic of Karelia (Kalevala District, Kostomuksha Municipal District), Tver Region, and Leningrad Region between 2015 and 2024. Based on folklore material, it was revealed that in Karelian proverbs, a pockmarked person has a positive image – as more hardworking and well-natured than an outwardly attractive person. The most productive method of word formation in this lexical-semantic microgroup is compounding. Along with compounding, a number of words are formed using the suffixal method from the productive base of the lexeme *rubi / rupi*.

Key words: Karelian language, etymology, dialectology, evaluative nomination of a person, linguistic worldview, secondary nomination, evaluative vocabulary, human appearance

For citation: Karakin, Ye. V. Nominations of a pockmarked person in the Karelian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):72–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1235

REFERENCES

1. Boguslavsky, V. M. Evaluation of human appearance: Dictionary. Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.)
2. Vasilyeva, O. V. Nominations of a person in Pskov patois by means of words correlated with animals. *Vestnik of Kostroma State University*. 2018;3:168–172. (In Russ.)
3. Karakin, E. V., Pashkova, T. V. Attributes *čoma* and *kaunis* as nominations of a good-looking person. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(1):8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.984 (In Russ.)
4. Karakin, E. V., Pashkova, T. V. Attributes *ruma* and *tuhmu / tuhma* as nominations of an ugly person in the Karelian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):15–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1066 (In Russ.)
5. Myagkova, A. M. Nominations of human appearance in Slavic languages (based on Russian, Polish, Czech, and Serbian languages). *Russian language in Slavic intercultural communication: history and modernity*. 2015;3:172–178. (In Russ.)
6. Nagel, O. V. Derivation peculiarities of nominal nouns in Slavic languages (based on the parallel subcorpus of the National Russian Corpus). *Rusin*. 2015;3(41):226–240. DOI: 10.17223/18572685/41/16 (In Russ.)
7. Novoselova, O. A., Khramtsova, L. N. Evaluating nominations of women and men in the Russian people's speech culture (as of Siberian speaks). *Vestnik NSU*. Series: History and Philology. 2017;16(9):40–48. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-40-48 (In Russ.)
8. Pashkova, T. V. Names for smallpox in the Karelian language. *Vestnik of Pomor State University*. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2007;8:117–120. (In Russ.)
9. Yashina, D. S., Zaika, V. I. Naming units of women based on their appearance in the “Novgorod Region Dialect Dictionary”. *Memoirs of NovSU*. 2017;3(11):1–4. (In Russ.)

Received: 19 May 2025; accepted: 1 September 2025

ВАЛЕРИЯ ТАРАСОВНА ВЕРЕД

кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0986-0229; vered_vt@pfur.ru

БЕЗЛИЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

А н н о т а ц и я . Исследуется коммуникативный потенциал русских безличных конструкций во внутриязыковом и межъязыковом (переводном) аспекте. Актуальность заявленной темы заключается в том, что в большинстве работ, проводимых в русле когнитивного направления, преобладает анализ лексико-семантических средств языка, а грамматические явления отодвигаются на второй план. Особое внимание в статье уделяется функционально-семантической нагрузке категории безличности в русском языке. Безличные предложения описываются на фоне английских переводных эквивалентов (на материале произведений И. С. Тургенева, вошедших в переводной сборник С. Garnett «Dream Tales and Prose Poems»). Выдвигается и доказывается гипотеза о том, что безличные конструкции, в которых предикатом выступают личные глаголы в безличной форме и безлично-возвратные глаголы с постфиксом *-ся*, соотносимые с аналогичными беспостфиксными (активными) глаголами, составляют коммуникативное ядро категории безличности. Наличие подобных конструкций свидетельствует о коммуникативной потребности «спрятать» субъект действия и описать ситуацию как произвольную, саморазвивающуюся, довлеющую над субъектом, в которую последний непосредственно не вовлечен и присутствует лишь как реципиент. При переводе на английский язык большинство русских безличных конструкций подвергается значительным трансформациям, что приводит к редукции смысла, а семантика безличности может быть лишь частично компенсирована с помощью лексических средств. Делается вывод о принципиальной роли русских безличных конструкций в концептуализации действительности и кодировании культурных смыслов, наиболее важных для носителей языка на данном этапе исторического развития.

К л ю ч е в ы е с л о в а : безличность, языковая картина мира, функциональная грамматика, семантика, прагматика, сопоставительное языкознание

Д л я ц и т и р о в а н и я : Веред В. Т. Безличные конструкции как отражение языковой картины мира // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1236

ВВЕДЕНИЕ

Понятие языковой картины мира, восходящее к идеям немецкого романтизма и представлениям В. фон Гумбольдта о «духе народа» и самобытности каждого этноса, получило в XX веке дальнейшее научное обоснование в гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, а в XXI веке стало отправной точкой в лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и смежных с ними дисциплинах.

Тезис о том, что мышление и культура народа детерминируются его языком, является общепризнанным и не требующим доказательства в современном языкознании. Представители разных научных школ (А. Д. Шмелев, А. А. Зализняк,

Ю. Л. Воротников, В. И. Карасик, Н. Л. Чулкина, М. В. Пименова, Т. А. Светоносова и др.) пришли к выводу, что язык накладывает своеобразную понятийную сетку на мир и диктует нормы поведения в социуме. При этом один и тот же элемент общечеловеческого опыта может по-разному фиксироваться в национальных языках и обладать неодинаковой степенью ценности.

Цель работы – установить коммуникативный потенциал русских безличных конструкций во внутриязыковом и межъязыковом (переводном) аспекте. Актуальность заявленной темы заключается в том, что в большинстве работ, проводимых в русле когнитивного направления, преобладает анализ лексико-семантических средств языка,

а грамматические явления незаслуженно отодвигаются на второй план. Осознанный подход к пониманию грамматических различий с точки зрения их функционально-семантической нагрузки позволит более осмысленно осваивать как родной, так и иностранный язык.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ БЕЗЛИЧНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматика, по замечанию А. Вежбицкой, является концентрированной семантикой и служит не просто инструментом для воспроизведения мыслей, она сама формирует мысль и

«воплощает систему значений, рассматриваемых в данном конкретном языке как особенно важные, действительно сущностно необходимые при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в этой действительности» [5: 44].

С этим положением соглашаются и представители Московской семантической школы. Так, Ю. Д. Апресян уточняет, что реконструировать языковую картину мира можно не только посредством привлечения данных лексико-семантической системы, но и через призму грамматических форм и категорий, словообразовательных средств и синтаксических конструкций языка [1].

Одной из универсальных синтаксических категорий является категория личности-безличности, присущая большинству языков мира. Однако в разных языках данная категория репрезентирована по-разному. Исследование структурно-семантических параметров безличных предложений может пролить свет на внутренние закономерности развития и функционирования конкретного языка, а также на логику мышления его носителей. В этом смысле нам близка позиция Н. Д. Арутюновой, полагающей, что «безличные предложения фиксируют когнитивные модели, сформировавшиеся в национальном сознании и соответствующие прототипическим положениям дел» [3: 806].

Сопоставляя русский и английский синтаксис в области личности-безличности, А. Вежбицкая отталкивается от двух разных «подходов к жизни»: активного и пассивного. Первый подход, по ее мнению, характерен для носителей английского языка и эксплицируется через номинативно-субъектные конструкции, второй свойствен русскоговорящим и выражается в обилии безличных дативных конструкций [6]. Однако искать корень грамматической безличности в национальных чертах справедливо лишь с некоторой долей условности.

Интересны взгляды З. К. Тарланова на природу русской безличности. Исследователь свя-

зывает многообразие безличных конструкций не с пассивностью русского этноса, а с усложнением и обогащением познавательного опыта, с интеллектуализацией языка и «тенденцией к объективированию и объективизму» [12: 12]. Говорящий, располагая более богатым арсеналом языковых форм и конструкций, способен точнее нюансировать описываемую ситуацию. Наличие в русском синтаксисе и личных, и безличных предложений свидетельствует о «гибкости, богатстве, объемности, открытости этнического видения, этнического осмысления окружающей действительности в ее многообразии» [11: 186].

Рассмотрим подробнее семантико-синтаксическую организацию безличного предложения в русском языке. Под безличными предложениями в русской грамматике традиционно понимается такая синтаксическая структура, в которой главный член выражен особой глагольной формой (структурная схема – Vf 3s), при этом субъект, являющийся носителем предикативного признака, формально отсутствует. Важное замечание делает А. М. Пешковский: «С внутренней стороны эти предложения можно определить как предложения, в которых подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли» [9: 343].

Истинно бессубъектными предложениями являются конструкции с предикатом состояния окружающей среды: *Штормит. Подморозило. Громыхнуло*. Ю. С. Степанов называет такие предложения «безличными сильной степени» [10: 220], поскольку субъект не выделен из окружающего его фона. Предложения, в которых субъект выделен неотчетливо, относятся к разным семантическим типам безличных конструкций. Сопоставим два высказывания: (1) *Где ты носился?* (2) *Где тебя носило?* Первое предложение является подлежащно-сказуемым с агенсом *ты*, а второе – бесподлежащим, в котором косвенное местоимение *тебя* выполняет семантическую роль пациенса. Агенса, как неизвестная причина явления, выраженного в глаголе, устраняется. Интересно, что при трансформации предложения в двусоставное *Где тебя нелегкая носила?* идея некоторой высшей силы, довлеющей над человеком, воплощается уже лексически – существительным *нелегкая*. Аналогично в конструкции (3) *Его водило из стороны в сторону* не приходится рассматривать косвенное местоимение в качестве агенса, то есть инициатора действия, контролирующего данный процесс или состояние. Однако необходимо принять во внимание возражение Г. А. Золотовой,

не признающей бессубъектными (безличными) предложения, в которых «говорится о состоянии лица, о признаке, который вне лица, вне носителя его не может существовать» [8: 109]. Учитывая данное замечание, мы вправе заключить, что в конструкциях с личными переходными глаголами в безличном употреблении (*носило, водило* и под.) прямой объект в позиции перед предикатом выражает и субъект состояния, и одновременно «объект бессубъектно представленного действия» (термин из «Граматики-80»).

Проанализируем следующую пару: (4) *Мы не ладим с соседями* (5) *У нас не ладится с соседями*. Оба высказывания описывают одну и ту же ситуацию, но с разных коммуникативных ракурсов: в первом предложении субъект, выполняющий синтаксическую роль подлежащего, выступает активным творцом действительности и подчиняет мир себе; во втором – субъект, выполняющий синтаксическую роль дополнения, становится косвенным участником событий и подчиняется внешним обстоятельствам, которые не в силах изменить.

Возможность устранять подлежащее из предложения позволяет говорящему по-разному характеризовать семантический субъект. В личных предложениях семантический субъект и грамматический носитель предикативного признака (подлежащее) совпадают, тем самым роль активного действующего начала грамматически подчеркивается. В безличных предложениях семантический субъект, представленный формами косвенных падежей, выполняет функцию дополнения, то есть второстепенного компонента синтаксической структуры, тем самым он выводится за пределы предикативного ядра, а его роль в передаваемой ситуации коммуникативно ослабляется.

Итак, безличные конструкции в языке вторичны, и развились они из двусоставных предложений в результате абстрагирования и отвлечения действия от конкретного деятеля. Продуктивность данного процесса в русском языке велика, что обусловлено, во-первых, коммуникативными потребностями самих говорящих, а во-вторых, гибкостью русского предложения – синтетическим строем и относительно свободным порядком слов.

В английском языке, напротив, односоставные конструкции представлены очень ограниченно. Аналитический строй и твердый порядок слов сдерживают синтаксическую перестройку предложения и требуют материально выраженных

подлежащего и сказуемого. В. Д. Аракин в качестве специфической черты английского безличного предложения называет обязательный формальный показатель – наличие подлежащего *it* [2]. В. В. Гуревич предлагает отказаться от термина «безличное предложение» в английском языке, поскольку считает, что

«вряд ли есть смысл вообще выделять в английском синтаксисе безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения как какие-то особые структурные типы – они различаются лишь значением подлежащего» [7: 162].

Соответственно, остается открытым вопрос, возможно ли при переводе русских безличных конструкций на английский язык добиться полной эквивалентности и коммуникативной равнозначности текстов оригинала и перевода или все же «каждая культура в процессе взаимодействия сохраняет за собой право на собственную аутентичность, “непрозрачность”» [4: 186]?

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ТИПОВ РУССКИХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ИХ ПЕРЕВОДНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Обратимся к конкретным примерам и проведем сопоставительный анализ основных семантико-синтаксических типов русских безличных предложений и их возможных английских эквивалентов (на материале произведений И. С. Тургенева¹, вошедших в переводной сборник С. Garnett «*Dream Tales and Prose Poems*»²). Результаты подобного контрастивного анализа позволят выявить, какие национально-специфические смыслы кодируют безличные конструкции в русском языке и как эти смыслы транслируются в принимающий язык.

Безличные конструкции аккумулировались методом сплошной выборки (110 глагольных форм), количественный анализ данных продемонстрировал, что наиболее распространенными типами оказались конструкции с личными глаголами в безличном употреблении (66 единиц), а также глаголами с постфиксом *-ся* со значением безличности (43 единицы). Встретилось употребление одного собственно безличного глагола. Семантика личных глаголов, употребленных в безличной форме, претерпевает изменения: на первый план выходит описываемый процессуальный признак, состояние, а производитель, каузатор действия затумешивается.

(1) *Гложет мне сердце... да и ну!* (И. С. Тургенев).
My heart is gnawing at me... so it is! (С. Garnett).

В переводном варианте объект – существительное *сердце* – занимает позицию семантического и логического субъекта, и предложение преобразуется в типичную двучленную структуру. Прагматическое содержание высказывания меняется: неизвестной природы сила, порождающая состояние, названное глаголом *гложет*, воплощается в конкретном предмете.

В художественном пространстве И. С. Тургенева личные глаголы в безличной форме активно используются для воссоздания пейзажа и настроения героев.

(2) *На меня веяло крепительной свежестью, как от большой реки, и пахло сеном, дымом, коноплей* (И. С. Тургенев).

A breeze was blowing upon me, fresh and invigorating, as though from a great river, and there was a smell of hay, smoke and hemp (C. Garnett).

В предложении сочетание безличной глагольной формы с творительным стимула *свежестью* фиксирует положение дел, характерное для некоторого воспринимающего невыраженного участника ситуации. Субъектом восприятия (экспериенцером) выступает дополнение *на меня*. В английском варианте оригинальное русское предложение структурно изменяется: первая часть становится двусоставной ‘свежесть веяла’, во второй части полнозначительный глагол опускается и ситуация приобретает статичный оттенок, что приводит к изменению коммуникативного ракурса высказывания в целом.

Обратимся к следующему примеру:

(3) *У Аратова внезапно похолодели руки и в груди задрожало* (И. С. Тургенев).

Aratov's hands had grown suddenly cold, and he felt an inward shiver (C. Garnett).

В безличном предложении описывается особое психоэмоциональное состояние человека, которое характеризуется неосознанностью и немотивированностью. При переводе русский глагол в безличной форме заменяется английской личной конструкцией с материально выраженным подлежащим. Компонент смысла, содержащий произвольность, бесконтрольность действия, полностью утрачивается.

Любопытную группу безличных предложений составляют конструкции с безлично-возвратными глаголами с постфиксом *-ся*, где на условного носителя действия / состояния указывает существительное или личное местоимение в форме дат. падежа:

(4) *Ну скорей же, скорей!* – думалось мне, – *сверкни, золотая змейка, дрогни, гром!* (И. С. Тургенев).

'Come then, quickly, quickly!' was my thought, 'flash, golden snake, and roll thunder!' (C. Garnett).

Анализируемая синтаксическая единица примечательна тем, что в ней, как в зеркале, отражается мировидение русского человека, убежденного в том, что далеко не все события в жизни поддаются сознательному контролю индивидуума. Помещение агенса в синтаксически зависимые позиции позволяет актуализировать само процессуальное состояние в отвлечении от его деятеля.

Специфика русской безличной конструкции с ментальным глаголом *думалось* проявится ярче, если сопоставить ее с английским переводным эквивалентом. Исходная фраза подвергается грамматической трансформации, снимающей глагольную безличность: *was my thought*. Подобная стратегия перевода вполне успешно передает общую семантику исходного высказывания, однако компонент смысла, покрывающий произвольность совершающегося действия и личное неучастие говорящего в этом действии, полностью нейтрализуется.

Рассмотрим еще одну контрастивную пару:

(5) *Мне не захотелось покинуть мою чистую, темную, воздушную высь, не захотелось приблизиться к этому человеческому муравейнику* (И. С. Тургенев).

I had no inclination to forsake my pure dark airy height. I had no inclination to get nearer to this human ant-hill (C. Garnett).

Русская безличная конструкция с глаголом *не захотелось*, адаптируясь под внутреннюю логику языка перевода, замещается английским личным глаголом с распространителем.

Тем не менее в отдельных случаях перевод русской безличной конструкции на английский характеризуется высокой степенью эквивалентности. Данная эквивалентность обусловлена лексически и охватывает лишь некоторые ментальные глаголы вроде *казаться*, *прийти на ум* (*to seem, to occur, to appear, to strike*).

(6) *Ему казалось, что глаза ее, сквозь прищуренные ресницы, были обращены опять-таки на него...* (И. С. Тургенев).

It seemed to him that her eyes, through the drooping eyelashes, were again turned upon him... (C. Garnett).

Особенность представленной пары состоит в том, что русский безличный предикат *казалось* переводится на английский язык формально субъектно-предикативной конструкцией с подлежащим *it*, референт которого максимально размыт и обезличен, а экспериенцер представлен, как и в оригинале, дативным дополнением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В русском языке действительно преобладает общее число ситуаций, явлений и состояний, описываемых безличными конструкциями. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что за безличными конструкциями в русском языке закрепляются важные культурно-маркированные смыслы, отражающие созерцательное отношение субъекта к окружающей действительности, которая характеризуется иррациональностью и хаотичностью.

Наиболее яркими примерами с точки зрения репрезентации языковой картины являются проанализированные в данной статье личные глаголы в безличном употреблении, а также глаголы с постфиксом *-ся*, поскольку именно эти глаголы составляют наиболее активный, пополняющийся класс, формирующий категорию безличности в современном русском языке. Помимо этого, указанные глаголы парны (то есть у каждой безличной формы есть стандартная личная форма, а у возвратно-безличного глагола присутствует активный аналог), что дает говорящему возможность выбирать из языковых ресурсов то, что в наибольшей степени отвечает его коммуникативным интенциям. Наличие безличных конструкций свидетельствует

о коммуникативной потребности «спрятать» субъект действия и описать ситуацию как произвольную, саморазвивающуюся, довлеющую над субъектом, в которую последний непосредственно не вовлечен и присутствует лишь как реципиент.

Большинство безличных глагольных конструкций русского языка переводится на английский язык личными эквивалентами: в роли подлежащего выступает лицо, которому приписывается определенное действие или состояние, либо объект, на который было направлено действие безличного глагола, перемещается в позицию субъекта и сам становится «дейтелем», агенсом, что влечет за собой грамматическую трансформацию исходного предложения и, как следствие, приводит к редукции смысла. Семантика безличности может быть лишь частично компенсирована с помощью лексических средств. Исключение составляют немногочисленные дативные конструкции в английском языке с обезличенным подлежащим, выраженным местоимением *it*, и семантическим субъектом (носителем переживания) в дательном падеже, позволяющие представить ситуацию как саморазвивающуюся и объективно не зависящую от воли человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тургенев И. С. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/ (дата обращения 10.01.2025).
- ² Garnett C. Dream Tales and Prose Poems [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gutenberg.org/files/8935/8935-h/8935-h.htm#link2H_4_0002 (дата обращения 10.01.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3–30.
2. Аракин В. Д. История английского языка. М.: Физматлит, 2011. 304 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Бахтикиреева У. М., Валикова О. А. «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 1. С. 184–200. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200
5. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
6. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
7. Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Флинта, 2013. 168 с.
8. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107–113.
9. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2011. 990 с.
11. Тарланов З. К. Безличное предложение как средство сжатия текста // Время языка: Сборник статей памяти профессора В. В. Колесова. СПб.: Златоуст, 2021. С. 181–192.
12. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1999. 208 с.

Поступила в редакцию 21.01.2025; принята к печати 02.06.2025

Valeria T. Vered, Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice
Lumumba (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0986-0229; vered_vt@pfur.ru

IMPERSONAL CONSTRUCTIONS AS A REFLECTION OF LINGUISTIC WORDVIEW

Abstract. The article explores the intralingual and interlingual (translingual) communicative potential of Russian impersonal constructions. The relevance of the topic is conditioned by the following: a large portion of cognitive research in the field focuses on lexical meaning and semantic relations between words, with little research done to evaluate grammatical phenomena as a means of reflecting the worldview. The article focuses on the functional and semantic features of the category of impersonality in the Russian language. Russian impersonal sentences are compared and contrasted with their English equivalents (selected from Ivan Turgenev's works translated from Russian by Constance Garnett and included into the book *Dream Tales and Prose Poems*). A hypothesis is formulated and proved that the communicative core of impersonality is formed by impersonal constructions in which a predicate is expressed by personal verbs in an impersonal form or impersonal reflexive verbs with the postfix *-sya* corresponding to similar active verbs without postfixes. The presence of such structures indicates the communicative need to conceal the subject of the action and describe the situation as arbitrary, self-developing, and dominating the subject, in which the latter is not directly involved and acts exclusively as a recipient. Being translated into English, most Russian impersonal constructions are replaced by English constructions with personal verbs, which leads to a reduction of meaning, and the semantics of impersonality may only be partially recreated by lexical means. A conclusion is drawn that Russian impersonal constructions play a major role in the conceptualization of reality and the creation of cultural codes that are most significant for native speakers at the given point of historical development.

Key words: impersonality, linguistic worldview, functional grammar, semantics, pragmatics, comparative linguistics

For citation: Vered, V. T. Impersonal constructions as a reflection of linguistic worldview. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1236

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. On the Moscow semantic school. *Topics in the Study of Language*. 2005;1:3–30. (In Russ.)
2. Arakin, V. D. The history of the English language. Moscow, 2011. 304 p. (In Russ.)
3. Arutyunova, N. D. Language and human world. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.)
4. Bakhtikireeva, U. M., Valikova, O. A. "Language keys": foreign cultural lexicon in the translingual (Russophonic) literary text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022;13(1):184–200. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200 (In Russ.)
5. Wierzbicka, A. Semantic universals and the description of languages. Moscow, 1999. 780 p. (In Russ.)
6. Wierzbicka, A. Language. Culture. Cognition. Moscow, 1996. 416 p. (In Russ.)
7. Gurevich, V. V. Theoretical grammar of the English language. Comparative typology of English and Russian languages. Moscow, 2013. 168 p. (In Russ.)
8. Zolotova, G. A. Grammar as a science about human. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2001;1:107–113. (In Russ.)
9. Peshkovsky, A. M. Russian syntax and linguistic theory. Moscow, 2001. 544 p. (In Russ.)
10. Stepanov, Yu. S. Constants. Dictionary of Russian culture. Moscow, 2011. 990 p. (In Russ.)
11. Tarlanov, Z. K. Impersonal sentence as a means of text compression. *Time of language: Collection of articles in memory of Prof. V. V. Kolesov*. St. Petersburg, 2021. P. 181–192. (In Russ.)
12. Tarlanov, Z. K. Formation of the typology of Russian sentences in relation to ethnophilosophy. Petrozavodsk, 1999. 208 p. (In Russ.)

Received: 21 January 2025; accepted: 2 June 2025

МЭНЛИНЬ ГАО

аспирант кафедры иностранных языков филологического
факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0009-0007-7122-4836; isgaogao@yandex.com

ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТАМИ-ХРОНОНИМАМИ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ РУССКИХ ПРАЗДНИКОВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А н н о т а ц и я . Исследуются паремии с компонентами-хрононимами – православными антропонимами и их лингвокультурные особенности в контексте русских традиционных праздников. Анализ проводится с позиций лингвоаксиологии и этнокультурологии, что позволяет выявить культурную информацию, религиозную символику и социальные функции, отраженные в данных паремиях. Материалом исследования послужила авторская картотека, сформированная методом сплошной выборки паремий из авторитетных словарей и этнолингвистических источников. Методологическая основа включает описательный, семантико-культурный и лингвокультурологический анализ. Результаты исследования показывают, что паремии с антропонимами тесно связаны с аграрным циклом, социальной жизнью и природными культами; они фиксируют как народные знания о сроках сева и жатвы, сформулированные в погодных приметах, так и религиозные представления о покровительстве святых, отражая мировоззрение и верования славянского народа. Данные паремии выполняют важную символическую роль в религиозных ритуалах и народных традициях, влияя на формирование общественных отношений и моральных норм. Кроме того, с точки зрения китайской лингвокультуры отраженные в русских паремиях представления о браке контрастируют с китайской моделью, что подчеркивает различия двух лингвокультур в ценностных ориентирах и социальной структуре. В ходе классификации и контекстного анализа выявлены изменения в функционировании паремий в современном обществе, а также их значимость в процессе культурной трансмиссии и формировании национальной идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : паремии, хрононимы, православные антропонимы, лингвокультурология, аграрный цикл, народные традиции

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при финансовой поддержке Китайского стипендиального совета. Автор выражает благодарность доктору филологических наук, профессору О. В. Ломакиной за помощь в проведении данного исследования.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Гао М. Паремии с компонентами-хрононимами в контексте традиционных русских праздников: лингвокультурологический анализ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 83–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1237

ВВЕДЕНИЕ

Паремиология как развивающееся направление лингвистики достигла значительных успехов: сформулированы задачи и объекты исследования, описаны основные приемы и методы анализа [2], [8], [9]. Согласно ряду современных исследований (см. [7], [11]), термин *паремия* используется как «родовое наименование для обозначения различных классов народных афоризмов» [8: 14]. Паремии как способ вербализированной символики бытия отражают способ восприятия мира человеком, рассматриваются как «зеркало на-

родной культуры, народной психологии и философии» [14: 7] и служат инструментом конструирования языковой картины мира [3].

Праздники представляют собой ключевой фрагмент реконструкции языковой картины мира, поскольку они «присутствуют во всех лингвокультурах, однако имеют национальное преломление» [3: 80]. Как важнейший компонент национальной культуры, праздники не только закрепляют и передают социальный опыт, но и служат ориентиром временного порядка и хранителем культурной памяти. Тематическая группа

«праздник» входит в число 179 разделов сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля¹. По данным Д. Д. Комовой и О. В. Ломакиной, «самую обширную группу составляют паремии, содержащие хрононимы – названия праздников и их производные» [3: 80], что подчеркивает значимость данной группы паремий для реконструкции паремиологической картины мира.

Согласно определению О. В. Атрошенко и соавторов, хрононимы представляют собой

«обозначения отрезков или точек календарного времени в годовом цикле, включающие: а) церковные названия, содержащиеся в святцах; б) общенародные хрононимы; в) диалектные хрононимы»².

В паремиологии хрононимы (или имена святых) могут рассматриваться как *этнолингвомаркеры* (термин О. В. Ломакиной), обладающие национальным своеобразием и культурной памятью. Особенно значительным культурологическим потенциалом обладает группа хрононимов – православных антропонимов [6].

Цель исследования – проанализировать русские паремии с компонентами-хрононимами – православными антропонимами, выявить их лингвокультурный потенциал в контексте традиционных праздников и рассмотреть влияние этих паремий на культурную память и национальную идентичность.

Особое внимание уделяется роли пословиц в описании праздников, поскольку они фиксируют их многомерную семантику: отражают иерархию ценностей, традиции, запреты, предписания, способы празднования, а также оппозицию священного и профанного [15]. В этом контексте актуальным направлением является исследование паремий, содержащих имена святых: они не только передают религиозные представления, но и фиксируют особенности наивной картины мира. При анализе подобных паремий следует учитывать их ситуативность [10], а также тот факт, что имена святых и календарные дни их памяти могут отождествляться: носители традиции часто говорят о празднике как о святом и наоборот [12].

МАТЕРИАЛ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужила авторская картотека, составленная на основе паремий, извлеченных приемом сплошной выборки из следующих лексикографических источников: «Большой словарь русских пословиц» (БСРП)³, «Пословицы русского народа» (ПРН)⁴, этнолингвистический словарь «Русский народный календарь» (РНК)⁵. Использованы следующие методы: лингвокультурологический, описательно-анали-

тический, семантический, сравнительно-сопоставительный, а также прием сплошной выборки.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Славянский народный календарь, как неотъемлемая часть традиционной духовной культуры, глубоко отражает «синкретизм христианского и языческого, сакрального и магического начал» [13: 179]. По мнению Ф. С. Капицы, уникальность системы русских праздников состоит в том, что православный календарь в народной традиции не вытеснил полностью древний (прежде всего языческий) календарь, основанный на природных циклах, а органично наложился на него, сформировав сложную и многослойную систему⁶. Русский народный календарь сохраняет в себе древнее мифологическое восприятие времени, отражая «отношения человека не только со временем, но и с окружающим миром и обществом» [5: 2].

Календарные праздники, будучи важной составляющей традиционной культуры, связаны с социокультурным контекстом. Они одновременно отражают реальность, основанную на богатом практическом опыте, и воплощают синтез ирреального, включая в себя элементы многообразных верований, древних ритуальных культов и мифологических преданий, связанных с конкретной местностью [4]. Анализ материалов показывает, что паремии с компонентами-антропонимами в контексте праздников несут в себе значительное культурное содержание. Их можно рассмотреть с трех точек зрения: религиозной, аграрной и социальной.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ: СЛИЯНИЕ ИМЕН СВЯТЫХ И ПРАЗДНИЧНЫХ ВЕРОВАНИЙ

В контексте праздников паремии с компонентами-антропонимами сохраняют связь с религией, имеют не только привычное пословицное значение, но и получают благодаря этим компонентам символические репрезентации. Образ святого, занимающий важное место в религиозном сознании, закономерно ассоциируется с определенными праздничными обрядами, моральными императивами и священными повествованиями.

Представляется, что религиозность находит свое отражение прежде всего в закрепившихся за конкретными праздниками устойчивых выражениях и производных от этих названий лексемах. Например, паремии *Евдокия-Замочи подол – под порогом мокро; Евдокия-Плющица, лужинки были* (РНК: 132); *Авдотья-весновка весну снаряжает* (РНК: 18) отражают народные

представления о первых признаках весны, которые связывались с этим днем. Святая Евдокия (день памяти 14 марта) предстает в этих паремиях в образных характеристиках «весновки» или «плющихи», поскольку считалось, что она заведовала у Бога весной и держала ключи от весенних вод [5: 45]. В паремии *Просаввились мужики, проварварились, последний грош проносили* (РНК: 61) при помощи дериватов имен святых (*просаввились, проварварились, проносили*) иронично и выразительно описывается иррациональное – расточительное поведение. Хотя паремические тексты не всегда напрямую демонстрируют нравоучительную функцию, атрибутируемую святым, они имплицитно выражают отношение к вере как ценности и уважение к святым.

Обычаи и традиции славян уходят в глубокую древность, и каждый обряд несет в себе символическое значение. Люди обращались за помощью и покровительством к святым, веря в их высшую силу. Некоторых святых стали воспринимать как небесных покровителей определенных видов работ. Так, святого Власия в народе считали покровителем скота. Чтобы скот был здоров, к святому Власию обращались с молитвами и проводили специальные обряды: *«Угодник Божий Власий! Не оставь скотинку в пути и в дороге...»* [5: 33]. Святые Кузьма и Демьян в народных верованиях считались покровителями кур, поэтому их день в деревнях называли «куриными именинами» [5: 131]. В Тамбовской области существовала традиция в этот день забивать курицу и готовить ее для праздничного стола:

На Кузьму-Демьяна – курицу на стол, Это Кузьма-Демьяна праздник, это осенний. Одного петушка и одну курочку. А если не зарежешь, все равно они сдохнут после (РНК: 227).

Несмотря на почитание святых и праздничные обряды, существовали и строгие запреты, нарушение которых, по поверьям, могло навлечь беду. В основе этих запретов лежало глубокое уважение к сакральному времени и могущественным силам природы. Например:

На Петров день грех работать, праздновали; Если раньше Петрова дня косить начинали, значит, Петру и Павлу голову ссекашь (РНК: 316); *В Ильин день не работают: все труды пойдут даром; После Ильина дня нельзя купаться: медведь лапу в воду опустил, и та стала холодной; красная рука на дно утянет* (РНК: 185).

В паремиях многомерно отражается статус святых в религиозной и культурной традиции. Например, святой Николай, являясь одним из самых почитаемых святых, известен как «чудотво-

рец» и милостивый помощник всем нуждающимся [5: 73]. Отношение к святым подчеркивается в паремиях через яркие противопоставления: *Благому чудотворцу Николаю два праздника в году, а Касьяну немилостивому один в четыре года* (ПРН: 360). Подобная двойственность проявляется и в отношении других святых:

Два Никола: Теплый и Холодный, два Егорья: Холодный и Голодный (БСРП: 597); *Ахи, дай Боже два Илюшки в году, а Петрушки хоть ни одного. Илюшка и накормил, и напоил* (РНК: 196).

Паремии раскрывают функциональное почитание святых в народной культуре: святой Илья высоко ценится за связь с урожаем и дождями, тогда как святой Петр, лишенный прямого символического значения для повседневной жизни, оказывается на периферии народного внимания. Повторяемость и контрастность праздников в паремиях формируют уникальную систему ценностей и «зоны воздействия святых», где частота упоминания и празднования отражает их практическую значимость для жизни людей.

Антропоморфизм как важная черта паремий о святых, проявляется в наделении сакральных дат и природных явлений человеческими действиями. Так, паремии об Алексее (30 марта): *Алексей-Зажигательник до Паски; Алексей-Божий человек воду с гор пригнал; Алексей-Пролей кувшин, Алексей – из каждого сугроба пролей кувшин* (РНК: 30-31) наделяют праздник и природные процессы (таяние снега, половодье) антропоморфными чертами через глаголы действия (*пригнал, пролей*). Переход от зимы к весне в паремиях метафорически представляется как «деятельность» святого, что отражает синтез религиозной символики и анимистического восприятия природы в народном сознании.

СВЯЗ УСПЕШНОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РАБОТ С ИМЕНЕМ СЯТОГО

В сельском хозяйстве смена сезонов имеет особое значение, знаменуя важные этапы сельской жизни: окончание зимы, посев, жатву и др. Жизнь русского крестьянина строилась на постоянном диалоге с сакральным миром, где святые выполняли роль посредников. По святам определялось время свадеб, начала различных сельскохозяйственных работ, «составлявшие годовой круг праздники служили точками отсчета, повторяясь из года в год»⁷. Анализ паремий с компонентами-антропонимами отражает связь природных циклов с сельскохозяйственными работами, молитвами святым об урожае и сакрализации природы. Основными характеристиками данного аспекта являются:

1. Отражение временной последовательности и связи между праздниками.

В русских народных паремиях праздники нередко образуют временную цепь, отражающую смену сезонов. Так, в пословице *Варвара мостит, Савва вострит, а Никола гвоздит* (РНК: 283) последовательность дней святых (Варвары, Саввы и Николая) символизирует усиление зимних холодов, достигающих апогея ко дню Николая. Пословица *Никола придет, все праздники подберет* (РНК: 281) подчеркивает особую роль этого дня в календаре. Связь праздников с сельскохозяйственным календарем ярко проявляется в ряде паремий, которые раскрывают их функцию как культурных маркеров времени, синхронизирующих сельскохозяйственную деятельность с природными циклами:

Ранний посев ярового – с Юрья, средний – с Николы, поздний – с Ивана до Тихона (РНК: 485); *Илья-пророк дыру прожесг, а Петр и Павел еще поприбавил* (БСРП: 389); *До Николы крепись, хоть разопрись, с Николы живи – не тужи* (БСРП: 597).

2. Отражение связи праздников с сельскохозяйственным циклом.

В русской традиционной культуре праздники святых неразрывно связаны с сельскохозяйственными работами, что отражает интеграцию религиозной веры и крестьянского быта. Паремии с компонентами-хрононимами демонстрируют эту связь, синхронизируя церковный календарь с аграрным циклом. Они показывают, как дни памяти святых (Николая, Петра, Ильи) становились календарными маркерами, регулируемыми сроки посева, ухода за посевами и сбора урожая:

До Николы лукавки садят, чтобы лукавки раньше росли, поспедали (РНК: 281); *На Петров день поспевала смородина, а теперь ее уже до Петрова дня убираем* (РНК: 317); *С Ильина дня защипывают горох, а репу с Ивана Постного* (РНК: 185).

Особый интерес представляет бифункциональность образа Николы в паремиях. Его праздники, отмечаемые дважды в год (весной и зимой), соответствуют ключевым точкам аграрного цикла. Никола Вешний (9 мая) знаменует начало посевного сезона, а Никола Зимний (6 декабря) символизирует приход холодов и завершение полевых работ, что отражено в паремиях:

Зимний Никола лошадь на двор загонит, Летний Никола травой накормит; С Николы Вешнего крепись, хоть разопрись (летние страдные работы), а с Николы Зимнего живи – не тужи (РНК: 285).

3. Отражение связи праздников с природными явлениями.

Памятные дни святых часто коррелируются с ключевыми природными явлениями, фиксируя сезонные переходы в народном календаре:

На Николин день прилетают кукушки и стрижи (РНК: 284); *Кукушке разрешено куковать с Николы Вешнего по Прокотьев день* (РНК: 288); *Соловей и кукушка до Петрова дня кукует* (РНК: 317).

Эти паремии отражают наблюдения за миграцией птиц и их поведением, служа не только экологическим маркером, но и ориентиром для прогнозирования погоды и сроков сельскохозяйственных работ. Интересно, что кукушка как предвестник весны упоминается и в китайской культуре. В пословицах, связанных с 24 сезонами – Гуйю, ее пение также ассоциируется с оптимальным временем для посева: *谷雨到, 布谷叫; 布谷鸟儿叫, 种谷时节到* 'С приходом Гуйю слышен крик кукушки – снова хорошее время для посадки зерна'⁸. Это говорит об универсальности данной паремии.

Как отмечает А. Н. Афанасьев, на протяжении веков крестьяне соотносили наблюдения за погодными условиями с церковными праздниками [1], обобщая накопленный опыт и эмпирические наблюдения в форме паремий. Опираясь на природные приметы, зафиксированные в этих паремиях, они прогнозировали урожай и определяли оптимальное время для посева:

Картошку до Николы не сажают: не вырастет (РНК: 282); *Если ночь на Василия звездная, то летом будет много грибов и ягод* (РНК: 63); *В Егорьев день (примечают) – если теплый, то лето хорошее, урожайное* (РНК: 143).

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПАРЕМИЙ: РОЛЬ ПРАЗДНИЧНЫХ ТОРЖЕСТВ В СПЛОЧЕНИИ ОБЩНОСТИ

Особая значимость обрядов и их торжественное исполнение способствовали формированию праздников, включающих «сложные ритуальные комплексы»⁹. Их структура состояла из нескольких элементов, среди которых центральное место занимали народные гуляния. Через установленные обряды, традиции и празднования дни памяти святых передают национальную культуру, укрепляют сплоченность общества, формируя идентичность.

Многие святые праздники включают в себя различные элементы: а) ритуалы очищения и молитвы о благополучии, выражающие веру в природные и сверхъестественные силы: *В день Ивана-Купалы костер жгли. Ставили шест высокий, наверх бочку из-под мазута, а сверху веники – и поджигают* (РНК: 171); б) коллективные развлечения, усиливающие связь внутри сообщества

и чувство принадлежности: *С Егорья хороводы, с Дмитрия посиделки* (РНК: 135); в) религиозные обряды, проходившие вокруг церкви (крестные ходы и коллективные молитвы): *Ходили кругом церкви с иконами, в пятницу-то Ильинску* (РНК: 189); г) социальные запреты регулировали поведение и укрепляли общие ценности: *Ильин день постный, на Ильин день молоко не едят; На Ильин день собак и кошек в избу не пускай (в них может вселиться злой дух)* (РНК: 186); д) гастрономическая символика, усиливающая культурную память народа: *Дороги-те яички ко Христову дню, дорог и сырчик к Петрову дню; В Вельской округе и по Ваге тещи приносят в Петров день на второй год брака сыр в почесть зятям* (РНК: 316). Посредством ритуалов, коллективных практик и символического содержания, воспринимаемого носителями языка, паремии с компонентами-хрононимами функционируют как механизм культурной преемственности, объединяющий религиозное, социальное и природное начала в целостную систему народного быта.

Коллективные обычаи и ритуалы, связанные с праздниками святых и проводимые в эти дни, служили инструментом объединения людей, тогда как брачные обычаи и гадания раскрывали более глубокий пласт социальных отношений – формирование семьи как базовой ячейки общества. Паремии, фиксирующие гадания и обряды на дни почитания святых (Николая Чудотворца, Андрея, Ивана Купалы), являются важным материалом для изучения славянских взглядов на брак. Анализ выявляет следующие аспекты:

1. Праздники святых как важное время для брачных гаданий. В славянской традиции праздники святых считаются ключевыми моментами для гаданий о замужестве: в день святого Николая и Андреев день (13 декабря) девушки гадали, что отражало ожидания людей в отношении брака и их веру в покровительство святых:

Девки загадывают на Николу: Никола-помощник, принеси мне красный кокошник (РНК: 282); *На Екатеринин день и на Андрея гадают* (ПРН: 359).

2. Праздники святых как социальное пространство. Это не только время для личных гаданий, но и важный повод для коллективных празднований. Например, на Ивана Купалу молодые люди собирались в лесу или у реки для участия в ритуалах (прыжки через костер, плетение вен-

ков), что создавало возможность для знакомства и дальнейшего общения:

На Иван-Купала вся молодежь в лес собирается (РНК: 171); *В Иванов день девки ходили венки плели да в речку кидали: куда поплывет – там суженый, остановится – ничего не будет, а потонет – к плохому* (РНК: 178).

3. Праздники святых как временной цикл. Праздники святых также отмечали цикличность активности молодежи, что связано прежде всего с календарным циклом. Например, паремия *С Николы к невестам ворота полы* (РНК: 282) указывает на Николу зимнего как время, подходящее для свадеб, совпадающее с периодом отдыха после полевых работ.

Славянские брачные традиции в большей степени допускали личный выбор и самостоятельный поиск спутника жизни. В китайской традиционной культуре брачные нормы в большей степени определялись семейными договоренностями и социальными устоями. Например, на Праздник фонарей в Китае, несмотря на то, что молодые люди могли знакомиться через традиционные развлечения – разгадывание загадок, решение о браке в основном принималось семьей, как это отражено в пословице *父母之命, 媒妁之言* 'Воля родителей, слово сватов'¹⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Паремии с компонентами-хрононимами являются важным элементом культуры, отражающим историческую память, народные традиции и религиозные представления русского народа. В них запечатлено единство цикла сельскохозяйственных работ, социальных отношений и восприятия природы, отражая мировоззрение славян. Эти выражения выходят за рамки фольклора: как элементы коллективного сознания, они укрепляли сплоченность общества через ритуалы и праздники, обеспечивая культурную преемственность в семье и обществе. Одновременно паремии служат языковым кодом, фиксирующим взаимодействие традиционных верований, религиозных практик и социальных норм.

Таким образом, паремии с компонентами-хрононимами представляют собой не только языковой феномен, но и средство сохранения и передачи памяти народа, особенности его мировоззрения, этностереотипов, ценностей и социальных норм, продолжая играть значимую роль в реконструкции языковой картины мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989.

² Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь: Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. С. 4.

- ³ БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
- ⁴ ПРН – Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. С. 293–294.
- ⁵ РНК – Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с.
- ⁶ Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. М.: ФЛИНТА, 2011. 296 с.
- ⁷ Там же. С. 186.
- ⁸ 中国谚语大全 (上篇) / 温端正等编著. 上海: 上海辞书出版社, 2004. (Большой словарь китайских пословиц: В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. Вэн Д. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2004. С. 74).
- ⁹ Капица Ф. Указ. соч. С. 185.
- ¹⁰ 中国谚语大全 (下篇) / 温端正等编著. 上海: 上海辞书出版社, 2004. (Большой словарь китайских пословиц: В 2 ч. Ч. 2. / Под общ. ред. Вэн Д. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2004. С. 1562).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Т. 1. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 800 с.
2. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284
3. Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 78–86.
4. Кузнецова И. В. Календарная обрядность и устойчивые сравнения // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии: Тез. докл. междунар. конф. Волгоград: Перемена, 1999. С. 153–155.
5. Левкиевская Е. Е. Русские праздники. СПб.; М.: Речь, 2023. 144 с.
6. Ломакина О. В. Православные антропонимы в русской паремиологии: лингвокультурный аспект // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Материалы Междунар. форума русистов. Новозыбков: ООО «Издательство «Аверс», 2018. С. 311–315.
7. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М.: РУДН, 2019. 344 с.
8. Паремиология без границ / Под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.
9. Паремиология на перекрестках языков и культур / Под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.
10. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
11. Семенов Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011. 355 с.
12. Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 600 с.
13. Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 368 с.
14. Толстой Н. И. Язык и культура // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 7–18.
15. Фролова О. Е. Праздник как святость и праздность в русских пословицах // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. М.: Пробел-2000, 2012. С. 77–84.

Поступила в редакцию 13.03.2025; принята к публикации 07.07.2025

Original article

Menglin Gao, Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0009-0007-7122-4836; isgaogao@yandex.com

PAREMIAS WITH CHRONONYM COMPONENTS IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL RUSSIAN FESTIVALS: A LINGUOCULTURAL ANALYSIS

Abstract. The article focuses on paremias containing chrononym components – Orthodox anthroponyms – and their linguocultural features within the context of traditional Russian festivals. The study adopts a linguoaxiological and ethnocultural approach to uncover the cultural information, religious symbolism, and social functions embedded in these paremias. The research material consists of an authorial card index compiled through a comprehensive selection of paremias from authoritative dictionaries and ethnolinguistic sources. Methodologically, the analysis integrates

descriptive, semantic-cultural, and linguoculturological analyses. The findings reveal that paremias with anthroponyms are deeply intertwined with the agricultural cycle, social life, and nature-related cults. They encode folk knowledge about sowing and harvesting periods (as reflected in weather lore) and religious beliefs concerning the patronage of saints, thereby reflecting the worldview and spiritual traditions of Slavic peoples. Playing a significant symbolic role in religious rituals and folk traditions, paremias influence the formation of social relations and moral norms. Furthermore, from the perspective of Chinese linguoculture, Russian paremias highlight perceptions of wedding traditions, contrasting with Chinese festivals that emphasize family hierarchy and social norms, thus underscoring the differences in value orientations and social structures between the two linguacultures. Through classification and contextual analysis, the research identifies changes in the functioning of paremias in modern society, their importance in the process of cultural transmission, and their role in the formation of national identity.

Key words: paremias, chrononyms, orthodox anthroponyms, linguoculturology, agricultural cycle, folk traditions

Acknowledgements. The article was funded by the China Scholarship Council. The author expresses deep gratitude to Prof. O. V. Lomakina, Dr. Sc. (Philology), for her substantial assistance with the research.

For citation: Gao, M. Paremias with chrononym components in the context of traditional Russian festivals: a linguocultural analysis. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):83–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1237

REFERENCES

1. Afanasyev, A. N. Myths, beliefs, and superstitions of the Slavs. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg, 2002. 800 p. (In Russ.)
2. Bredis, M. A., Dimoglo, M. S., Lomakina, O. V. Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2020;11(2):265–284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284 (In Russ.)
3. Komova, D. D., Lomakina, O. V. Vocabulary and discursive directions of reconstruction of the paremiological picture of the world: interpretation (on the material of the Russian language). *I. Yakovlev Chuvas State Pedagogical University Bulletin*. 2019;3(103):78–86. (In Russ.)
4. Kuznetsova, I. V. Calendar rituals and stable comparisons. *Communicative-pragmatic aspects of phraseology: Proceedings of international conference*. Volgograd, 1999. P. 153–155. (In Russ.)
5. Levkievskaya, E. E. Russian holidays. St. Petersburg; Moscow, 2023. 144 p. (In Russ.)
6. Lomakina, O. V. Orthodox anthroponyms in Russian paremiology: a linguocultural aspect. *Communicative positions of the Russian language in the Slavic borderland: bilingualism and interlingual interference: Proceedings of the International Forum of Russologists*. Novozybkov, 2018. P. 311–315. (In Russ.)
7. Lomakina, O. V. Phraseology in texts: functioning and idiostyle. Moscow, 2019. 344 p. (In Russ.)
8. Paremiology without borders. (M. A. Bredis, O. V. Lomakina, Eds.). Moscow, 2020. 244 p. (In Russ.)
9. Paremiology at the crossroads of languages and cultures. (E. E. Ivanov, O. V. Lomakina, Eds.). Moscow, 2021. 246 p. (In Russ.)
10. Permyakov, G. L. Fundamentals of structural paremiology. Moscow, 1988. 236 p. (In Russ.)
11. Semenenko, N. N. Russian paremias: functions, semantics, pragmatics. *Stary Oskol*, 2011. 355 p. (In Russ.)
12. Tolstaya, S. M. The folk calendar of Polesye. Moscow, 2005. 600 p. (In Russ.)
13. Tolstaya, S. M. Semantic categories of the language of culture: Essays on Slavic ethnolinguistics. Moscow, 2010. 368 p. (In Russ.)
14. Tolstoy, N. I. Language and culture. *Slavic ethnolinguistics: theoretical issues*. Moscow, 2013. P. 7–18. (In Russ.)
15. Frolova, O. E. Holidays as holiness and idleness in Russian proverbs. “The old” and “the new” in Slavic and Jewish cultural traditions: *Collection of articles*. Moscow, 2012. P. 77–84. (In Russ.)

Received: 13 March 2025; accepted: 7 July 2025

НИКИТА АНДРЕЕВИЧ МУХИН

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Института иностранных языков имени Мориса Тореза
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Российская Федерация)
muhaniksan@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ПОЛИЖАНРОВОСТИ НА ПЕРЕВОД МЕМУАРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются трудности, возникающие при переводе жанрово сложного текста. Гипотеза исследования заключается в том, что теоретическое описание явления полижанровости, предложенное литературоведами, может служить инструментом переводческого анализа оригинального текста для достижения эквивалентности на максимально возможном уровне. Целью статьи является рассмотрение подобной переводческой ситуации в паре языков английский – русский и сопоставительный анализ с выявлением жанровых закономерностей в тексте оригинала, которые могут приводить к возникновению переводческих ошибок. Материалом исследования послужили мемуары Т. Э. Лоуренса «Seven Pillars of Wisdom» («Семь столпов мудрости») и их перевод на русский язык. Анализируемые фрагменты с присутствующими в них переводческими ошибками были отобраны методом сплошной выборки. Проводится лингвопереводческая экспертиза данных фрагментов и предлагаются варианты, в большей степени отвечающие принципу адекватности перевода. В результате сделаны следующие выводы: отслеживание жанровых границ между фрагментами в составе одного текста позволяет добиваться более качественного перевода; в процессе перевода важно понимать коммуникативные задачи, которые реализует автор, обращаясь к той или иной жанровой форме. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** жанр, полижанровость, мемуары, автобиография, перевод, Т. Э. Лоуренс, «Seven Pillars of Wisdom»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Мухин Н. А. Влияние полижанровости на перевод мемуарных произведений // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 90–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1238

ВВЕДЕНИЕ

Размышляя об особенностях становления писательской личности, Б. М. Храпченко отметил: «Развитие индивидуальных стилей чаще всего предполагает использование разных жанров» [10: 170]. Но возникает вопрос о том, как проявляется обращение автора к разным жанрам. С одной стороны, исследователи могут рассматривать жанровое разнообразие автора на материале ряда его произведений (подобный подход ближе Б. М. Храпченко), как это сделали О. В. Тимашова в статье «Проблема жанра в ранней прозе А. Ф. Писемского» [7] и В. М. Кузурман в диссертационном исследовании «Полижанровость идиостиля как проблема перевода»¹. С другой стороны, это же явление изучается в рамках одного произведения, например в статьях Г. И. Лушниковой и Т. Ю. Осадчей «Контаминация жанровых форм в романе Дж. Франзена “Безгрешность”» [5] и С. В. Фуниковой «Про-

блема полижанровости в “Записках охотника” И. С. Тургенева» [8]. Хотя и в том, и в другом подходе фигурирует обозначение «полижанровость», в рамках данной статьи оно используется сугубо для обозначения свойства произведения, обладающего сложной жанровой природой. Не вдаваясь в подробности исследований по каждому из указанных выше направлений, можно лишь констатировать, что жанровые формы, выбираемые автором для своего творчества, являются важным фактором, влияющим на формирование идиостиля. Однако возможно заметить зависимость между содержательными особенностями произведения и тем, насколько характерна для него полижанровость. Так, при создании произведения, в котором освещается широкий спектр опыта, требуются различные подходы к изложению, что приводит к использованию автором средств разных жанров в отдельных фрагментах текста. В таких случаях более

целесообразным представляется рассмотрение жанровой специфики идиостиля по одному произведению, как в случае текстов, проанализированных С. В. Фуниковой и Г. И. Лушниковой и Т. Ю. Осадчей. Под влиянием сложной жанровой природы произведения особенности идиостиля в рамках одного жанра при его смене могут частично видоизменяться. При этом теоретизируемые особенности могут принимать форму практических трудностей в случае перевода жанрово сложного произведения. Целью статьи является рассмотрение подобной переводческой ситуации в паре языков английский – русский и сопоставительный анализ с выявлением жанровых закономерностей в тексте оригинала, которые могут приводить к возникновению переводческих ошибок. Несмотря на то что само явление полижанровости активно исследуется [3], [4], [6], [9], его влияние на перевод литературных произведений, в особенности мемуаров, остается малоизученным.

АНАЛИЗ ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА

Обратимся к полижанровому произведению Т. Э. Лоуренса «Seven Pillars of Wisdom»² и его переводу на русский язык, выполненному Г. Г. Карпинским³. Опыт, описанный в данных мемуарах, является экзотичным не только для современного русскоязычного читателя, но и для соотечественников и современников Лоуренса (взгляды британцев все еще находились под сильным влиянием ориентализма) [15]. Осознание этого факта приводит Т. Э. Лоуренса к необходимости написания историко-географического обзора в качестве вступления к собственным мемуарам. Ключевым отличием этих

двух частей становится рассматриваемый автором опыт. Так, во вступительной части доминирует опыт общества в целом, охватывающий сотни и тысячи лет, а также крупные регионы и даже континенты. Но в последующих главах фокус резко перемещается на образ самого автора, его индивидуальный опыт, который существует в более сжатых временных (дни, недели, месяцы) и пространственных рамках (отдельные оазисы, города, железнодорожные станции и т. д.). Наша трактовка влияния функционирования времени и пространства в произведении на его жанровую принадлежность в общих чертах схожа с идеей хронотопа у М. М. Бахтина [1]. Переходя к описанию влияния вышеописанных особенностей на идиостиль, можно отметить, что масштабность социального опыта приводит к тому, что чувственное восприятие мира теряет свою актуальность при изложении нарратива. Проследим влияние различных жанров, к которым обращается автор, на особенности идиостиля на примерах из разных фрагментов оригинального текста. Так, в первом случае наблюдается отстраненность повествователя от описываемого: автор рассуждает о географическом детерминизме социальных и политических различий между группами арабов, проживающими в различных условиях. Во втором же повествователь непосредственно включен в объект своего описания, что проявляется, например, в активном использовании личных местоимений первого лица обоих чисел, а также в присутствии в отрывке ряда глаголов чувственного восприятия (*feel, notice, hear*) и глаголов, указывающих на перемещение в пространстве (*leave, press forward, top*).

Сопоставление фрагментов из глав II и XCIV

The origin of these peoples was an academic question; but for the understanding of their revolt their present social and political differences were important, and could only be grasped by looking at their geography. This continent of theirs fell into certain great regions, whose gross physical diversities imposed varying habits on the dwellers in them.

There I left the Indians, because I felt restless, and movement fast in the night might cure my mind. So we pressed forward all the chill darkness, riding for Ödroh. When we topped its rise we noticed gleams of fire to our left: bright flashes went up constantly, it might be from about Jerdun. We drew rein and heard the low boom of explosions: a steady flame appeared, grew greater and divided into two. Perhaps the station was burning.

Важно помнить, что подобная неоднородность оригинального текста может представлять значительную трудность для переводчика, которому следует избегать жанровой контаминации и излишнего сближения двух стилистически отличных отрывков. Для демонстрации возможных переводческих проблем при работе с жанрово сложным произведением проведем сопоставительный анализ отрывков из оригинального текста «Seven Pillars of Wisdom» Т. Э. Лоуренса

и текста перевода под названием «Семь столпов мудрости», выполненного Г. Г. Карпинским.

В отрывке, представленном далее, также относящемся к историко-географическому обзору, внимание привлекает существенный сдвиг значения между оригиналом и переводом, вызванный искаженной передачей двух лексических единиц *manticratic* и *peer*. Первая единица представляет собой гапакс («слово, отмеченное в памятниках данного языка (или, реже, в данном тексте) толь-

ко один раз»⁴). Лексема *manticratic* означает правление членов семьи пророка⁵ и является неологизмом, созданным Т. Э. Лоуренсом от греческих корней, означающих ‘предсказатель’ (μάντις) и ‘власть’ (κράτος) (словообразование с опорой на греческий язык традиционно является широко распространенным методом расширения коммуникативного потенциала в английском языке [2]). При этом в переводе важная характеристика происхождения конкретной группы знати не нашла отражения. Эквивалент второй упомянутой лексической единицы (*peer*) является экзотизмом, поэтому для русскоязычного читателя слово *пэр* в первую очередь выступает как описание британской реалии и лишь во вторую отсылает к идее аристократии. В оригинальном тексте автор использует метафору, основанную на описании «чужое через свое»,

а в тексте перевода та же метафора предстает в виде описания «чужое через чужое». Расхождение между оригиналом и переводом нарушает коммуникативный замысел автора, который заключается в представлении реалии иной культуры с использованием средств, хорошо знакомых целевой аудитории. Для достижения адекватности варианту перевода Г. Г. Карпинского не хватает уточнения о том, что одна из групп арабской политической элиты восходит к пророку. С учетом того что первая часть произведения, имеющая историко-географический характер, важна для понимания последующего нарратива, нам представляется верным отказ от сравнения с британскими пэрами. Исходя из всего вышесказанного, более оправдан следующий вариант перевода: «...к этому аристократическому клану, ведущему родословную от пророка...».

Сопоставление фрагментов оригинала и перевода главы V

The old Ottoman Governments regarded this clan of **manticratic peers** with a mixture of reverence and distrust.

Старые османские правительства относились к этому клану **пэров** со смесью почитания и подозрительности.

В IV главе Т. Э. Лоуренс излагает политическую ситуацию на Ближнем Востоке, используя устоявшиеся способы описания, часть из которых, хотя и являются метафорами, но уже стерлись (*go underground* – ‘уйти в подполье’). При этом для передачи слова *conspiracy*, которое в данном контексте означает ‘группа заговорщиков’, ‘заговорщическая организация’, Г. Г. Карпинский выбирает более экспрессивную

формулировку. В оригинальном тексте Т. Э. Лоуренс, руководствуясь необходимостью передать информацию без создания яркого образа (что характерно для историко-географического обзора), решает отказаться от активного использования изобразительных средств языка. При этом переводчик сближает в экспрессивном плане данный отрывок с остальным текстом за рамками историко-географического обзора.

Сопоставление фрагментов оригинала и перевода главы IV

The Arab societies went underground, and changed from liberal clubs into **conspiracies**.

Арабские общества ушли в подполье, превратившись из либеральных клубов в **очаги заговоров**.

Другой пример того, что текст перевода оказывается более экспрессивен, чем текст оригинала, можно найти в главе V. В словосочетании *were in the grip* Т. Э. Лоуренс использует метафору с целью показать степень контроля, которой обладало турецкое государство над жизнями арабских подданных. В переводе происходит смысловое развитие и сужение образа до хищника, удушающего свою жертву. Хотя и в оригинале, и в переводе присутствуют метафоры для передачи одинакового значения, но они в разной сте-

пени производят эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя. Кроме того, в приведенном ниже отрывке Г. Г. Карпинский также использует метафору для передачи стилистически нейтрального глагола *to disappear*. Избыточная экспрессивность противоречит историко-географической доминанте, которую можно наблюдать в контексте этого отрывка (изложение информации, необходимой для понимания стратегических обстоятельств арабского восстания).

Сопоставление фрагментов оригинала и перевода главы V

The Arab peasantry **were in the grip** of Turkish military service, and Syria prostrate before the merciless Jemal Pasha. His assets had **disappeared**.

Арабское крестьянство **задыхалось в когтях** турецкой воинской повинности, и Сирия оказалась распростертой перед беспощадным Джемалем-пашой. Возможности **испарились**.

Смена жанровой доминанты наблюдается не только во вступительной части «Seven Pillars of Wisdom», но и в других случаях, когда Т. Э. Лоуренсу требуется дать краткую справку о той или иной чуждой британцам реалии, которая тем не менее важна для понимания последующего нарратива. Подобный жанровый сдвиг, как, например, в главе LIX, может приводить к возникновению в переводе метафор, вступающих в конфликт с информативной сутью отрывка. Так, слова *harbour* и *college* в переводе приобретают метафорическое значение, что ведет к изменению семантики предложения в целом. Под американским колледжем в тексте оригина-

нала имеется в виду буквально Сирийский Протестантский Колледж, образовательное учреждение, основанное американской образовательной организацией «American Board of Commissioners for Foreign Missions» в середине XIX века и действующее до сих пор под названием Американского университета Бейрута [14]. Под *Greek harbour* имеются в виду прилегающие к заливу Святого Георгия восточные районы города, где до исхода в результате гражданской войны 70-х годов компактно проживало греческое население. Подобная черта данного района прослеживается и сейчас по большому количеству греческих церквей⁶.

Сопоставление фрагментов оригинала и перевода главы LIX

Beyrout was altogether new. It would have been bastard French in feeling as in language but for its **Greek harbour and American college**.

Бейрут был совершенно новым городом, французским по духу и языку, но вместе с тем **пристанищем и американским колледжем для греков**.

Кроме того, взаимодействие не обязательно сводится только к генетически отдаленным жанрам. Так, в «Seven Pillars of Wisdom» можно отметить перемещение условно выделяемых жанров мемуаров и автобиографии. Условность данного обозначения связана с тем, что на текущий момент среди исследователей нет единого мнения о природе данных жанров и характере различий между ними [17]. Тем не менее ряд исследователей в качестве наиболее значимого дифференциального признака приводит различность фокуса повествования (на личности автора в автобиографии и на внешних событиях в мемуарах) [11], [12], [13], [16]. В тексте Т. Э. Лоуренса встречаются фрагменты, которые можно отнести к той или иной жанровой категории, что проявляется в особенностях употребления личных местоимений. Так, в значительной части текста соседствуют личные местоимения первого лица единственного

и множественного числа. При этом формы *I* и *me* (1928 и 928 использований соответственно) встречаются в тексте реже, чем *we* и *us* (3118 и 1166 соответственно). Подобная особенность связана с тем, что в большинстве случаев повествование ведется во многом от лица либо британской армии, кадровым офицером которой был Т. Э. Лоуренс, либо группы арабских воинов, одним из командиров которых являлся он же. Лишь в одной главе – СIII – соседство двух личных местоимений и доминирование множественного числа нарушается. В ней автор, вспоминая о своем тридцатом дне рождения, переходит от описания боевых действий и сопутствующих им событий к анализу собственной личности, глубокому погружению в нее. В переводе столь резкое изменение смысловой доминанты также отражается, однако одновременно возрастает число опущенных фрагментов оригинального текста и искажений смысла.

Сопоставление фрагментов оригинала и перевода главы СIII

Such temporal dignities (if I survived the next four weeks) were now in my grasp – only that my sense of the falsity of the Arab position had cured me of crude ambition: **while it left me my craving for good repute among men**.

This craving made me profoundly suspect my truthfulness to myself. Only too good an actor could so impress his favourable opinion. Here were the Arabs believing me, Allenby and Clayton trusting me, my bodyguard dying for me; and I began to wonder if all established reputations were founded, like mine, on fraud.

Эти желания были теперь в пределах досягаемости (если я проживу еще четыре недели) – только фальшь, которую я чувствовал по отношению к арабам, излечивала меня от грубой амбициозности.

Рядом со мной были верившие мне арабы, мне доверяли Алленби и Клейтон, за меня умирали мои телохранители, и я начинал задумываться над тем, не основаны ли все завоеванные репутации, в том числе и моя, на обмане.

Рассмотрим, какие именно аспекты анализируемого фрагмента оригинального текста были искажены в переводе. В первую очередь, внимание привлекает двойная глагольная метафора *picked up – laid down*, позволяющая рассматри-

вать взаимодействие с идеей как взаимодействие с физическим объектом, который можно сперва взять в руки, а затем положить обратно. Вероятно, Г. Г. Карпинский не рассматривал эти глаголы как элементы одной метафоры, и это привело

к тому, что в переводе у лексической единицы *pick up* передано переносное значение, а передача *lay down* была заменена на смысловое развитие предшествующего фрагмента. Кроме того, при передаче фразового глагола *dally with* переводчик словно бы ориентировался на собственное восприятие автора, нежели на лексическое

значение: «to do or think about (something) in a way that is not serious»⁷. Таким образом, более адекватным представляется следующий перевод: «За многое я брался, с этим игрался, пристально рассматривал и откладывал в сторону, потому что убежденности в своих действиях у меня не было».

Сопоставление фрагментов оригинала и перевода главы СIII

Many things I had **picked up**, **dallied with**, regarded, and **laid down**; for the conviction of doing was not in me.

Я многое понимал, многое недооценивал, многое пристально рассматривал и принимал как таковое, потому что убежденности в своих действиях у меня не было.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, сопоставительный анализ оригинального текста и перевода в паре языков английский – русский на материале книги «Seven Pillars of Wisdom» в переводе Г. Г. Карпинского позволил выявить, что при работе над переводом произведения важно учитывать его возможную жан-

ровую неоднородность и связанные с этим изменения в идиостиле автора для достижения наибольшей эквивалентности. Для получения адекватного перевода особое внимание следует обращать на коммуникативные цели, которые преследовал автор при написании того или иного отрывка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кузурман В. М. Полижанровость идиостиля как проблема перевода: На материале переводов прозы, поэзии, драматургии и публицистики Вольфганга Борхерта на русский язык: Дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2004. 253 с.
- ² Lawrence T. E. Seven pillars of wisdom: a triumph. London: Jonathan Cape. Penguin Books, 1962. 700 p.
- ³ Лоуренс Т. Э. Семь столпов мудрости: [Пер. с англ. Г. Карпинского]. М.: КоЛибри, 2015. 666 с.
- ⁴ Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/etymology_terms/96/Гапакс (дата обращения 08.01.2025).
- ⁵ The weird world of the hapax legomenon [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20220601202346/https://www.spectator.co.uk/article/the-weird-world-of-the-hapax-legomenon/amp> (дата обращения 08.01.2025).
- ⁶ Православные храмы Бейрута [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ros-vos.net/palomnik/livan/1/5/> (дата обращения 08.01.2025).
- ⁷ Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/dally%20with> (дата обращения 08.01.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Жаркова Е. М., Дмитриева Т. А. Греческие заимствования в современных европейских языках (на материале современного английского и современного французского языков) // Вестник Приазовского государственного технического университета. Серия: Технические науки. 1997. № 4. С. 112–114.
3. Карслиева Д. К. Полижанровость романа Йена Макьюэна «Черные псы» // От текста к печатному изданию: проблемы филологического анализа и редакторской подготовки: Материалы III Регион. науч.-практ. семинара. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2014. С. 24.
4. Корниенко Е. Р. Полижанровость в журналистском дискурсе Н. И. Новикова // Культура в зеркале языка и литературы: Материалы Восьмой Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2020. С. 255–262.
5. Лушников Г. И., Осадчая Т. Ю. Контаминация жанровых форм в романе Дж. Франзена «Безгрешность» // Филология и человек. 2020. № 3. С. 98–110.
6. Сударева В. С. Полижанровость романа Д. Кельмана «Die vermessung der Welt» // LXX молодежная науч. конф., посвящ. 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и 100-летию со дня рождения В. П. Лукачева. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2020. С. 293–294.
7. Тимашова О. В. Проблема жанра в ранней прозе А. Ф. Писемского // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 152–156. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-152-156
8. Фуникова С. В. Проблема полижанровости в «Записках охотника» И. С. Тургенева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). С. 176–179.

9. Хорешок П. В. Реализация полижанровости в романе Дэвида Митчелла «Облачный атлас» // Филология, иностранные языки и медиакommunikации: Материалы симпозиума XV (XLVII) Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию Кемеровского гос. ун-та. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2020. С. 409–412.
10. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М.: Сов. писатель, 1975. 408 с.
11. Цзяо В. Автобиография как литературное жанровое образование: природа, разновидности и современные модификации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 3 (180). С. 49–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.308
12. Шайтанов И. О. Как было и как вспомнилось (современная автобиографическая и мемуарная проза). М.: Знание, 1981. 64 с.
13. Эль-Гамри М. А., Габалла М. А. Автобиографическое начало и герой-повествователь в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2018. № 4. С. 375–383. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-4-375-383
14. Dodge B. The American University of Beirut: a brief history of the university and the lands which it serves. Beirut: Khayat's, 1958. 127 p.
15. Naser Hussain A., Qanood Jabir H., Kadhoun Jawad N. The inevitable otherness behind the mask in T. E. Lawrence's *Seven Pillars of Wisdom* // International Journal of Arabic-English Studies. 2021. № 21 (2). P. 217–236. DOI: 10.33806/ijaes2000.21.2.12
16. Jay P. Being in the text: self-representation from Wordsworth to Roland Barthes. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1984. 189 p.
17. Rak J. Are memoirs autobiography? A consideration of genre and public identity // Genre. 2004. Vol. 37, № 3–4. P. 483–504.

Поступила в редакцию 16.01.2025; принята к публикации 02.06.2025

Original article

Nikita A. Mukhin, Postgraduate Student, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
muhaniksan@gmail.com

INFLUENCE OF POLYGENRE NATURE ON TRANSLATION OF MEMOIRS

Abstract. The article investigates the challenges encountered in translating texts characterized by genre heterogeneity. The hypothesis is that the theoretical description of the polygenre phenomenon proposed by literary scholars can serve as a valuable tool for translation analysis of the source text to achieve the highest possible level of equivalence. The study aims to examine such a translation situation within the English-Russian language pair and to conduct a comparative analysis to identify genre patterns in the source text that may lead to translation errors. The material for the analysis was derived from T. E. Lawrence's memoir *Seven Pillars of Wisdom* and its Russian translation. Excerpts containing translation errors were selected through continuous sampling. A linguistic and translational evaluation was performed on these fragments, and alternative translations that better adhere to the principle of translation adequacy were proposed. The findings suggest that delineating genre boundaries between different segments of the same text enhances translation quality. Additionally, in the process of translation, it is important to understand the communicative tasks that the author aims to fulfill by using specific genre forms.

Key words: genre, polygenre, memoirs, autobiography, translation, T. E. Lawrence, *Seven Pillars of Wisdom*

For citation: Mukhin, N. A. Influence of polygenre nature on translation of memoirs. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):90–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1238

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. Questions of literature and aesthetics: studies of different years. Moscow, 1975. 504 p. (In Russ.)
2. Zharkova, E. M., Dmitrieva, T. A. Greek borrowings in modern European languages (a case study of modern English and French). *Bulletin of Priazovskyi State Technical University*. Series: Technical Sciences. 1997;4:112–114. (In Russ.)
3. Karslieva, D. K. The polygenre nature of Ian McEwan's novel *Black Dogs*. *From text to print: problems of philological analysis and editorial preparation: Proceedings of the III regional scientific and practical seminar*. Volgograd, 2014. P. 24. (In Russ.)
4. Kornienko, E. R. Polygenre phenomenon in N. I. Novikov's journalistic discourse. *Culture in the mirror of language and literature: Proceedings of the VIII international research conference*. Tambov, 2020. P. 255–262. (In Russ.)

5. Lushnikova, G. O., Osadchaya, T. Yu. Contamination of genre forms in the novel *Purity* by J. Franzen. *Philology & Human*. 2020;3:98–110. (In Russ.)
6. Sudareva, V. S. The polygenre nature of Daniel Kehlmann's novel *Die vermessung der Welt*. The LXX Youth Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War and V. P. Lukachev's 100th Anniversary. Samara, 2020. P. 293–294. (In Russ.)
7. Timashova, O. V. Problems of genre in the A. F. Pisemsky's prose early period. *Speech Genres*. 2018;2(18):152–156. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-152-156 (In Russ.)
8. Funikova, S. V. Problem of poly-genre nature in "The Hunting Sketches" by I. S. Turgenev. *Philology. Theory & Practice*. 2015;3(45):176–179. (In Russ.)
9. Khoreshok, P. V. The realisation of polygenre phenomenon in David Mitchell's novel *Cloud Atlas*. *Philology, foreign languages, and media communications: Proceedings of the Symposium of the XV (XLVII) International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 45th Anniversary of Kemerovo State University*. Kemerovo, 2020. P. 409–412. (In Russ.)
10. Khrapchenko, M. B. The creative personality of the writer and the development of literature. Moscow, 1975. 408 c. (In Russ.)
11. Wang, Jiao. Autobiography as a literary genre: essences, varieties and modern modifications. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;3(180):49–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.308 (In Russ.)
12. Shaytanov, I. O. How it was and how it was recollected (modern autobiographical prose and memoirs). Moscow, 1981. 64 p. (In Russ.)
13. El Ghamry, M. A., Gab Allah, M. A. Autobiographical elements and narrator-protagonist in the novel of Gaito Gazdanov "An Evening with Claire". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2018;23(4):375–383. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-4-375-383 (In Russ.)
14. Dodge, B. The American University of Beirut: a brief history of the university and the lands which it serves. Beirut, 1958. 127 p.
15. Naser, Hussain A., Qanood, Jabir H., Kadhoum, Jawad N. The inevitable otherness behind the mask in T. E. Lawrence's *Seven Pillars of Wisdom*. *International Journal of Arabic-English Studies*. 2021;21(2):217–236. DOI: 10.33806/ijaes2000.21.2.12
16. Jay, P. Being in the text: self-representation from Wordsworth to Roland Barthes. Ithaca, 1984. 189 p.
17. Rak, J. Are memoirs autobiography? A consideration of genre and public identity. *Genre*. 2004;37(3–4): 483–504.

Received: 16 January 2025; accepted: 2 June 2025

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, главный научный
сотрудник Отдела русского фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Россий-
ской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

КНИЖНО-РУКОПИСНОЕ СОБРАНИЕ ОЛОНЕЦКОГО ЕСТЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО И ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А н н о т а ц и я . Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей, к которому возводит свою историю современный Национальный музей Республики Карелия, был открыт в Петрозаводске при Олонецком губернском статистическом комитете в 1871 году. Программой музея, XI и XII ее отделами, было предусмотрено собирание старинных рукописей и книг. В задачи статьи входит изучение состава и формирования первой книжно-рукописной коллекции музея и истории отдельных рукописей, оказавшихся в разные годы в других хранилищах. Сведения о книгах и рукописях извлекаются из опубликованных музейных каталогов и описаний 1876–1918 годов, публикаций в «Олонецких губернских ведомостях» и архивных источников. К настоящему времени удалось разыскать 38 рукописей из ранней коллекции Олонецкого музея, хранящихся сейчас в Библиотеке Российской академии наук, Научном архиве Карельского научного центра Российской академии наук и в других учреждениях. Представлены некоторые ценные рукописи, сохранившиеся до наших дней: Олонецкий сборник заговоров XVII века, грамоты-свитки XVII – начала XVIII века, Палеостровская азбука 1717 года, благодарственные письма старообрядцев XIX века и другие. Сведения о всех разысканных рукописях систематизированы в публикуемой в конце статьи таблице. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения и сохранения книжно-рукописного наследия страны, являющегося важной частью ее национального достояния.

К л ю ч е в ы е с л о в а : книжно-рукописное наследие, археография, старообрядчество, Олонецкий музей, Библиотека Российской академии наук, В. И. Срезневский

Б л а г о д а р н о с т и . Автор благодарит хранителя фонда письменных источников НМРК Д. А. Проца за предоставление необходимой музейной документации, а также краеведа Т. А. Мошину и сотрудников НА КарНЦ РАН Ю. А. Новикову и Н. Д. Манцыреву за помощь в разыскании рукописей из бывшего Олонецкого музея и сведений о них.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пигин А. В. Книжно-рукописное собрание Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 97–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1239

ВВЕДЕНИЕ

В 2021 году в Национальном музее Республики Карелия (далее – НМРК) была организована выставка под названием «Первые предметы». Она была приурочена к 150-летию юбилею НМРК, который возводит свою историю к Олонецкому естественно-промышленному и историко-этнографическому музею (далее – Олонецкий музей), созданному в Петрозаводске в 1871 году при Олонецком губернском статистическом комитете по инициативе губернатора Г. Г. Григорьева. На выставке были представлены предметы из первых коллекций му-

зея последней трети XIX века, сохранившиеся в НМРК до наших дней. Но рукописи и книги из коллекции Олонецкого музея не экспонировались, потому что в фонде письменных источников НМРК их нет.

Цель статьи заключается в том, чтобы кратко представить эту первую книжную коллекцию музея и поделиться результатами разысканий о современном местонахождении некоторых рукописей. Исследование выполнено в связи с подготовкой каталога рукописей и книг кириллической печати НМРК. Несмотря на то что в современном собрании музея нет книг из ранних коллекций,

изучение истории фонда является, как представляется, обязательным условием для составления полноценного каталога.

* * *

В соответствии с программой деятельности Олонецкого музея собирание и изучение рукописей было предусмотрено XI («Раскольниковские рукописи, книги, иконы, картины, рукоделия») и XII («Исторический отдел») отделами¹. Основными источниками сведений о коллекциях музея служат каталоги и описания музейных предметов А. И. Иванова (1876), Ф. С. Шелюкова (1884; 1889) и Л. Шабельниковой² (1918). Каталог А. И. Иванова сообщает о наличии в музее 29 рукописей и книг, каталог Ф. С. Шелюкова 1889 года – 79. Брошюра Л. Шабельниковой содержит лишь краткий обзор музейных предметов и полноценного представления о книжной коллекции не дает. В 1877 году несколько рукописей музея описал А. Е. Викторов, это описание было опубликовано уже после его смерти в 1890 году³.

Состав коллекции в 1870–1880-е годы постоянно менялся: она пополнялась благодаря новым приобретениям, но при этом происходили и утраты. Далеко не все рукописи и книги, описанные в каталоге 1876 года, указаны в каталогах 1884 и 1889 годов. В 1877 году А. Е. Викторов описал 16 рукописей музея, из них в каталогах Ф. С. Шелюкова приводятся сведения только о пяти. Семь рукописей музея, как было отмечено в записной книжке А. Е. Викторова, находились «у отца миссионера Машеозерского»⁴, то есть, вероятно, были взяты им из музея для каких-то целей и обратно в музей не возвращены, поскольку больше в каталоги не включались. Насколько можно судить по обзору Л. Шабельниковой, в 1918 году состав коллекции существенно изменился по сравнению с концом XIX века.

Описание рукописей в указанных каталогах за редким исключением краткое и не лишенное ошибок, что затрудняет поиск книг в современных хранилищах. В описании нотированных певческих богослужебных рукописей зачастую отсутствуют сведения об их содержании, количестве листов и времени написания; рукописный «Устав церковный» был ошибочно внесен в каталоги Ф. С. Шелюкова как «Служебник». Но при этом в каталогах А. И. Иванова и Ф. С. Шелюкова указывался источник поступления рукописей в музей. Книги принимались от частных лиц, среди которых были губернатор Г. Г. Григорьев, действительные члены статистического комитета Н. Е. Артемов, С. Елпидинский, А. И. Иванов, К. М. Петров, П. П. Петров,

П. П. Покровский, С. А. Приклонский, И. И. Соколов, Н. И. Чаплинский, учитель Петрозаводского духовного училища Л. Л. Малиновский, купцы В. Л. Базегский, М. Н. Смирнов, священники С. П. Партанский, А. Светлов, И. Дикаревский, И. Соколов, дьякон З. Надежин, служащий в Обществе спасения на водах А. И. Лер, крестьяне И. Яроев, К. Найденев, Д. Шапкин и другие лица.

Сведения о вновь поступающих в музей предметах, в том числе о книгах, публиковались в «Олонецких губернских ведомостях» в разделе «Приношения в Олонецкий музей» [2], фиксировались в официальных документах Олонецкого статистического комитета⁵. В 1908 и 1909 годах в Петрозаводском, Пудожском, Каргопольском и Вытегорском уездах действительный член губернского статистического комитета историк Н. С. Шайжин приобрел 46 рукописей, о чем сообщалось в его отчетах, также опубликованных в «Олонецких губернских ведомостях»⁶. Рукописные книги поступали и в библиотеку «Общества изучения Олонецкой губернии», в ведение которого с 1914 года перешел музей⁷.

К настоящему времени удалось установить местонахождение 38 рукописей из коллекции Олонецкого музея. Двадцать рукописей хранятся в Отделе рукописей БАН в Санкт-Петербурге; 13 рукописей-свитков и одна рукописная книга – в НА КарНЦ РАН; два рукописных кодекса – в НА РК; два старообрядческих письма – в Отделе редких книг НБ ПетрГУ.

Книги из музейной коллекции легко распознаются по двум наклейкам, которые имеются на большинстве из них: одна на корешке – с номером и кратким названием, другая на крышке переплета. Наклейки на крышке переплета встречаются трех видов: 1) с орнаментированной рамкой, словами «Отдел», «Разряд» и «№» – в эту печатную форму от руки вписывалось название книги; 2) с вырезкой о книге из «Олонецких губернских ведомостей» (из раздела «Приношения в Олонецкий музей»); отдел, разряд и номер записаны на таких наклейках от руки в верхней части; 3) с кратким описанием книги, заимствованным из каталога Ф. С. Шелюкова 1884 или 1889 года. Номера отдела и разряда соответствуют описаниям в каталогах А. И. Иванова и Ф. С. Шелюкова 1884 года, но порядковые номера, как правило, не совпадают. Нумерация рукописей менялась, вероятно, в связи с новыми приобретениями и утратами.

При каких обстоятельствах и когда рукописи оказались в перечисленных хранилищах? В 1903 году в Петрозаводске и Заонежье побывал В. И. Срезневский, хранитель Отделения славянских рукописей БАН. Главная цель его поездки

«заклучалась в приобретении рукописей и старопечатных книг для Библиотеки Академии наук»⁸. В этом деле он весьма преуспел, поскольку собрал для библиотеки «более 240 рукописей XV–XIX вв., 30 старопечатных книг и книг церковной печати, одно издание времени Петра Великого и четыре лубочных издания XVIII и XIX в.»⁹. Получил он книги и из Олонецкого музея, о чем сообщил в своем отчете:

«Важную услугу библиотеке <...> оказал олонецкий губернатор Н. В. Протасьев; благодаря ему библиотека обогатилась более чем 20-ю рукописями, хранившимися при местном губерньском комитете»¹⁰.

В фонде Олонецкого губернского статистического комитета (ф. 27) в НА РК сохранились материалы, связанные с этой передачей книг¹¹.

4 июня 1903 года В. И. Срезневский обратился к олонецкому губернатору Н. В. Протасеву с письмом следующего содержания:

«Ваше Превосходительство, милостивый государь
Николай Васильевич!

Библиотека императорской Академии наук имеет одной из своих целей всячески содействовать лицам, изучающим старину, в их трудах над ее обработкой. Широко дозволяя пользоваться принадлежащими ей сокровищами, библиотека вместе с тем через свои ходатайства старается облегчить доступ и к тому, что находится вне ее ведения. Эта цель библиотеки позволяет мне обратиться к Вашему Превосходительству с ходатайством оказать ей Ваше просвещенное содействие разрешением предоставить в распоряжение Академии наук некоторые из рукописей губернского статистического комитета, не имеющих отношения к Олонецкому краю, но при известной обработке могущих дать полезные вклады в общерусскую науку. Все имеющее литературное или историческое значение в сличении с другими подобными памятниками будет напечатано Академией наук в одном из изданий. Смею надеяться, что ходатайство мое не будет оставлено Вашим Превосходительством без внимания. Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в моем совершенном почтении.

Ваш покорный слуга
Ученый хранитель рукописей Академии наук
В. Срезневский»¹².

Н. В. Протасев поручил секретарю статистического комитета и руководителю музея И. И. Благовещенскому «установить, какие именно документы могут быть переданы в Академию наук»¹³. И. И. Благовещенский составил список из 20 рукописей, одной печатной книги (Азбука, нач. XIX века) и одного лубочного издания («Сказка о Иване богатыре крестьянском сыне», нач. XIX века), которые уже в июле 1903 года были получены библиотекой¹⁴.

Рукописи и издания из Олонецкого музея вошли в Основное собрание рукописей БАН (В. И. Срезневский называл эту часть «Север-

ным» собранием) и были подробно описаны В. И. Срезневским в его образцовом каталоге 1913 года¹⁵.

Среди переданных из Петрозаводска в БАН в 1903 году рукописей наиболее известной в науке является Олонецкий сборник заговоров 2-й четв. XVII века (БАН, 21.9.10). Рукопись отмечена уже в каталоге 1876 года, то есть входит в число самых первых предметов музея. В музей сборник передал учитель Петрозаводского духовного училища Л. Л. Малиновский; в 1876 году он опубликовал 63 текста из него¹⁶, по-видимому, хорошо осознавая его ценность. Сборник включает около 130 заговоров, в том числе карельско-вепсских, предназначенных для избавления от различных болезней или для их предотвращения (заговоры-обереги), для регулирования социальных и межличностных отношений, для решения хозяйственных проблем. Олонецкий сборник неоднократно был исследован фольклористами, этнографами и лингвистами. По мнению А. Л. Топоркова, которому принадлежат одно из последних комплексных исследований сборника и научная публикация его текста, этот памятник

«не имеет себе равных по количеству и разнообразию включенных в него текстов, сочетанию текстов книжного и фольклорного происхождения, наличию в его составе карельско-вепсских заговоров, подробно описанию обрядов, большому количеству “черных” заговоров, художественной или риторической проработке ряда текстов» [13: 85].

Олонецкий сборник заговоров –

«уникальный источник для реконструкции русской устной и рукописной традиции, обрядов и верований XVII в.», «выдающийся памятник отечественной словесности 2-й четверти XVII в.» [13: 85].

Кроме Олонецкого сборника заговоров, в БАН были переданы Четвероевангелие и Устав церковный XVI века, Александрия сербской редакции, Летописец Соловецкий, сборники исторического и литературного содержания, богослужебные поздние рукописи, происходящие из Выго-Лексинского монастыря. Памятники старообрядческой письменности представлены, например, одним из торжественных слов Андрея Борисова, Повестью о Иоанне Вонифантьевиче Кольском, старообрядческим синодиком и др.

Не удалось разыскать пока два печатных издания, упомянутых выше: Азбуку (15.4.26, по каталогу В. И. Срезневского) и «Сказку о Иване богатыре крестьянском сыне» (15.4.29). Согласно шкафной описи старопечатных книг (шкаф № 15) БАН, материалы были переданы из рукописного отделения в хранилище («магазин») 15 апреля 1932 года, дальнейшая их судьба остается неизвестной¹⁷.

Какая-то часть книг осталась в музее, в БАН передана не была. По крайней мере две из них можно назвать: Житие Александра Свирского (в списке 1737 года) и «Алфавит духовный» Исаяи (Копинского) (2-я пол. XVIII века). Обе рукописи отмечены в каталогах Ф. С. Шелюкова 1884 и 1889 годов, но не вошли в список книг, предназначенных для БАН. Житие Александра Свирского решили сохранить в музее, скорее всего, по той причине, что оно связано с историей Олонецкого края. Отсутствие другой рукописи в списке для БАН объяснить труднее; возможно, в период пребывания В. И. Срезневского в Петрозаводске она находилась за пределами музея. В настоящее время эти две рукописи хранятся в НА РК (Ф. 889. Оп. 1. № 32 (29), 61 (57))¹⁸. Книжно-рукописный фонд Олонецкого музея после визита В. И. Срезневского сильно обеднел, но если бы книги остались в Петрозаводске, скорее всего, они погибли бы в годы Великой Отечественной войны.

С небольшими утратами сохранилась до наших дней коллекция рукописных свитков XVII–XVIII веков, поступившая в Олонецкий музей в 1878 году от служащего Общества спасения на водах А. И. Лера. В каталогах Ф. С. Шелюкова описаны 15 свитков второй половины XVII – начала XVIII века, к настоящему времени обнаружены 13 из них¹⁹ – все они хранятся в НА КарНЦ РАН. Основу этой подборки составляют грамоты и «памяти» по указам новгородских митрополитов Корнилия (1675, 1679, 1682, 1688 годы), Евфимия (1695, 1696 годы) и Иова (1699, 1799 годы), царей Алексея Михайловича (1661 год), Иоанна и Петра Алексеевичей (1686, 1690 годы) в Каргопольский и Важский уезды, в Ялгубу и Антониев Сийский монастырь. Имеются также документы, связанные с Ростовской митрополией. Среди документов – грамоты и памяти о молении Бога от нашествия врагов и о победе над турками при царе Феодоре Алексеевиче (1678 год), о молении в церквях о победе царя Петра Алексеевича в Азовском походе (1696 год), о поимке бежавшего из Москвы Григория Васильева, торговавшего в Москве рукописными книгами (1700 год), настольная грамота митрополита Иова строителю Елгомской пустыни Каргопольского уезда Моисею (1699 год) [10] и т. д.

Кроме исторических документов, в коллекцию свитков НА КарНЦ РАН входит Палеостровская азбука, составленная монахом Иоасафом в 1717 году, о чем сообщает его собственноручная запись: «Лета от Рождества Христова 1717. Написана бысть в Палеостровском монастыре рукою инока Иоасафа». Азбука поступила в Олонецкий музей в 1878 году вместе с другими свитками от А. И. Лера. Памятник принадлежит к жан-

ру толковых азбук; тексты азбук часто записывались на свитках, достигающих в длину девяти-десяти метров, а их содержание составляют «душеполезные» сочинения, в которых каждое новое предложение начинается с очередной буквы алфавита. Многие азбуки являются образцами каллиграфической скорописи XVII–XVIII веков [6], [12].

Палеостровская азбука представляет собой свиток, разворачивающийся почти на шесть метров. Она составлена в форме поучения опытного мудрого человека к «юноше», еще только вступающему в жизнь, о пользе учения. По всей видимости, Иоасаф написал эту азбуку для кого-то из мирян, проживавших в расположенном неподалеку старинном с. Толвуя: в 1724 году она принадлежала, согласно владельческим записям, жителю Толвуйского погоста Семену Семенову Колмакову [9], [14].

Коллекция свитков хранилась в Олонецком музее (после революции 1917 года название музея неоднократно менялось) до 1948 года, когда вместе с другими историческими документами была передана «на временное хранение для изучения в архив Карельского филиала АН СССР»²⁰, откуда в музей обратно не вернулась. Сохранилось свидетельство о том, что в Карельский филиал АН СССР рукописи из музея перенес В. И. Малышев. В письме к нему от 16 декабря 1960 года Т. В. Старостина писала:

«Зная, что фактически спасли коллекцию документов XVII–XVIII вв. Вы (притащив в мешке из музея в Институт ЯЛИ), посылаю Вам бандеролью обзор описанной части этой коллекции» [11: 236]²¹.

Посвятив в упомянутом «обзоре» свиткам XVII–XVIII веков всего несколько строк, Т. В. Старостина отметила, что происхождение коллекции актов XVII–XVIII веков, хранящихся в архиве Карельского филиала АН СССР, остается неизвестным: «По всей вероятности, она – результат собирательской деятельности или отдельного ученого, или учреждения» [15: 87]²².

Размышлений о том, как причудливо складываются порой судьбы некоторых рукописей, добавляют два старообрядческих благодарственных письма XIX века, хранящихся в наши дни в НБ ПетрГУ. Одно из них было составлено в Выго-Лексинском общежительстве 10 ноября 1819 года и предназначалось для петрозаводского купца Харлампия Петровича Костина – оно подписано выговским настоятелем Кириллом Михайловым (был настоятелем в 1809–1825 годах) и другими выговцами. Другое, более краткое письмо написано в Тявтезерском ските в середине – второй половине XIX века и адресова-

но некоему Григорию Тимофеевичу Селезеву. В обоих письмах старообрядцы благодарят своих благодетелей за присланную им милостыню: за 15 кулей муки, пять кулей гороха и пять кулей пшена – в письме с Выга и за «три целковых» – в письме из Тявтезерского скита. Эти письма, вместе с еще одним, несохранившимся письмом 1813 года, были отмечены в каталоге А. И. Иванова 1876 года как дар музею действительно члена статистического комитета историка С. А. Приклонского. Дальнейшие следы писем теряются, поскольку в описании А. Е. Викторова и в изданиях Ф. С. Шелюкова и Л. Шабельниковой они не указаны.

В 2001 году эти письма в числе других материалов по истории олонцкого старообрядчества были переданы в Петрозаводский университет из Санкт-Петербурга; они были найдены школьниками на одной из городских свалок [7: 67]. Поскольку среди этих бумаг находился и титульный лист папки с названием «Материалы Олонцкого губернского статистического комитета», нет никаких сомнений в том, что в 2001 году в Петрозаводск вернулись предметы из самых первых поступлений в Олонецкий музей – два письма из тех трех, которые были указаны в каталоге музея 1876 года.

Письма уже были исследованы и опубликованы [8: 43–47, 153–154], но в настоящее время об одном из них – о выговском письме 1819 года может быть приведена новая информация. Как установила Е. М. Юхименко, письмо написано полууставным почерком, принадлежащим лексинской грамотнице Акилине Ивановой – свое имя она называет в одном из написанных ею писем [5: 55–56]. При выговском настоятеле Кирилле Михайлове (в 1809–1825 годах) она занималась перепиской писем, которые отправлялись за его подписью. Ее почерк встречается и в литературных сборниках выговского происхождения. Так, в сборнике из фонда письменных источников НМРК (из коллекции А. Д. Синявского) КГМ-79413 ее рукой переписаны «Слово от Патерика о плачи» (л. 203 об.–204 об.) и анонимное федосеевское послание к некоему К. Г. (л. 416–431 об.) [5: 55–56].

Обнаруженные в разных хранилищах 38 рукописей из собрания Олонецкого музея составляют, вероятно, третью или четвертую часть от общего количества рукописей, хранившихся в музее со времен его создания до послереволюционных преобразований. Среди неразысканных рукописей – два пергаменных листа XII–XIII веков со службами на двенадцатые праздники, Пролог (май – август) XIV–XV веков, сборник XIV–XV веков с произведениями Серапиона Владимирского и Кирилла Туровского, Еванге-

лие XV века, несколько певческих нотированных сборников, Псалтыри выговского письма, сборники литературного содержания, включающие жития Варлаама Хутынского, Александра Свирского, Кирилла Белозерского, повести о прении живота со смертью, о Григории папе римском, об Иуде-предателе и т. д., отдельные рукописи с сочинением «О зачатии и рождении» Петра I, Житием Зосимы и Савватия Соловецких, Сказанием о Мамаевом побоище, Службой и Житием Димитрия Мироточца (Солунского) с подписью Михаила Ломоносова и т. д.

Для истории литературы Олонцкого края и Карелии большой интерес могла бы представлять рукопись с автобиографией (с 1765 по 1805 год) и сочинениями (в том числе силлабическими виршами) Федора Тимофеевича Львова († 1842), занимавшего в начале XIX века ряд высоких должностей в судебных службах Олонцкой губернии. Н. С. Шайжин, разыскавший эту рукопись, писал:

«Автобиография Львова любопытна бытовыми подробностями из жизни Петрозаводска в конце XVIII и начале XIX-го века, сведениями об Олонцких заводах и упоминаниями о французских фабрикантах в Петрозаводске и его окрестностях»²³.

Ф. Т. Львов, наряду с Т. В. Баландиным, был, таким образом, одним из первых писателей Петрозаводска, но, к сожалению, его сочинения пока не обнаружены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После революции 1917 года в музей передавались книги, рукописи и документы из закрываемых монастырей, церквей, упраздненных государственных учреждений. Вероятно, именно в этот период фонды музея обогатились архивом Шуерецкой волости²⁴, коллекциями палеостровских актов²⁵ и заонежских синодиков-помянников²⁶. По некоторым сведениям, в музей была передана книжно-рукописная коллекция Олонцкого губернского церковно-исторического музея, описанием которой занимался Д. Островский²⁷. Серьезные потери музей понес в годы Великой Отечественной войны: часть предметов была утрачена в ходе эвакуации (библиотека и старинные книги были эвакуированы в Пудож), часть погибла или была расхищена в оккупированном Петрозаводске. Вернувшиеся после войны музейные предметы распределялись между разными учреждениями Петрозаводска. Так, некоторые поздние печатные книги со штампом «Библиотека Карельского госмузея» хранятся сейчас в Национальной библиотеке Республики Карелия, две рукописи с таким штампом оказа-

лись в НА РК²⁸. И все же, несмотря на эти потери и перемещения книг в разные хранилища, имеющиеся в нашем распоряжении музейные каталоги и описания, а также наличие музейных маркировок 1870–1880-х годов дают надежду на обнаружение других рукописей и книг

из Олонецкого музея. Публикуемый ниже перечень разысканных рукописей из Олонецкого музея носит, таким образом, предварительный характер. В столбце «Библиография» указываются издания, в которых содержится описание рукописи.

Рукописи из Олонецкого музея, современное местонахождение которых установлено
 Manuscripts from the Olonets Museum with current location established

№	Название и краткое описание рукописи	Современное хранение	Библиография	Примечания
1	Чин крещения. Конец XVIII в. 8°. 18 л. Поморский полуустав	БАН, 33.4.30	Срезневский. С. 14. № 17	Из Лексинского монастыря
2	Чин исповедания грехов мужам и женам. 1-я четв. XIX в. 8°. 24 л. Поморский полуустав	БАН, 33.15.136	Срезневский. С. 15. № 19	
3	Устав церковный. 1560–1570-е гг. 4°. 334 л. Полуустав	БАН, 33.6.22	Шелюков, 1884. С. 71. № 2431; Шелюков, 1889. С. 136. № 22; Срезневский. С. 15–17. № 21; Описание БАН. Т. 1. С. 276–280	В каталогах Ф. С. Шелюкова отмечена как «Служебник». В Олонецкий музей поступила от свящ. Вытегорского погоста С. П. Партанского
4	Четвероевангелие. 3-я четв. XVI в. 1°. 129 л. Полуустав	БАН, 33.2.3	Иванов. С. 59. № 18; Шелюков, 1884. С. 70. № 2424; Шелюков, 1889. С. 135. № 15; Срезневский. С. 2–4. № 2; Описание БАН. Т. 1. С. 17	В каталоге А. Иванова запись о продаже рукописи новгородским попом Василием прочитана с ошибкой: 7019 г. (вместо 7090 г.). В Олонецкий музей поступила от Н. Е. Артемова, действ. члена статистического комитета
5	Сборная рукопись заупокойных служб. Начало XIX в. 8°. 62 л. Поморский полуустав	БАН, 33.4.28	Срезневский. С. 21. № 26	В Олонецкий музей поступила от И. Т. Фигурина
6	Каноны за умерших. Посл. четв. XVIII в. 8°. 38 л. Поморский полуустав	БАН, 33.4.29	Срезневский. С. 22. № 28	Из Лексинского монастыря
7	Сказание о явлении Тихвинской чудотворной иконы Божией Матери. Конец XVII – начало XVIII в. 4°. 266 л. Скоропись и полуустав (в заглавиях)	БАН, 21.7.2	ОГВ. 1878. № 17. С. 221. № 1 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 71. № 2433; Шелюков, 1889. С. 136. № 24; Срезневский. С. 133. № 127	Запись на переплете: «Сия книга вытегорца Михаила Семенова сына Поповых». В Олонецкий музей поступила от Н. И. Чаплинского, действ. члена статистического комитета
8	Исторический сборник, включающий произведения и летописные записи об истории Руси, Повесть о Царьграде, сочинения Ивана Пересветова и др. Из 8 рукописей 1-й пол. XVII в. 4°. 525 л. Скоропись разных почерков	БАН, 33.7.11	Викторов. С. 309. № 8; Шелюков, 1884. С. 70. № 2428; Шелюков, 1889. С. 135–136. № 19; Срезневский. С. 138–142. № 132; Описание БАН. Т. 4, вып. 1. С. 132–135	В Олонецкий музей поступила от Н. И. Чаплинского, действ. члена статистического комитета
9	Описание Московского государства 1686 г. (перевод с немецкого). Сочинение состоит из двух частей. Конец XVII – начало XVIII в. 2°. 163 л. Полуустав	БАН, 33.2.16	Иванов. С. 58–59. № 11; Викторов. С. 308. № 6; Шелюков, 1884. С. 69. № 2417; Шелюков, 1889. С. 135. № 8; Срезневский. С. 142–145. № 133	На л. 163 запись владельца – крестьянина Остречинского погоста Т. А. Попова о получении книги из Кеми от мещанина Петра Сысоева Тарасова в 1790 г. В Олонецкий музей поступила от свящ. И. Дикаревского
10	Летописец Соловецкий. Конец XVIII в. 4°. 22 л. Скоропись	БАН, 33.15.232	Срезневский. С. 146–147. № 135; Описание БАН. Т. 3, вып. 1 (1-е изд.). С. 135; Описание БАН. Т. 3, вып. 1 (2-е изд.). С. 431–432	

Продолжение табл.

№	Название и краткое описание рукописи	Современное хранение	Библиография	Примечания
11	Извлечения из Уложения царя Алексея Михайловича. Конец XVII в. с добавлениями середины XVIII в. 4°. 170 л. Скоропись	БАН, 33.6.23	Викторов. С. 307. № 2; Шелюков, 1884. С. 68. № 2411; Шелюков, 1889. С. 134. № 2; Срезневский. С. 157–158. № 149	На л. 1 запись владельца XVIII в. священника Олонецкого уезда Верховского прихода Игнатия Сисвеева (?). В Олонецкий музей поступила от свящ. Вытегорского погоста С. П. Партанского
12	Александрия сербской редакции. 3-я четв. XVIII в. 4°. 40 л. Скоропись	БАН, 21.7.7	Иванов. С. 59. № 19; Викторов. С. 308. № 4; Шелюков, 1884. С. 70. № 2425; Шелюков, 1889. С. 135. № 16; Срезневский. С. 189. № 197; Описание БАН. Т. 4, вып. 1. С. 29	В Олонецкий музей поступила от Н. Е. Артемова, действ. члена статистического комитета
13	Сборник изречений (часть из них – из Пчелы). 1-я четв. XIX в. 2°. 2 л. Поморский полуустав	БАН, 26.5.244	ОГВ. 1877. № 81. С. 929. № 1 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 60. № 2270; Шелюков, 1889. С. 122. № 9; Срезневский. С. 194. № 209	В Олонецкий музей поступила от П. П. Петрова, действ. члена статистического комитета
14	Олонецкий сборник заговоров. 2-я четв. XVII в. 8°. 46 л. Скоропись нескольких почерков	БАН, 21.9.10	Иванов. С. 59. № 16; Викторов. С. 310. № 9; Шелюков, 1884. С. 69. № 2422; Шелюков, 1889. С. 135. № 13; Срезневский. С. 196–202. № 213; [13: 87–88]	В Олонецкий музей поступила от учителя Петрозаводского духовного училища Л. Л. Малиновского
15	Сборник, из трех рукописей XVII в. 4°. 218 л. Полуустав разных почерков. Содержит Службу и Житие Зосимы и Савватия Соловецких, Мучение Никиты, Беседу трех святителей, слова, поучения, повести	БАН, 33.6.19	Шелюков, 1884. С. 70. № 2430; Шелюков, 1889. С. 136. № 21; Срезневский. С. 250–253. № 246	Владельческие записи попа из Великой Губы Иосифа, крестьянина Пудожского погоста Филата Поликарпова Костина и др.
16	Сборник, из двух рукописей конца XVII в. 4°. 131 л. Скоропись и полуустав. Содержит Пчелу и Номоканон	БАН, 21.7.11	Шелюков, 1884. С. 72. № 2447; Шелюков, 1889. С. 137. № 38; Срезневский. С. 281–282. № 256; Описание БАН. Т. 11, вып. 1. С. 470–472	Запись о принадлежности книги иеродиакону Спасо-Преображенского Рабанского монастыря близ Вологды Пахомию. В Олонецкий музей поступила из Пудожского уезда от водлозерского волостного старшины М. В. Лисицына
17	Сборник, из пяти рукописей XVII в. и 1-й пол. XVIII в. 4°. 100 л. Скоропись разных почерков. Содержит Сказание о Мамаевом побоище, статейные списки о посольстве при Иване Грозном, повести о разорении Новгорода, о Григории Отрепьеве, Хожение Трифона Коробейникова и др.	БАН, 21.10.17	Шелюков, 1884. С. 72. № 2448; Шелюков, 1889. С. 137. № 39; Срезневский. С. 282–285. № 257; Описание БАН. Т. 4, вып. 1. С. 221–224	Записи о принадлежности книги каргопольцу, жителю «Гавшезерского скита» и другим лицам. В Олонецкий музей поступила из Пудожского уезда от водлозерского волостного старшины М. В. Лисицына
18	Сборник. 1740-е гг. 4°. 107 л. Скоропись двух почерков. Содержит жития Марии Египетской, пророка Даниила, апостола Фомы, Евфросинии Александрийской, Ефрема Сирина, Страсти Христовы, отрывок из Летописца Соловецкого, Поучение о матерной брани и др.	БАН, 21.7.13	Шелюков, 1884. С. 71. № 2436; Шелюков, 1889. С. 137. № 27; Срезневский. С. 313–314. № 266	В Олонецкий музей поступила от чиновника А. И. Вереникина.
19	Сборник старообрядческий, из девяти рукописей. Конец XVIII в. с дополнениями начала XIX в. 4°. 167 л. Поморский полуустав и скоропись разных почерков. Содержит Слово Андрея Борисова «на воздвижение вновь и на обновление после пожара в Выгорецкой пустыни обители...», послания архимандрита Иоасафа и инока Герасима в Ладожский скит, в Чирскую станицу, Повесть о Иоанне Вонифантьевиче Кольском и др.	БАН, 21.7.12	ОГВ. 1878. № 73. С. 871. № 3 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 60. № 2272; Шелюков, 1889. С. 122. № 11; Срезневский. С. 360–362. № 291; Описание БАН. Т. 7, вып. 3. С. 172–175. № 54	На л. 40 запись владельца книги вытегорского купца Матфея Галашевского. В Олонецкий музей поступила от священника Вытегорского погоста С. П. Партанского

Продолжение табл.

№	Название и краткое описание рукописи	Современное хранение	Библиография	Примечания
20	Синодик старообрядческий, сборная рукопись 1-й четв. XIX в. 8°. 54 л. Лексинский полуустав разных почерков	БАН, 33.5.21	Срезневский. С. 48. № 62 (без указания на поступление из Олонецкого музея)	На переплете наклейка: «Синодик, или помянник бывшего Лексинского монастыря». Под таким названием рукопись упомянута в списке И. И. Благовещенского (НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 39/1. Л. 30 об.)
21	Благодарственное письмо из Выговского общежития благодетелю Х. П. Костину в Петрозаводск. 10 ноября 1819 г. 1°. 2 л. Лексинский полуустав	Отдел редких книг НБ ПетрГУ (без шифра)	Иванов. С. 52; ПКСПС. С. 422–423	В Олонецкий музей поступила от С. А. Приклонского, действ. члена статистического комитета
22	Благодарственное письмо от старообрядцев Тявтезерского скита благодетелю Г. Т. Селезневу. 2-я пол. XIX в. 4°. 1 л. Полуустав	Отдел редких книг НБ ПетрГУ (без шифра)	Иванов. С. 52; ПКСПС. С. 423	В Олонецкий музей поступила от С. А. Приклонского, действ. члена статистического комитета
23	Исайя (Копинский). Алфавит духовный. 2-я пол. XVIII в. 8°. 105 л. Скоропись	НА РК. Ф. 889. Оп. 1. № 32 (29)	ОГВ. 1877. № 56. С. 654 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 59–60. № 2268; Шелюков, 1889. С. 121. № 7; ПКСПС. С. 119–120	В Олонецкий музей поступила от Н. И. Чаплинского, действ. члена статистического комитета
24	Житие Александра Свирского. 1737 г. 4°. 105 л. Скоропись	НА РК. Ф. 889. Оп. 1. № 61 (57)	Шелюков, 1884. С. 72. № 2445; Шелюков, 1889. С. 137. № 36; ПКСПС. С. 167–171	Писец – олонецкий Козма Ефремов Чюсов. В Олонецкий музей поступила от учителя Видлицкого сельского училища А. Н. Орлова
25	Палеостровская азбука. 1717 г. Свиток на 14 сставах. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 92	ОГВ. 1878. № 83. С. 999. № 14 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 73. № 2461; Шелюков, 1889. С. 139. № 52; Шабельникова. С. 33	Рукопись написана иноком Иоасафом в Палеостровском монастыре. В Олонецкий музей поступила от служащего общества спасения на водах А. И. Лера
26	Копия с грамоты Ялгубских обельных крестьян. Писана на свитке	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 90	Шелюков, 1884. С. 73. № 2462; Шелюков, 1889. С. 139. № 53	Описанию в каталогах Ф. Шелюкова (см. 2-й столбец наст. табл.) соответствует только этот документ из НА КарНЦ РАН: 1686 г., июня 26. Обельная грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей ялгубскому крестьянину Прохору Мартемьянову (копия на 7 сставах). В Олонецкий музей поступила от служащего общества спасения на водах А. И. Лера
27	Настольная грамота новгородского митрополита Иова строителю Елгомской пустыни Каргопольского уезда Моисею. Подлинник. 1699 г., февраль. Свиток на 8 сставах. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 81	ОГВ. 1878. № 83. С. 999. № 10 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 73–74. № 2463; Шелюков, 1889. С. 139. № 54	В Олонецкий музей поступила от служащего общества спасения на водах А. И. Лера
28	Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей каргопольскому воеводе об освобождении от оброка деревень Елгомской пустыни. Список. 1690 г., мая 30. Свиток. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 82	ОГВ. 1878. № 83. С. 999. № 6 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 74. № 2464; Шелюков, 1889. С. 139. № 55; Шабельникова. С. 32	В Олонецкий музей поступила от служащего общества спасения на водах А. И. Лера

Окончание табл.

№	Название и краткое описание рукописи	Современное хранение	Библиография	Примечания
29	Память каргопольского протопопа Петра Андреева по указу новгородского митрополита Иова, по монастырям, волостям и погостам о поимке бежавшего из Москвы Григория Васильева, торговавшего в Москве уставными, полууставными рукописными книгами. Подлинник. 1700 г., сентября 19. Свиток на 3 сставах. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 85	ОГВ. 1878. № 83. С. 999. № 11 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 74. № 2465; Шелюков, 1889. С. 139. № 56	В Олонецкий музей поступила от служащего общества спасения на водах А. И. Лера
30	Память по указу новгородского митрополита Евфимия Елгомской пустыни попу Ионе об отправлении царя Петра Алексеевича на войну под Азов и о том, чтобы в церквях молились о победе на врагов. 1696 г., августа 17. Подлинник. Свиток на 2 сставах. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 78	ОГВ. 1878. № 83. С. 999. № 9 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 74. № 2466; Шелюков, 1889. С. 139. № 57	В Олонецкий музей поступила от служащего общества спасения на водах А. И. Лера
31	Строительная грамота новгородского митрополита Евфимия монаху Антонию Елгомской пустыни, 1696 г., февраль. Подлинник. Свиток. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 76	ОГВ. 1878. № 83. С. 999. № 7 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 74. № 2467; Шелюков, 1889. С. 139. № 58	В Олонецкий музей поступила от служащего общества спасения на водах А. И. Лера
32	Память каргопольского протопопа Петра Андреева по указу новгородского митрополита Иова, в Елгомскую пустынь о присылке из монастырей людей для посылки их на царскую службу. 1700 г., октября 3. Подлинник. Свиток на 2 сставах. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 88	ОГВ. 1878. № 86. С. 1034. № 2 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 74. № 2469; Шелюков, 1889. С. 139. № 60	В Олонецкий музей поступила от служащего Общества спасения на водах А. И. Лера
33	Богомольная грамота царя Алексея Михайловича игумену Антониево-Сийского монастыря Каллинику и келарю старцу Пимену о рождении сына Федора. 1661, июня 4. Подлинник. Свиток. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 77	ОГВ. 1878. № 83. С. 998. № 2 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 75. № 2473; Шелюков, 1889. С. 140. № 64	В Олонецкий музей поступила от служащего Общества спасения на водах А. И. Лера
34	Грамота митрополита Ростовского и Ярославского Ионы в Заволоцкую десятину Ростовской митрополии попам и дьяконам об увещании старообрядцев к хождению в церковь. Список. 1660 г., октября 18. Свиток на 3 сставах. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 86	ОГВ. 1878. № 86. С. 1034. № 1 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 74. № 2468; Шелюков, 1889. С. 139. № 59	В Олонецкий музей поступила от служащего Общества спасения на водах А. И. Лера
35	Память по указу Корнилия митрополита Новгородского о освящении в Каргопольском уезде новопостроенных церковей малым освящением по особенной тетради, а не по новоисправным требникам. Список. 1682 г., 30 апреля. Свиток. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 84	ОГВ. 1878. № 83. С. 998. № 5 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 74. № 2471; Шелюков, 1889. С. 139. № 62	В Олонецкий музей поступила от служащего Общества спасения на водах А. И. Лера
36	Грамота Корнилия митрополита Новгородского Богословского монастыря на Ваге игумену Ионе о переписании церковей и монастырей в Важском уезде патриаршей области и Ростовской епархии под новгородскую епархию. Список. 1675 г., 12 августа. Свиток. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 87	ОГВ. 1878. № 83. С. 998. № 3 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 74–75. № 2472; Шелюков, 1889. С. 139. № 63	В Олонецкий музей поступила от служащего Общества спасения на водах А. И. Лера
37	Список с памяти Корнилия митрополита Новгородского, Каргопольской десятины Плеской волости, Вознесенскому десятому попу Григорию Васильеву, о молении Бога от нашествия врагов и о победе над турками при царе Федоре Алексеевиче. 1678 г., октябрь. Свиток на 3 сставах. Скоропись	НА КарНЦ РАН, разряд I, оп. 2, д. 89	ОГВ. 1878. № 83. С. 998. № 4 («Приношения в Олонецкий музей»); Шелюков, 1884. С. 74. № 2470; Шелюков, 1889. С. 139. № 61	В Олонецкий музей поступила от служащего Общества спасения на водах А. И. Лера
38	«Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших, и топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества» Т. И. Тутолмина. 1785 г. 2°. 109 л. Раздельная скоропись. Конец рукописи и верхняя часть обложки утрачены	НА КарНЦ РАН. Разряд VI. Оп. 6. № 121	ОГВ. 1891. № 56. С. 568 («Приношение в Олонецкий музей»)	В Олонецкий музей поступила от старшего чиновника особых поручений при Олонецком губернаторе титулярного советника А. Н. Тройницкого в 1891 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН – Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург).
- Викторов – Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890.
- Иванов – Олонецкий музей естественно-промышленный и историко-этнографический, основанный при Губернском статистическом комитете в 1871 году. Каталог предметов, поступивших в музей (по 1 мая 1876 г.) / Сост. А. Иванов. Петрозаводск, 1876.
- НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск).
- НА РК – Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск).
- НБ ПетрГУ – Научная библиотека Петрозаводского государственного университета.
- НМРК – Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск).
- ОГВ – Олонецкие губернские ведомости.
- Описание БАН. Т. 1 – Описание Рукописного отделения Библиотеки императорской Академии наук. I. Рукописи. СПб., 1910. Т. 1 (I. Книги Священного Писания и II. Книги богослужебные) / Сост. В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский.
- Описание БАН. Т. 3, вып. 1 (1-е изд.) – Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. I. Рукописи. Л., 1930. Т. 3, вып. 1 (VI. История) / Сост. В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский.
- Описание БАН. Т. 3, вып. 1 (2-е изд.) – Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1 (Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги). Изд. 2-е, доп. / Сост. В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова.
- Описание БАН. Т. 4, вып. 1 – Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1951. Т. 4, вып. 1 (Повести, романы, сказания, сказки, рассказы) / Сост. А. П. Конусов, В. Ф. Покровская.
- Описание БАН. Т. 7, вып. 3 – Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. СПб., 2019. Т. 7, вып. 3: Сочинения писателей-старообрядцев второй половины XVIII века / Авторы-составители Н. Ю. Бубнов, В. А. Клишева, при участии А. А. Кудрина.
- Описание БАН. Т. 11, вып. 1. – Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. М.; СПб.: Альянс-архео, 2020. Т. 11, вып. 1: Корогодина М. В. Памятники церковного права в рукописях Библиотеки Российской академии наук XV – начала XX века.
- ПКСРС – Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Авт. коллектив: М. Г. Бабалык, В. М. Быкова, А. Б. Ипполитова, Е. Н. Кутькова, Ф. В. Панченко, А. В. Пигин, Е. В. Плетнева, Н. В. Савельева, Л. С. Харебова, Е. М. Юхименко; Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.
- Срезневский – Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.
- Шабельникова – Шабельникова Л. Описание Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея. Петрозаводск, 1918.
- Шелюков, 1884 – Олонецкий музей естественно-промышленный и историко-этнографический, основанный при Губернском статистическом комитете в 1871 году. Каталог предметов, поступивших в музей с 1871 по 15 мая 1884 года / Сост. Ф. Шелюковым. Петрозаводск, 1884.
- Шелюков, 1889 – Каталог предметов Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея / Сост. Ф. С. Шелюковым. Петрозаводск, 1889.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иванов. С. 4 (здесь и далее полное библиографическое описание ряда публикаций см. в Списке сокращений).
- ² Иванов; Шелюков, 1884; Шелюков, 1889; Шабельникова. Печатные книги, журналы, учебники XVIII–XIX вв. и рукописи («духовного содержания» – 26; «исторического содержания» – 11, «бытовые» – 2, «свитки» – 15) перечислены также в рукописной описи музейных предметов, составленной до 1903 г. (НА РК. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 1. Л. 38–47). Перечень рукописей в целом совпадает с описанием в каталоге Ф. С. Шелюкова 1889 года.
- ³ Викторов. С. 307–310.
- ⁴ Там же. С. 304.
- ⁵ См., например: НА РК. Ф. 27. Оп. 7. Д. 1/5. Л. 7 (о дарении в музей М. Копосовым в 1888 году печатной книги «Поучительные слова» иеромонаха Платона (Левшина), изданной в 1764 году); Оп. 1. Д. 27/1. Л. 5–6 (о дарении А. Н. Тройницким в 1891 году рукописи «Исторические примечания о древности Олонецкого края...» Т. И. Тутолмина, 1785 года).
- ⁶ См.: Отчет Олонецкому статистическому комитету действительного члена комитета Н. С. Шайжина, командированного для собирания памятников древности летом 1908 года // ОГВ. 1909. № 49–52, 103; Отчет Олонецкому статистическому комитету действительного члена комитета Н. Шайжина, командированного для собирания памятников древности летом 1909 года // ОГВ. 1910. № 4, 5.
- ⁷ Так, в библиотеку «Общества...» была передана коллекция рукописей XVIII века протоиереем Повенецкого Петро-Павловского собора И. А. Щеголевым (Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1913. № 2–3. С. 209. К сожалению, состав коллекции здесь не расписан).
- ⁸ Срезневский В. И. Поездка в Петрозаводск и Заонежье (июнь 1903 года). СПб., 1904. С. V.
- ⁹ Там же.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 39/1. Л. 28–31, 43–43 об.
- ¹² Там же. Л. 28–28 об.
- ¹³ Там же. Л. 28.
- ¹⁴ Там же. Л. 30–31, 43–43 об.
- ¹⁵ Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. Как правило, за редким исключением, В. И. Срезневский отмечал в описании этих книг, что они получены из Олонецкого музея.
- ¹⁶ Малиновский Л. Заговоры и слова, по рукописи XVIII века // ОГВ. 1876. № 15. С. 161–163; № 16. С. 172–173; № 18. С. 192–195.
- ¹⁷ Если в описании Азбуки В. И. Срезневский отметил ее происхождение из Олонецкого музея (Срезневский В. И. Описание рукописей и книг... С. 442. № 365), то в описании «Сказки...» сообщил, что издание приобретено в дер. Медведево Повенецкого уезда (Там же. С. 443. № 366). Между тем в перечень книг для БАН, составленный И. И. Благовещенским, «Сказка...» включена. Поскольку других экземпляров издания или списков этой сказки в каталоге В. И. Срезневского нет, можно предположить, что в информацию об источнике поступления «Сказки...» вкралась ошибка.
- ¹⁸ См. описание этих рукописей: ПКРС. С. 119–120, 167–171.
- ¹⁹ Не удалось разыскать два документа: «Список с памяти по указу <...> митрополита Новгородского, при государе Петре Алексеевиче, об отыскании бежавшего из-под караула князя Василья Юрьева с дворовой девкой. 1701 года. Писан на свитке», «Список с памяти <...> митрополита Евфимия новгородского, Ошвенского, Кенского и Челмогорского монастырей и Наглимозерской, Хергозерской и Елгомской пустынь игумену и строителям с братиею, о вручении митрополиту Евфимию править престол Новгородский. 1695 года. Писан на свитке» (№ 65 и 66 по каталогу Ф. С. Шелюкова 1889 года). В НА КарНЦ РАН имеется копия второго документа, изготовленная в XX веке (Разряд VIII. Оп. 1. Д. 17). Кроме того, в архиве хранятся другие свитки XVII века, которые, возможно, связаны своим происхождением с коллекцией, поступившей в Олонецкий музей от А. И. Лера, но не включенные в каталоги А. И. Иванова и Ф. С. Шелюкова (Разряд I. Оп. 2. Д. 79, 80 и др.). К сожалению, коллекция древних свитков в НА КарНЦ РАН до сих пор не имеет полноценных описей, что затрудняет поиск нужных источников. Кроме коллекции свитков, в 1878 году А. И. Лер передал в музей письмо графа Аракчеева к Олонецкому губернатору А. А. Ушакову от 29 декабря 1802 года о принятии мер к отысканию похищенных в селе Грузине денег (ОГВ. 1878. № 83. С. 998. № 1). Это письмо еще до передачи в музей было опубликовано (Русский архив. 1866. № 7. Стб. 1047–1049), но его современное местонахождение также неизвестно. В 1866 году письмо являлось собственностью генерала-лейтенанта Н. Ф. Бутенева.
- ²⁰ НМРК, коллекционная опись к документам КГМ-1583–1586 (1969 год), л. 22.
- ²¹ По-видимому, в письме Т. В. Старостиной речь идет о довоенном периоде, поскольку в 1948 году «спасать коллекцию», как кажется, не было необходимости. В таком случае старинные документы перемещались из музея в архив Карельского филиала в несколько приемов. При этом небольшая их часть осталась в самом музее (НМРК, фонд письменных источников, КГМ-1583–1586).
- ²² Основное внимание в своей статье Т. В. Старостина уделила другому кругу источников – документам из Шуерецкой волости XVII – первой половины XVIII века, входящим в тот же фонд, что и коллекция свитков (Разряд I. Оп. 2) [15]. Но «Шуерецкий архив» не связан с коллекцией свитков и оказался в музее, скорее всего, уже после революции. Вопрос о происхождении этого архива не проясняет и исследование А. Ю. Жукова [4].
- ²³ Отчет Олонецкому статистическому комитету действительного члена комитета Н. С. Шайжина, командированного для собирания памятников древности летом 1908 года // ОГВ. 1909. № 52. С. 3.
- ²⁴ Ныне – в НА КарНЦ РАН [4].
- ²⁵ Современное местонахождение этих документов неизвестно [1: 12–13].
- ²⁶ Сохранилась в НМРК [3].
- ²⁷ Перечень рукописей и книг, принадлежащих Олонецкому губернскому церковно-историческому музею, составлен Д. Островским (НА РК. Ф. 1046. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 146–148 об., 154–155, 157–158 об., 160–192 об., 194–202).
- ²⁸ Ирмологий с розниками нотированный, 1820-е годы (НА РК. Ф. 889. Оп. 1. № 1 (1)) и Праздники нотированные, 1-я пол. XVIII века (НА РК. Ф. 889. Оп. 1. № 45 (41)). См. описание рукописей: ПКРС. С. 33, 152–156.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкудинов И. Ю. Неразысканные новгородские и псковские грамоты XII–XV вв. // Историк и источник: Сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб.: Искусство России, 2018. С. 3–16.
2. Вербовская Н. В. Губернская периодическая печать как источник по истории комплектования фондов Карельского государственного краеведческого музея // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1992. С. 13–23.
3. Воробьева С. В., Пигин А. В. Материалы к изучению истории крестьянских семей Заонежья (синодики-помянники XVII–XIX веков) // Церковь Преображения Господня: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижи», 2014. С. 257–280.
4. Жуков А. Ю. Вотчинная Шуерецкая волость в Северную войну 1700–1721 гг.: обзор документов // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2016. Вып. 1. DOI: 10.15393/j103.art.2016.484

5. Казанцева Т. Г., Пигин А. В., Юхименко Е. М. Памятники старообрядческой письменности в коллекции А. Д. Синявского (Национальный музей Республики Карелия) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Пушкинский Дом, 2025. Т. 72. С. 43–69.
6. Мишина Е. А. Азбуки-свитки XVII–XVIII веков // От Средневековья к Новому времени: Сб. ст. в честь Ольги Андреевны Белобровой. М.: Индрик, 2006. С. 419–431.
7. Новожилова С. В. Документы по старообрядчеству в Карелии из фонда Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Архангельск, 29–30 июня 2001 года. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001. С. 65–67.
8. Новожилова С. В., Пигин А. В. Книжные коллекции Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. 176 с.
9. Пигин А. В. Азбука-свиток из Палеостровского монастыря // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. Вып. 6. С. 63–71.
10. Пигин А. В. «И вручися ему от нас граммата сия ради ведения правления духовного». Настольная грамота новгородского митрополита Иова монаху Моисею. 1699 г. // Исторический архив. 2013. № 4. С. 191–197.
11. Пигин А. В. Об археографической работе В. И. Малышева в Карелии: К истории Карельского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома // Литература и история в контексте археографии: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2022. С. 231–249. (Серия «Археография и источниковедение Сибири». Вып. 41).
12. Пигин А. В., Бабалык М. Г. «Аз ти глаголю добрейшее, юноше...»: о некоторых учебных текстах в русских рукописях XVIII–XIX вв. // «Мудрости бо ти имя подадеша...»: Сб. ст. к юбилею профессора Софьи Михайловны Лойтер. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2011. С. 10–21.
13. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 832 с.
14. Старостина Т. В. Народные этические представления и палеостровская азбука 1717 г. // Научная конференция по итогам работ за 1965 год. Май 1966 года. Секция исторических наук: Тез. докл. Петрозаводск, 1966. С. 78–81.
15. Старостина Т. В. Обзор коллекции древних актов XVII–XVIII вв., хранящихся в архиве Карельского филиала АН СССР // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Петрозаводск, 1958. Вып. 10: Вопросы истории Карелии. С. 87–92.

Поступила в редакцию 21.02.2025; принята к публикации 02.06.2025

Original article

Alexander V. Pigin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

BOOK AND MANUSCRIPT COLLECTION OF THE OLONETS NATURAL-INDUSTRIAL AND HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Abstract. The Olonets Natural-Industrial and Historical-Ethnographic Museum, which can be seen as the forerunner of the modern National Museum of the Republic of Karelia, was established in Petrozavodsk under the Olonets Province Statistical Committee in 1871. Parts XI and XII of the museum's program provided for the collection of ancient manuscripts and books. The purpose of the article is to study the composition and formation of the museum's first book and manuscript collection and the history of individual manuscripts that ended up in other repositories over the years. Information about books and manuscripts is extracted from published museum catalogues and descriptions from 1876–1918, from publications in the *Olonets Province Gazette*, and from archival sources. To date, 38 manuscripts from the early collection of the Olonets Museum have been found, which are currently stored in the Library of the Russian Academy of Sciences, the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, and in other institutions. The article presents some valuable manuscripts that have survived to the present day, including the Olonets collection of incantations of the XVII century, scroll letters of the XVII and the early XVIII centuries, the 1717 Paleostrovsky alphabet, letters of gratitude from the Old Believers dated to the XIX century, etc. Information about all the located manuscripts is systematized in the table at the end of the article. The relevance of the research is determined by the necessity of studying and preserving the book and manuscript collections, which are an important part of the national heritage.

Key words: book and manuscript heritage, archaeography, Old Believers, Olonets Museum, Library of the Russian Academy of Sciences, V. I. Sreznevsky

Acknowledgements. The author expresses his gratitude to D. A. Prots, Curator of the Written Sources Collection of the National Museum of the Republic of Karelia, for providing necessary museum documentation, as well as to

T. A. Moshina, expert in local history, and Yu. A. Novikova and N. D. Mantsyрева, specialists of the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, for their help in locating manuscripts from the former Olonets Museum.

Citation: Pigin, A. V. Book and manuscript collection of the Olonets Natural-Industrial and Historical-Ethnographic Museum. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):97–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1239

REFERENCES

1. Ankudinov, I. Yu. Undiscovered Novgorod and Pskov charters of the XII–XV centuries. *Historian and source: Collection of articles dedicated to the anniversary of Sergey Nikolaevich Kisterev*. St. Petersburg, 2018. P. 3–16. (In Russ.)
2. Verbovskaya, N. V. Provincial periodical press as a source on the history of acquisition of funds of the Karelian State Museum of Local Lore. *Local history and museum*. Petrozavodsk, 1992. P. 13–23. (In Russ.)
3. Vorobyova, S. V., Pigin, A. V. Materials for the study of the history of peasant families of Zaonezhye (commemoration books of the XVII–XIX centuries). *Church of the Transfiguration of the Lord: 300 years in the Zaonezhye land*. Petrozavodsk, 2014. P. 257–280. (In Russ.)
4. Zhukov, A. Yu. Patrimonial Shueretskaia Volost during the Great Northern war of 1700–1721: review of the archival collection. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2016;1. DOI: 10.15393/j103.art.2016.484 (In Russ.)
5. Kazantseva, T. G., Pigin, A. V., Yukhimenko, E. M. Written monuments of Old Believers in the collection of A. D. Sinyavsky (National Museum of the Republic of Karelia). *Works of the Department of Ancient Russian Literature*. St. Petersburg, 2025. Vol. 72. P. 43–69. (In Russ.)
6. Mishina, E. A. Alphabet scrolls of the XVII–XVIII centuries. *From the Middle Ages to modern times: Collection of articles commemorating Olga Andreevna Belobrova*. Moscow, 2006. P. 419–431. (In Russ.)
7. Novozhilova, S. V. Documents on Old Believers in Karelia from the fund of the Scientific Library of Petrozavodsk State University. *Book collections of the Russian North: problems of study, preservation, and accessibility: Proceedings of the interregional scientific and practical conference. Arkhangelsk, 29–30 June 2001*. Arkhangelsk, 2001. P. 65–67. (In Russ.)
8. Novozhilova, S. V., Pigin, A. V. Book collections of the Scientific Library of Petrozavodsk State University. Petrozavodsk, 2020. 176 p. (In Russ.)
9. Pigin, A. V. An alphabet scroll from the Paleostrovsky Monastery. *Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore*. Petrozavodsk, 2011. Issue 6. P. 63–71. (In Russ.)
10. Pigin, A. V. “And this charter was given to him from us for the sake of spiritual authority”. A charter from Metropolitan Job of Novgorod to monk Moses. 1699. *Istoricheskiy arkhiv*. 2013;4:191–197. (In Russ.)
11. Pigin, A. V. About V. I. Malyshev’s archaeological work in Karelia: On the history of the Karelian collection of the Ancient Repository of the Pushkin House. *Literature and history in the context of archeography: Collection of research papers*. Novosibirsk, 2022. P. 231–249. (In Russ.)
12. Pigin, A. V., Babalyk, M. G. “I am addressing you with a kind word, young man...”: about some educational texts in Russian manuscripts of the XVIII–XIX centuries. “You have been given the name of wisdom...”: *Collection of articles dedicated to the anniversary of Professor Sofya Mikhailovna Loyter*. Petrozavodsk, 2011. P. 10–21. (In Russ.)
13. Russian conspiracies from handwritten sources from the period between the XVII and the first half of the XIX centuries. (A. L. Toporkov, Ed.). Moscow, 2010. 832 p. (In Russ.)
14. Starostina, T. V. Folk ethical ideas and the 1717 Paleostrovsky alphabet. *Scientific conference on the 1965 work results. May 1966. Section of Historical Sciences: Abstracts of reports*. Petrozavodsk, 1966. P. 78–81. (In Russ.)
15. Starostina, T. V. Review of the collection of ancient acts of the XVII–XVIII centuries stored in the Archives of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences. *Transactions of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences*. Petrozavodsk, 1958. Issue 10: Questions of the history of Karelia. P. 87–92. (In Russ.)

Received: 21 February 2025; accepted: 2 June 2025

НИКИТА АНДРЕЕВИЧ ШЕРЕМЕТОВ

младший научный сотрудник лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9042-8486; nikita2631@mail.ru

ПСКОВСКИЙ КАНОН КИЕВО-ПЕЧЕРСКИМ ПРЕПОДОБНЫМ АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ И ЕГО ИСТОЧНИКИ

А н н о т а ц и я . Рассматривается малоизученное произведение псковской гимнографии – канон Антонию и Феодосию Печерским с отцами Псково-Печерскими, открытый Н. И. Серебрянским в рукописи середины XVII века ГИМ. Синод. № 850. Согласно предположению ученого, канон возник в Псково-Печерском монастыре вскоре после осады Пскова войсками Стефана Батория 1581 года, с которой связана легенда о заступничестве за город Пресвятой Богородицы, Антония Печерского и других святых. Обращение к гимнографическим источникам канона показало, что в его основе лежат уже известные тексты песнопений из службы Антонию Печерскому Пахомия Логофета и службы Феодосию Печерскому, возникшей не позднее второй четверти XV века. Однако заимствованные песнопения были не просто по-новому скомпонованы составителем, некоторые из них носят следы творческой переработки, что, наряду с наличием оригинальных частей, посвященных местночтимым Псково-Печерским святым, указывает на работу самостоятельного автора.

Ключевые слова: гимнография, канон, Псков, Антоний Печерский, Феодосий Печерский

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Шереметов Н. А. Псковский канон Киево-Печерским преподобным Антонию и Феодосию и его источники // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 110–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1240

ВВЕДЕНИЕ

Самый ранний установленный список молебного канона Антонию и Феодосию Печерским был впервые обнаружен Н. И. Серебрянским в рукописи середины XVII века ГИМ. Синодальное собрание, № 850 [7: 90–92]¹. Исследователь, в частности, обратил внимание на содержание тропарей 8–9-й песни, обращенных к местночтимым Псково-Печерским угодникам Марку, Ионе и Корнилию, а также богородична 8-й песни, составленного под влиянием «псково-печерской летописи», то есть Повести о Псково-Печерском монастыре, которые указывали на монастырское происхождение и употребление канона². По мнению ученого, он мог быть составлен «вскоре после осады Пскова и Печерского монастыря» войсками Стефана Батория в 1581 году, то есть в конце XVI или начале XVII века, о чем свидетельствует упоминание в одном из тропарей заступничества за город Антония Печерского и Корнилия Псково-Печерского с Богородицей³ – чудесного явления, опи-

санного в Рассказе о видении кузнецу Дорофею⁴. Кроме того, Н. И. Серебрянский высказал предположение, что канон «представляет собой даже не переделку одного из киевских канонов, дополненную в Пскове, а службу, полностью написанную здесь»⁵. Обращение к гимнографическим источникам песнопений позволяет уточнить этот вывод.

* * *

Песнопения из рукописи ГИМ. Син. 850, о которых пойдет речь далее, представляют собой:

– тропарь 4-го гласа «Боже отец наших, твой...»;

– канон 8-го гласа «От младыя версты, преподобне...»;

– седален по 3-й песни 4-го гласа «Иже отъ Святых Горы...»;

– кондак 4-го гласа «Отцемъ святыхъ горы...»;

– икос «Отъ востока, мысленнаго Солнца...».

Помещенный перед каноном тропарь 4-го гласа повторяет тропарь из общей службы препо-

добным двум и многим, известный также по ряду памятней октября – ноября разным святым⁶.

Композиционно канон состоит из восьми песней со строгой последовательностью тропарей, обращенных к Антонию Печерскому (первый), Феодосию Печерскому (второй), Пресвятой Троице, отдельно и с преподобными (третий), Богородице (четвертый), за исключением тропарей 9-й песни, обращенных, как было отмечено выше, к местнотимым Псково-Печерским отцам Ионе, Корнилию и Псковской чудотворной иконе Успения Пресвятой Богородицы.

Источником тропарей Антонию Печерскому послужили каноны 4-го гласа «Зельным воздержанием...» и 2-го гласа «Аще от малыя версты...» из службы преподобному Пахомия Логофета, написанной в Новгороде в 1459–1461 годах [3: 183]. Большинство тропарей заимствованы из второго канона – это первые тропари 1, 3 и 7-й песней, вторые тропари 5-й и 6-й песней, третий тропарь 8-й песни. Единственный раз – в 4-й песни – заимствуется второй тропарь первого канона Пахомиевской службы. При этом текст тропарей, как показывает сравнение с разновременными списками службы Антонию Печерскому⁷, подвергался точечной правке при заимствовании (на-

сколько вообще о ней можно судить, располагая лишь отдельными вариантами исходного текста). Например, в некоторых песнях к тропарям был добавлен рефрен, в тропаре 6-й песни местоимение *нам* заменено на *им*, в тропаре 8-й песни изменен инципит (табл. 1). Канон 2-го гласа «Аще от малыя версты...» послужил источником и для седальна, составленного из второго тропаря 9-й песни (табл. 2).

Источником тропарей Феодосию Печерскому послужили каноны 8-го гласа «Богоугодный подвиг стяжав...» и «О, Троице божественная...» одной из бденных редакций службы преподобному, известной со второй четверти XV века и получившей широкое распространение в рукописях XVI века⁸. Как и в случае с канонами Антонию Печерскому, большинство заимствований приходится на второй канон – это вторые тропари 3, 4 и 6-й песней, первый тропарь 5-й песни, а также инципит третьего тропаря 7-й песни. Для 1-й песни был заимствован второй тропарь 1-й песни первого канона (см. табл. 1). При этом ирмосы нового канона не повторяют ни одного из канонов Феодосию, несмотря на совпадающую гласовую принадлежность.

Таблица 1

Источники тропарей канона Антонию и Феодосию Печерским

Table 1

Sources of troparia of the canon to St. Anthony and St. Theodosius of the Caves

Каноны Антонию Печерскому (Пахомия Логофета) и Феодосию Печерскому ⁹	Псковский канон Антонию и Феодосию Печерским
<i>Песнь 1, тропарь 1:</i> Отъ малыя версты, преподобне Антоние, велику любовь стяжавъ къ Богу, и сего ради плотская възгнания и страсти до конца умертвилъ еси, и чистотою, якоже крылы, вперився, славно къ небесемъ възлѣтъль еси.	<i>Песнь 1, тропарь 1:</i> Отъ младыя версты, преподобне Антоние, великую любовь стяжалъ еси къ Богу, и сего ради плотская възгнания и страсти до конца умертвилъ еси, и чистотою, яко крылы, вперився, къ небесемъ възлѣтъль еси, <u>Господеву поя: славно бо прославися.</u>
<i>Песнь 1, тропарь 2:</i> Отъ матерня чрѣва прилѣпися Богу, преподобне, яко мудрый Павелъ, пророкъ же дрѣвле Иеремиа, тѣмъ ты божественнаа благодать устнама, Феодосие, Божию слугу нарече.	<i>Песнь 1, тропарь 2:</i> Отъ чрева матерня прилѣпився Богу, преподобне, яко премудрый Павелъ и пророкъ древле Иеремиа, тѣмже божественныя благодать устнами, Феодосие, Божияго слугу нарече, <u>поюща ему: славно бо прославися.</u>
<i>Песнь 3, тропарь 1:</i> Предзрѣвъ будущая воздания, тѣмже иже здѣ маловременная, яко не суща, отче, оставилъ и сего ради сугубая въздания приляль, преподобне, тѣмже съ ангелы непрестанно поеши Владыку своего.	<i>Песнь 3, тропарь 1:</i> Предзрѣвъ будущая воздания, тѣмже и здѣ маловременная, яко не суща оставилъ еси, сего ради сугубая воздания приляль еси, преподобне, тѣмже со ангелы непрестанно поеши Владыку своего.
<i>Песнь 3, тропарь 2:</i> Утверждьшему небеса стопама послѣдовавъ, в пещерѣ затворися, в нейже побѣди плѣки бѣсовския, отче, силою божественою направляемъ и укрѣпляемъ.	<i>Песнь 3, тропарь 2:</i> Утверждьшему небо стопама послѣдовавъ, в пещерѣ затворися, в нейже побѣдилъ еси полки бѣсовския, отче, силою божественою направляемъ и укрѣпляемъ.
<i>Песнь 4, тропарь 2:</i> Не устраши тебѣ, преподобне, долгота жестокаго пути же, ни иже тамо разбойническаго нашествия, тѣмже святую гору достигъ, и иже тамо съ отцемъ воспѣваеши: слава силѣ.	<i>Песнь 4, тропарь 1:</i> Не устраши тебе, преподобне, долгота жестокаго пути, и ниже тамо разбойническаго шшествия убоая, тѣмже святую гору достигъ, иже тамо со отцы зываеши Христе: слава силѣ Твоей.
<i>Песнь 6, тропарь 2:</i> Нынѣ свяшеное тѣло твое, преподобне, в пещерѣ лежаша, исцѣления многа источаетъ вѣроу приходящимъ, тѣмже молимъ ты и душевная здравия подавая <u>намъ</u> , тебѣ славящихъ.	<i>Песнь 6, тропарь 1:</i> Нынѣ свяшеное тѣло твое, преподобне, в пещерѣ лежаша, исцѣления многа источаетъ вѣроу приходящимъ, тѣмже молимъ ты подати <u>имъ</u> и душевное здравие, тебе славящихъ.

Окончание табл. 1

Каноны Антонию Печерскому (Пахомия Логофета) и Феодосию Печерскому ⁹	Псковский канон Антонию и Феодосию Печерским
<i>Песнь 7, тропарь 3:</i> Свѣта насыщаея трисолнечнаго, отче, <u>свѣтъ вторыи причастиемъ</u> перваго съобразенъ явился еси, Феодосие...	<i>Песнь 7, тропарь 2:</i> Свѣта насыщаея трисолнечнаго, отче Феодосие, <u>блаженному Антонию во благихъ дѣлахъ, яко маслина плодовита, сожительствовавъ...</u>
<i>Песнь 8, тропарь 3:</i> <u>Антонию, иже древле просиявшему, того</u> житию всячески поревновати потщался еси, онъ бо в пустыню единъ вселися, ты же в пещерѣ единого себѣ затворилъ и многими лѣты, отче, неисходенъ оттуду пребылъ еси.	<i>Песнь 8, тропарь 1:</i> <u>Великого Антония</u> житию всячески поревновати потщался еси, онъ бо в пустыни единъ вселися, ты же в пещерѣ единого себе затвори и многими лѣты, отче, неисходенъ пребылъ еси, <u>поя содѣтеля всѣмъ во вѣки.</u>

Больше самостоятельности явил гимнограф при составлении троичных тропарей, кондака, в котором парафразируется седален по 1-й стихологии службы Антонию Печерскому, и икоса, начинающегося словами светильна из службы Феодосию Печерскому, но продолженного оригинальным текстом (см. табл. 2).

Тропари, заимствующие только инципит, отдельный фрагмент или парафразирующие текст

источника, находим и среди богородичных. Так, например, богородичны 3-й и 4-й песней, следующие за текстом богородичных тропарей 4-й песни первого канона Антонию Печерскому и 5-й песни первого канона Феодосию Печерскому, были дополнены новым заключительным обращением, другие демонстрируют еще более свободное обращение с исходным текстом (табл. 3).

Таблица 2

Источники седална по 3-й песни, кондака и икоса

Table 2

Sources of sedalen sung after ode 3, kontakion, and ikos

Служба Антонию Печерскому Пахомия Логофета ¹⁰	Псковский канон Антонию и Феодосию Печерским
<i>Канон 4-го гласа, песнь 9, тропарь 2:</i> Иже отъ Святыя Горы путемъ, ведущимъ <u>мя</u> , киевскаго, отче, достигль еси пути, идѣже бѣше угодно Владычицѣ Матери Божии храму воздвигнутися, и тамо храмъ пречестенъ во славу Богоматери купно съ блаженнымъ Феодосиемъ воздвигль еси, тѣмже <u>тѣ</u> вси с нимъ величаемъ.	<i>Седален по 3-й песни, глас 4:</i> Иже отъ Святыя Горы путемъ, ведущимъ <u>тѣ</u> , <u>Антоние</u> , киевскаго, отче, достигль еси пути, идѣже бѣше угодно Владыцѣ Матери Божии воздвигнутися храму, и тамо <u>церковь</u> пречестну въ славу Богоматере купно со блаженнымъ Феодосиемъ воздвигнули есте, тѣмже вси с нимъ <u>почитаемъ</u> .
<i>Седален по 1-й стихологии, глас 4:</i> Събесѣдникъ и служитель отцемъ Святыя Горы, отче, былъ еси, и тѣхъ стопамъ послѣдовалъ еси, яко бесплотенъ на земли пожилъ еси, тѣмже и преподобнымъ явися единоките, с нимже въ вышнихъ ликоствуа.	<i>Кондак, глас 4:</i> Отцемъ Святыя Горы сожитель бывъ, отче Антоние, и тѣхъ стопамъ послѣдуя, <u>благословение в Русію принесе, восприемъ богомудраго Феодосія въ Богомъ знаменитую лавру, первоначальницы въ словенѣхъ инокомъ и всѣмъ</u> преподобнымъ сообщницы явистеся, с нимиже и въ вышнихъ ликующе и Христа воспѣвающе <u>о всѣхъ насъ умолите</u> .
Бденная редакция службы Феодосию Печерскому¹¹	
<i>Светилен:</i> От востока, мысленаго Солнца, Христа, свѣтозарнаа луча въсиявши и мрачную страну на западѣ людий своихъ просвѣтивша свѣтлостію словесъ и добродѣтели дѣланиемъ, <u>и нынѣ не престаита, Господеви молящася...</u>	<i>Икос:</i> Отъ востока, мысленнаго Солнца, Христа, яко свѣтозарная луча, возсиявша, мрачную страну на западѣ людей своихъ просвѣтивша свѣтлостію словесъ и добродѣтелей дѣяниемъ, <u>и яко звѣзды пресвѣтлыя в нощи богоразумія ликъ богоносныхъ отецъ...</u>

Таблица 3

Богородичные тропари

Table 3

Theotokia

Каноны Феодосию Печерскому ¹²	Канон Антонию и Феодосию Печерским
<i>Песнь 1, богородичен:</i> Въплощеся отъ пречистыхъ Ти ложесть, Дево Всячистая, Божие слово всѣмъ просвѣти богоразумія любовь, человѣческое трѣжество лику аггельскому съвѣкупи, на небеснаа възведе.	<i>Песнь 1, богородичен:</i> Отъ Твоихъ пречистыхъ ложесть нашествиемъ Святаго Духа, Дево Всечистая, воплотитися Божие слово изволи, просвѣти богоразумиемъ преподобныхъ отецъ Антонія и Феодосія въ словенѣхъ и лику аггельску совокупи, предстоя, вопити Господеви, поемъ: славно бо прославися.
<i>Песнь 7, богородичен:</i> Изъ Девичьскыя утробы въплощеся явися на спасение наше, тѣмъ бо твою память вѣдуше...	<i>Песнь 5, богородичен:</i> Изъ Девичьскыя утробы въплощеся на спасение наше, <u>и отъ</u> иконы, <u>акоже отъ</u> утробы, <u>точащи исцѣления</u> неоскудная...
<i>Песнь 5, богородичен:</i> Госпожу <u>Тѣ</u> всячьскымъ и Владычицю именуемъ, вѣистинну бо сущаго Бога неизреченно родила еси, иже вся сътворшаго и сдѣръжашаго, Прѣнепорочнаа.	<i>Песнь 6, богородичен:</i> Родила еси неизреченно воистинну сущаго Бога, иже вся сотворшаго и содержаща, Егоже, <u>Владычице, со отцы печерскими о насъ умоли плоды спасительныя намъ возрастити.</u>

Окончание табл. 3

Каноны Антонию Печерскому ¹³	Канон Антонию и Феодосию Печерским
<i>Песнь 4, богородичен:</i> <u>Корень изъ чреслъ царьскихъ</u>, всѣхъ Царь, яко сущу возлюбивъ, и выше херувимъ и серафимъ показа Весь, Богородице, вселися в Тя.	<i>Песнь 3, богородичен:</i> <u>Отъ чреслъ царьскихъ корень</u>, всѣхъ Царь, яко сущу возлюбивъ, вышшу херувимъ и серафимъ показа Весь, Богородице, вселися в Тя, <u>Емуже со отцы преподобными молися, еже вознести рогъ нашъ</u>.
<i>Песнь 7, богородичен:</i> Пещь прообразоваше Твое Рождество, Всенепорочная, отроки бо не опали, <u>якоже бо ни ложесна Твоя огонь непостоянны...</u>	<i>Песнь 8, богородичен:</i> Како прообразоваше пещь Твое Рождество, Всенепорочная, и отрокъ не опали, <u>также и во обители Твоей Богомъ зданныя пещеры...</u>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотренный канон, хотя и восходит к ранее созданным канонам и песнопениям, посвященным Антонию и Феодосию Печерским, представляет собой оригинальное как по композиции, так и отчасти по содержанию произведение. Наличие оригинальных тропарей, посвященных местночтимым Ионе, Марку и Корнилию, Троице и Богородице, примеры творческой переработки заимствованных песнопений указывают на составителя канона как самостоятельного гимнографа. Принимая во внимание возможное время создания канона и его предполагаемое монастырское употребление, заметим, что некоторые

особенности авторского стиля могут указывать на инока Псково-Печерского монастыря Григория (автора канона и одной из редакций служб князю Всеволоду-Гавриилу [5: 293–296]) как возможного автора. Однако это тема отдельного исследования.

Ниже публикуется полный текст канона по списку ГИМ. Син. 850. Слова, отмеченные знаком *, написаны в рукописи на полях. Фрагменты текста, отдельные слова и буквы, написанные в рукописи киноварью, переданы при публикации полужирным шрифтом. В случае раскрытия слов из заголовков, написанных в рукописи киноварью под титулом, полужирным выделяют только буквы из текста рукописи.

ТЕКСТ

Тропарь, гласъ 4, преподобнымъ отцемъ Антонию и Феодосию, печерскимъ чудотворцомъ.

Боже отецъ нашихъ, твори присно с нами по Твоему смотрению, не остави милости Твоя отъ насъ, но тѣхъ молитвами во смирении устрой животь нашъ.

Канонъ, гласъ 8. Пѣснь 1. Ирмосъ: Посѣченныи несѣкомаго пресѣче...

Антонию*:

Отъ младыя версты, преподобне Антоние, великую любовь стяжалъ еси къ Богу, и сего ради плотская възгнания и страсти до конца умертвилъ еси, и чистотою, яко крилы, вперився, къ небесемъ възлетѣлъ еси, Господеву пою: славно бо прославися.

Феодосию*:

Отъ чрева материя прилѣпився Богу, преподобне, яко премудрыи Павелъ и пророкъ древле Иеремия, тѣмже божественныя благодать устнами, Феодосие, Божияго слугу нарече, поюща Ему: славно бо прославися.

Троицен*:

Господоначальную Троицу, Отца безначална и Сына соприсносущна и Духа Святаго, безплотное естество херувимское немолчными пѣнии Тя славословяты, // (л. 839 об.) имже, сревнуя, первоначальники в Руси Антоние и Феодосие поютъ: славно бо прославися.

И нынѣ, богородичен:

Отъ Твоихъ пречистыхъ ложеснъ нашествиемъ Святаго Духа, Дево Всечистая, воплотитися Божие Слово изволи, просвѣти богоразумиемъ преподобныхъ отецъ Антония и Феодосия въ словенѣхъ и лику ангельску совокупи, предстоя, вопити Господеву, поемъ: славно бо прославися.

Пѣснь 3. Ирмосъ: Утвержеи рукою своею...

Антонию*:

Предзрѣвъ будущая воздания, тѣмже и здѣ маловременная, яко не суща оставилъ еси, сего ради сугубая воздания приялъ еси, преподобне, тѣмже со ангелы непрестанно поеши Владыку своего.

Феодосию*:

Утверждшему небо стопамъ послѣдовавъ, в пещерѣ затворися, в нейже побѣдилъ еси полки бѣсовския, отче, силою божественою направляемъ и укрѣпляемъ.

Слава*:

Реченными непрестанными гласы шестокрилатая животная серафимъ Господа превозносятся, к нимже духомъ // (л. 840) зряще, Антоние и Феодосие богومудрии, молитвѣ Святыю Троицу дати крѣпость царю нашему.

И нынѣ, богородичен:

Отъ чреслъ царскихъ корень, всѣхъ Царь, яко сущу возлюбивъ, вышшу херувимъ и серафимъ показа Весь, Богородице, вселися в Тя, Емуже со отцы преподобными молися, еже вознести рогъ нашъ.

Съдален. Гласъ 4. Подобен: Вознесыися...

Иже отъ Святыя Горы путемъ, ведущимъ тя, Антоние, киевскаго, отче, достигль еси пути, идѣже бѣше угодно Владыцѣ Матери Божии въздвигнутися храму, и тамо церковь пречестну въ славу Богоматере купно со блаженнымъ Феодосиемъ въздвигнули есте, тѣмже вси с нимъ почитаемъ.

Пѣснь 4. Ирмосъ: Услышахъ, Господи, яко неизреченнымъ...

Антонию*:

Не устраши тебе, преподобне, долгота жестокаго пути, и ниже тамо разбойническаго шшества убояся, тѣмже Святую Гору достигъ, иже тамо со отцы взываеши Христе: слава силъ Твоей.

Феодосию*:

Душу очистивъ и умъ // (л. 840 об.) безстрастиемъ, выну Бого зря, иго Христово понесе, бывъ послушливъ великому Антонию, отъ негоже научився, всѣхъ научилъ еси воспѣвати Христу: слава силъ Твоей.

Слава, троичен*:

Иже во единомъ существѣ Троицу ангельская вся воинства трисвятыми пѣснями Тя восхваляютъ, Антонии же, приимъ благословение отъ Святыя Горы, в Русию пришедъ, первый инокомъ наставникъ показася, с нимиже поя: Христе, слава силъ Твоей.

И нынѣ, богородичен*:

Превышши бысть вышнихъ силъ, Богоблагодатная Мати, заченши Слово, иже вся словомъ Сотворшаго и отъ Отца прежде вѣкъ рождшася неизреченно, Емуже, Чистая, со отцы о насъ помолися, поющихъ: Христе, слава силъ Твоей.

Пѣснь 5. Ирмосъ: Утренюетъ Духъ мой к Тебѣ, Христе...

Антонию*:

Церковный домъ Пресвятаго Духа, отче Антоние, былъ еси, различными добродѣтелями украшенъ бывъ, смириемъ горную высоту наслѣдовавъ и нищетою небесное богатство приять. // (л. 841)

Феодосию*:

Тя, Антонии преблаженный, отче Феодосие, обрѣте, яко непорочно агня, вручаетъ ти стадо словесныхъ овецъ, еже и умножисте, направить на путь Божия хотѣния, в небесная пребывания.

Слава*:

Господи, прежде всѣхъ еси сый Отецъ, и собезначална имаша Своего Сына, и равночестенъ нося Духъ жизни, Троицу являеши нераздѣлну молитвами богоносныхъ угодникъ Твоихъ Антония и Феодосия, помилуй насъ.

И нынѣ, богородичен*:

Изъ Девическия утробы воплощся на спасение наше, и отъ иконы, якоже отъ утробы, точащи исцѣления неоскудныя благодати притѣкающимъ въ божественны храмъ Пречистыя Твоя Матере молитвами угодникъ Твоихъ.

Пѣснь 6. Ирмосъ: Якоже пророка избави...

Антонию*:

Нынѣ священное тѣло твое, преподобне, в пещерѣ лежащо, исцѣления многа источаетъ вѣрою приходящимъ, тѣмже молимъ тя подати имъ и душевное здравие, тебе славящихъ.

Феодосию*:

Велику отъ Бога власть приемъ, блаженне, множество // (л. 841 об.) лукавыхъ бѣсовъ отъ ограды отгналъ еси, и сихъ озлобления исцѣляя вся, иже вѣрою к тебѣ притѣкающая.

Слава*:

О градѣ Псковѣ, Антоние богомудре, аще и не знаше его в житии, но послѣди духомъ предстатель скоръ явися с новопечернымъ Корнилиемъ и с прочими святыми, о людскихъ согрѣшенияхъ прилѣжно моляще Владычицу, Троицѣ предстояще, отъ иноплеменикъ всѣхъ насъ защитиста.

И нынѣ, богородичен*:

Родила еси неизреченно воистинну сущаго Бога, иже вся сотворшаго и содержаща, Егоже, Владычице, со отцы печерскими о насъ умоли плоды спасительныя намъ возрастити.

Кондак, гласъ 4. Подобен: Вознесыися...

Отцемъ Святыя Горы сожитель бывъ, отче Антоние, и тѣхъ стопамъ послѣдуя, благословение в Русию принесе, восприемъ богомудраго Феодосия въ Богомъ знаменитую лавру, первоначальницы въ словенѣхъ инокомъ и всѣмъ преподобнымъ сообщница явистеся, с нимиже и в вышнихъ ликующе и Христа воспѣвающе, о всѣхъ насъ // (л. 842) умолите.

Икосъ.

Отъ востока, мысленнаго Солнца, Христа, яко свѣтозарная луча, возсиявша, мрачную страну на западѣ людей своихъ просвѣтивша свѣтлостію словесъ и добродѣтелей дѣяниемъ, и яко звѣзды пресвѣтлыя в нощи богоразумия ликъ богоносныхъ отецъ, ясно в словенѣстѣй земли нынѣ сияющихъ чюдеса богоразумия во обителѣхъ Пречистыя Богородицы, и якоже Моисея и Аарона огненнымъ столпомъ наставляя водити Израиля, сице и сей новыи Израиль приводити Господеви, Антония дивнаго и Феодосия всеизряднаго, с нимиже в небесныхъ селенияхъ ликующе о всѣхъ насъ Христа умолите.

Пѣснь 7. Ирмосъ: Основавыи землю в начатцѣ...

Антонию*:

Отъ велика Трудополжника и ревнителя твоего жития, преподобне Антоние, Феодосия блаженнаго стяжалъ еси, иже ангельскому житію послѣдующа, с нимже в вышнихъ водворяешися, насъ поминай.

Феодосию*:

Свѣта насыщающа // (л. 842 об.) трисолнечнаго, отче Феодосие, блаженному Антонию во благихъ дѣлехъ, яко маслина плодovита, сожительствовавъ, и со иже с вами, в добродѣтеляхъ просиявшими, насъ поминайте.

Слава*:

Ревностию распалаеми, Антоние и Феодосие блаженнии, молитесь о стадѣ вашемъ Всесвятую Троицу, единосущную неодолимую державу и нераздѣлимое царство, глаголюще: благословенъ еси на престолѣ царствия Твоего, Боже отецъ нашихъ.

И нынѣ, богородичен:

Се разумѣ боговидецъ Моисей, ис купины слышавъ Господа глаголюща, прообразуя таинство Рождества Твоего, здѣ же паки надъ пещерою назнаменуящи быти храмъ Твой в горѣ, Богородице, слышахуся гласы ангельски, благочинно поющихъ: благословенъ еси въ церкви славы Твоея, Господи.

Пѣснь 8. Ирмосъ: Покрываяи водами превыспрення Своя...**Антонию*:**

Великого Антония житию всячески поревновати потщался еси, онъ бо в пустыни единъ вселися, ты же в пещерѣ // (л. 843) единого себе затвори и многими лѣты, отче, неисходенъ пребылъ еси, поя Содѣтеля всѣмъ во вѣки.

Феодосию*:

Съ Феодосиемъ первымъ общежителемъ в Руси Марка перваго пещерника, иже в Киевѣ мертвымъ чудодѣйственника, с ними же и другаго тезоименна почтемъ, тайно житие в пещерѣ ливоньстѣй поживша, духомъ купно совокупльшася, поюща Содѣтеля всѣмъ во вѣки.

Слава:

Иже всѣмъ благимъ виновна пресущественая Святая Троица, молитвами преподобныхъ отецъ, иже в Росии в горахъ в пещерныхъ трудолюбнымъ житиемъ и постомъ просиявшихъ, благоволи всегда о насъ пѣти Тя Содѣтеля всѣмъ во вѣки.

И нынѣ, богородичен:

Како прообразоваше пещь Твое Рождество, Всенепорочная, и отрокъ не опали, также и во обители Твоей Богомъ зданныя пещеры мужъ етеръ огонь зря издалеча и предваривъ, видѣ неопалему ничѣмъ, и дивяся, глаголя, зовыи, яко Дѣтелю // (л. 843 об.) всѣмъ во вѣки.

Пѣснь 9. Ирмосъ: Благословенъ Господь Богъ Израилевъ...

Якоже древле Иона, проповѣдавъ Ниневии покаяние, бѣжа в Фарсисъ, тезоименитыи же сему прелести латыньския бѣжа и в пещеру вселися, якоже ты, отче, благословение приемъ отъ Святыя Горы, сей же трудолюбезнѣ ископавъ храмъ в горѣ и благословение приять отъ святителя Великаго Новаграда на освящение церкви Богородицы, Еяже молитвами исцѣление всѣмъ источаются неоскудно.

Корнилию*:

Древнему Корнилию тезоименитыи молитвами же и милостынею подражателъ бывъ, церквамъ и обители пещерския строитель, многимъ же инокомъ наставникъ и апостоломъ сообщникъ, люди иноязычныя, чюдотворныя къ свѣту богоразумия учениемъ и крещениемъ въ славу Богу приведе, Емуже о стадѣ своемъ, блаженне, молися.

Слава:

О Троичная версто, апостоломъ // (л. 844) сопредстолникъ, Корнилие всеблаженне, спослѣдствуя благоустроениемъ и общежителству богомудраго Феодосия, великому же Антонию послѣшникъ в молитвѣ о градѣ Псковѣ, нынѣ же молимъ вы, милостивно око прострите ко Святѣй Троицѣ, яко отцы чадолюбивии, о насъ чадѣхъ своихъ.

И нынѣ, богородичен:

Иже ко святѣй и чудотворнѣй иконѣ пречестнаго Твоего успения, Богородице, притѣкающимъ, якоже солнечныя луча исцѣления простирая и отъ нахождения иновѣрныхъ молитвами преподобныхъ градъ Псковъ и стадо Свое сохрани, Владычице, благовѣрному же царю нашему здравие и на супостаты побѣды даруй и душамъ спасение, да ты со отцы вѣроу ублажаемъ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Помимо указанного канон сохранился и в более поздних списках XVIII века, установленных В. И. Охотниковой [6: 114]. Рукопись ГИМ. Син. 850 содержит тексты разнообразного содержания. В частности, опубликованный Н. С. Демковой древнейший список Украшенной редакции Повести о Марфе и Марии [2], из памятников псковского происхождения – Повесть о Довмонте средней редакции [5: 462, 475–479], гимнографические сочинения Максима Грека [4: 285], возможно, одно из сочинений Мелетия Сирига, посвященное Киево-Печерским святым (см.: [1]) и другие.

² Серебрянский Н. И. Псковский канон преп. Антонию и Феодосию Киево-Печерским с добавлением стихов Псково-печерским подвижникам // Труды Псковского Церковного Историко-Археологического комитета. Псков, 1910. Т. 1. С. 135, 137–138. Свою заметку Н. И. Серебрянский сопроводил публикацией отдельных тропарей канона, отражающих его псковское происхождение. См.: Там же. С. 140–141.

³ Там же. С. 138–139.

⁴ См. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / Подгот. текста и статьи В. И. Малышева. М.; Л., 1952. С. 112–113.

- ⁵ Серебрянский Н. И. Псковский канон... С. 137.
- ⁶ См., например: Минея общая. М., 1600. Л. 72 об.; Устав 1494 г. РНБ. Солов. 1128/1237. Л. 95–95 об., 108 об., 112
- ⁷ РГБ. Ф. 304/1. № 617, XV века. Л. 155–162; РГБ. Ф. 37. Собрание рукописных книг Т. Ф. Большакова, № 181, пер. четв. XVI века. Л. 338–343; РГБ. Ф. 304/1. № 624, XVI или нач. XVII века. Л. 392–401.
- ⁸ О канонах см.: [8: 47–55, 62–69]. О редакции службы см.: [9].
- ⁹ Каноны Антонию Печерскому цитируются по списку XVI или нач. XVII века РГБ. Ф. 304/1. № 624. Л. 391–400 об.; каноны Феодосию Печерскому цитируются по списку втор. четв. XV века РГБ. Ф. 218. Собрание Отдела рукописей, № 1933. Л. 224 об.–232. Отметим, что списки службы Феодосию, близкие ко времени создания Псковского канона, то есть датируемые концом XVI или началом XVII века, не содержат существенных разночтений относительно цитируемого.
- ¹⁰ Цит. по: РГБ. Ф. 304/1. № 624. Л. 401, 391.
- ¹¹ Цит. по: РГБ. Ф. 218. № 1933. Л. 232 об.
- ¹² Цит. по: Там же. Л. 225, 229–229 об.
- ¹³ Цит. по: РГБ. Ф. 304/1. № 617. Л. 157, 160.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова Т. С. Церковнославянский перевод греческой службы Киево-Печерским святым Мелетия Сирига по рукописному источнику XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 67–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.754
- Демкова Н. С. «Повесть о Марфе и Марии» («Сказание об Унженском кресте») и ее переделки в 17 веке // Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретация, источники. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 103–121.
- Духанина А. В. Пахомий Логофет // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 55. С. 158–190.
- Казимова Г. А. «Канон молебен к божественному и покланяемому Параклиту» преподобного Максима Грека: к вопросу об атрибуции и функциональной трансформации // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005). М.: Древлехранилище, 2006. С. 281–294.
- Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 1. Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. 576 с.
- Охотникова В. И. Корнилий, прмч. // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 38. С. 110–114.
- Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. № 820–1051. 163 с.
- Шереметов Н. А. Каноны преподобному Феодосию Печерскому в службе на преставление святого (3 мая) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 67 / Отв. ред. Н. В. Понырков. СПб.: Наука, 2020. С. 36–73.
- Шереметов Н. А. Феодосий, прп., игум., Киево-Печерский. Гимнография // Православная энциклопедия. М., 2023. Т. 71. С. 415–418.

Поступила в редакцию 28.11.2024; принята к публикации 02.06.2025

Original article

Nikita A. Sheremetov, Junior Researcher, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9042-8486; nikita2631@mail.ru

PSKOV CANON TO ST. ANTHONY AND ST. THEODOSIUS OF THE CAVES AND ITS SOURCES

Abstract. The article explores a little-studied work of Pskov hymnography – the canon dedicated to St. Anthony and St. Theodosius of the Caves, together with the Venerable Fathers of the Pskov Caves – discovered by N. I. Serebryansky in a mid-seventeenth-century manuscript (Synodal Manuscript Collection of the State Historical Museum, manuscript No 850). According to Serebryansky's hypothesis, the canon originated at the Pskov Monastery of the Caves shortly after the 1851 siege of Pskov by Stephen Báthory's forces. This event is closely connected to the legend of the intercession for the city by the Holy Theotokos, St. Anthony of the Caves, and other saints. An examination of the hymnographic sources underlying the canon indicates that its foundation is rooted in established liturgical texts from the service to St. Anthony of the Caves by Pachomius the Logothete, and the service to St. Theodosius of the Caves dating no later than the second quarter of the XV century. However, the borrowed hymns were not simply recomposed; some of them exhibit signs of creative reworking, which, along with the inclusion of original sections dedicated to locally venerated saints of the Pskov Caves, reflects the work of an independent author.

Key words: hymnography, canon, Pskov, Anthony of the Caves, Theodosius of the Caves

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation grant No 22-18-00174 (<https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences).

For citation: Sheremetov, N. A. Pskov canon to St. Anthony and St. Theodosius of the Caves and its sources. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):110–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1240

REFERENCES

1. Borisova, T. S. Church Slavonic translation of the Greek service dedicated to the Kyivan Caves Saints by Meletios Syrigos based on the manuscript source of the XVII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):67–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.754 (In Russ.)
2. Demkova, N. S. “A Tale of Marfa and Maria” (“A Tale of the Unzha Cross”) and its transformations in the XVII century. *Medieval Russian literature: Poetics, interpretations, sources*. St. Petersburg, 1997. P. 103–121. (In Russ.)
3. Duhanina, A. V. Pachomius the Logothete. *Eastern Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2019. Vol. 55. P. 158–190. (In Russ.)
4. Kazimova, G. A. “The Canon Prayer to Divine and Worshipped Paraclete” by St. Maximus the Greek: on the attribution and functional transformation. *Linguistic source studies and history of the Russian language (2004–2005)*. Moscow, 2006. P. 281–294. (In Russ.)
5. Okhotnikova, V. I. Pskov Hagiography of the XIV–XVII centuries: Studies and texts. Vol. 1. The lives of Holy Princes Vsevolod (Gabriel) and Timotheus (Dovmont). St. Petersburg, 2007. 576 p. (In Russ.)
6. Okhotnikova, V. I. Cornelius, Hieromartyr. *Eastern Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2015. Vol. 38. P. 110–114. (In Russ.)
7. Protasyeva, T. N. Description of manuscripts of the Synodal Collection (not included into the description made by A. V. Gorsky and K. I. Nevostruev). Moscow, 1973. Part 2. No 820–1051. 163 p. (In Russ.)
8. Sheremetov, N. A. Canons to St. Theodosius of the Caves in the Service for the Feast of His Repose (3 May). *Works of the Department of Ancient Russian Literature*. Vol. 67. (N. V. Ponyrko, Ed.). St. Petersburg, 2020. P. 36–73. (In Russ.)
9. Sheremetov, N. A. St. Theodosius, Venerable Father of the Kyiv Caves. Hymnography. *Eastern Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2023. Vol. 71. P. 415–418. (In Russ.)

Received: 28 November 2024; accepted: 2 June 2025

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЗАХАРОВ

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
vnz01@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЯ КАК НАУКА, ПОЭЗИЯ И ТВОРЧЕСТВО: К 85-ЛЕТИЮ ТАТЬЯНЫ ГЕОРГИЕВНЫ МАЛЬЧУКОВОЙ

А н н о т а ц и я . Татьяна Георгиевна Мальчукова оставила глубокий след в истории Петрозаводского государственного университета. Предметом ее исследований и преподавания были античность и русская филология. Она придавала ключевое значение изучению классических языков и античной поэзии в университетском филологическом образовании, настаивала на обучении филологов, особенно русистов, по двум специальностям – обязательно на основе классических языков. В ее деятельности лежит убеждение, что филология является и поэзией, и наукой, и творчеством. Она сама была поэтом. Поэзия не только стихи, но прежде всего состояние души, воодушевление, вдохновение. Она исходила из органичности исторического перехода античности к христианству, из факта, что античность вобрала в себя Благую Весть (Евангелие). Благодаря ее деятельности Петрозаводский университет стал по-настоящему классическим университетом. В его составе сложились не только традиционные университетские факультеты и институты, но и появилась кафедра классической филологии, на которой учат древним языкам и изучают античность.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Татьяна Георгиевна Мальчукова, филология, наука, творчество, классическая филология, классическое образование, герменевтика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Захаров В. Н. Филология как наука, поэзия и творчество: к 85-летию Татьяны Георгиевны Мальчуковой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 118–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1241

«Филология как наука и творчество» – так Татьяна Георгиевна Мальчукова назвала одну из своих книг [4]. Это ясное и лаконичное определение ее концепции филологии: она и наука, и творчество, наука как творчество, творчество как наука. Два слова, две идеи, две категории исчерпывающе выражают формулу жизни и судьбы ученого.

В 1962 году кафедре русской и зарубежной литературы Петрозаводского государственного университета несказанно повезло. На кафедру поступили два молодых преподавателя, выпускники Ленинградского университета, семейная пара – Татьяна Георгиевна и Лев Иванович Мальчуковы. Курсы зарубежной литературы обрели невиданную стабильность: более пятидесяти лет оба Мальчуковых делили их пополам: Татьяна Георгиевна читала от Гомера и до Шекспира, Лев Иванович – от Возрождения до модернизма и постмодернизма. Оба читали зарубежных авторов в контексте русской классики. Несмотря на то, что между Гомером, Шекспиром, Пуш-

киным и Достоевским пролегли тысячелетия и столетия, в русской словесности они сжимались до десятилетий. Татьяна Георгиевна много внимания уделяла методике преподавания общих и специальных курсов, ведению практических занятий, готовила методические указания, пособия по курсам специалитета, книги для учителей.

Я впервые увидел Татьяну Георгиевну осенью 1966 года, когда нас, семнадцатилетних школьников, пригласили в актовый зал университета. Сказав, что мы поступили в университет старшеклассников и можем посещать университетские лекции, нас тут же развели по аудиториям. Филологам досталась 407-я аудитория, в то время она была в два раза больше, чем сейчас. В набитую школьниками аудиторию вошла юная Татьяна Георгиевна. Мы не сразу признали в ней преподавателя, но вскоре догадались: она властно навела порядок, удалила из аудитории юношу, который живо любезничал с девушками; воцарилась тишина – и многие, наверное, впервые услышали «звуки божественной

эллинской речи»: Татьяна Георгиевна вдохновенно декламировала на древнегреческом языке начало «Илиады» Гомера, рассказывала о Троянской войне, о мифах, о богах и героях, слушатели незримо перенеслись в волшебный мир Эллады.

В свое время, когда вышла книга Сергея Сергеевича Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы» [1], мы старались особо подчеркнуть свое посвящение в эзопов язык и изысканную терминологию автора: «ранневизантийский» на самом деле следует читать «раннехристианский» – в этом смысл правильного понимания названия книги.

В отличие от многих коллег, Татьяна Георгиевна не разделяла античность на языческую и христианскую, а всегда подчеркивала органическую преемственность в развитии философии, поэзии, религии. Античность естественно вобрала в себя Благоую Весть, Евангелие знаменует переход от античности к христианству.

Рассматривая античные и христианские традиции, темы, мотивы, сюжеты, жанры у Пушкина и Достоевского, поэтов XVIII–XX веков, Татьяна Георгиевна всегда находила следы этого мощного культурно-исторического перехода от античности к христианству.

В 1994 году, спустя год после нашей эпохальной конференции «Евангельский текст в русской литературе», случившейся в Духов день 1993 года [5], профессор Юстейн Бёртнес пригласил к себе в университет Бергена (Норвегия) избранный круг участников прошлогоднего симпозиума [7]. Прослушав стихи Пушкина в исполнении Татьяны Георгиевны, он восхищенно воскликнул: «На небосводе мировой русистики возшла новая звезда – Татьяна Георгиевна Мальчукова».

Мы это давно знали. Татьяна Георгиевна не декламировала стихи, не разыгрывала их по ролям, как это обычно делают актеры, – она жила стихиями языка, воодушевлялась поэзией, словами и Словом. Так читали стихи Пушкин и Достоевский, так вдохновлялась ими Татьяна Георгиевна.

На карельском радио работал замечательный журналист Николай Исаев. Он годами записывал передачи, выступления и лекции Татьяны Георгиевны. Они выходили по воскресным дням, собирали большую аудиторию. Не верю (хотя был слух), что кто-то неразумный и недалекий не так давно приказал стереть эти записи. Давайте попробуем найти их – еще недавно они были в архиве «Радио Карелии». Может быть, и вправду рукописи не горят?

Татьяна Георгиевна училась в Ленинградском университете на двух специальностях: по русскому языку и литературе и по классическим языкам. Училась блестяще. Ее доклад о Блоке на студенческой научной конференции поэт и критик-символист Дмитрий Евгеньевич Максимов назвал «гениальным». Я это слышал от ее сокурсницы Валентины Евгеньевны Ветловской. Татьяна Георгиевна добивалась успеха по всем направлениям, во всех дисциплинах.

Свой опыт она старалась передать студентам. Брала на двойные специальности только тех, кто был готов учиться с энтузиазмом. Потом двойные специальности запретили. Татьяна Георгиевна пыталась сохранить русскую классику, специальные курсы по Пушкину и Достоевскому. Ей удавалось.

То, чему научилась в Ленинградском университете, она воплощала в профессии и профессоруре. Жизнь и судьба Татьяны Георгиевны отрицают бюрократические регламенты образования. Стоит ли удивляться, что из шести студентов-классиков набора 1957 года закончили обучение всего трое, из них двое, Татьяна Георгиевна и Майя Михайловна Кислова, украсили Петрозаводский университет: их достижения оправдали деятельность классического отделения ЛГУ.

Петрозаводский университет стал по-настоящему классическим университетом. В его составе не только сложились традиционные историко-филологический, физико-математический, биологический, медицинский и юридический факультеты, но и появилась кафедра классической филологии.

Беда, что филологов не ценят: сокращают набор, ставки. Тогда упразднили двойные специальности, сейчас сократили кафедру классической филологии. Похоже, Татьяна Георгиевна

обиделась на меня, решила, что я захватил кафедру классической филологии, но это не так. Со мной не согласовывали, о слиянии я узнал позже других. Единственное, что удалось – сохранить в названии кафедры «классическую филологию». Изменится отношение государства к филологам – восстановим и то, что было создано тридцать лет тому назад. Как показывает судьба Татьяны Георгиевны, и один классик в поле воин и победитель.

И в науке, и в жизни, и в творчестве Татьяны Георгиевны начисто отсутствовал провинциализм. Она царила везде: и в студенческой аудитории, и в крестьянской избе во время фольклорной практики студентов, и на светском приеме, и на встречах послов, и в общении с корифеями поэзии и наук. Где она, там и стол, где стол, там и столица.

Может показаться, что я сочиняю панегирик. Меньше всего я хотел бы этого. У каждого из нас свои особенности, может быть, есть и недостатки, но все измеряет дело, которому человек посвятил жизнь. Моя задача – воздать должное.

Татьяна Георгиевна сделала филологию наукой, творчеством, поэзией, вдохновением. Она была поэтом.

Ее академическая жизнь успешна. В античности она познала миф, Гомера, трагедию и комедию, прониклась особенностями поэтики и истории античной и современной эпиграммы, объяснила нюансы их концепций. Она защитила две диссертации. Вторую диссертацию защитила уже после того, как получила звание профессора. Ее профессорские заслуги обогнали научные успехи [6].

После появления на конференциях ее стали узнавать все. В 1972 году в Киеве на юную докладчицу обратили внимание Алексей Федорович Лосев и Аза Алибековна Тахо-Годи, они вовлекли ее в свой круг избранных и званых.

От греческой эпиграммы ее путь пролег к Гомеру и Пушкину, русским поэтам XIX века, а потом – к Достоевскому. Ее перу принадлежат

две концептуальные статьи «Достоевский и Гомер» [2], «Пушкин и Гомер» [3].

В научном поиске ее увлекали миф, Гомер, переводы, интерпретации сочинений античных поэтов.

Герменевтика (прочтение и истолкование) была предпочтительным жанром филологических исследований Татьяны Георгиевны.

В. А. Верину, выпускнику филфака 1972 года, Татьяна Георгиевна сказала, прочитав его дипломную работу о «Городе Градове» Андрея Платонова: «У вас примечания к работе на уровне докторской диссертации». У самой Татьяны Георгиевны примечания к ее статьям – кладезь эрудиции и премудрости: они расходятся до страницы, иногда уходят на вторую.

В тексте каждого автора есть свой код.

Достоевский утаил главное слово в романе «Преступление и Наказание». В романе этого слова нет, оно есть в записных тетрадах:

*«Идея романа
Православное воззрѣніе
въ семь есть Православіе»¹.*

Далее Достоевский растолковывает смысл слова «Православие» в романе и бытии человека и человечества, но в романе об этом должен догадаться читатель.

В Пушкинской речи он произнес другое сокровенное слово:

«Стать настоящимъ русскимъ, стать вполне русскимъ можетъ-быть и значить только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ если хотите»².

Смысл слова в его начертании: «Всечеловек» с прописной буквы – Христос, «всечеловек» со строчной буквы – христианин. Слова являются смыслом. Концепты связывают тезаурус.

Чтобы понимать труды Татьяны Георгиевны, нужно понимать классические языки, Гомера, Евангелие, Пушкина и Достоевского, понимать ее терминологический тезаурус. Учитесь у профессора Мальчуковой. Впереди у нее долгий, надеюсь, вечный путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достоевский Ф. М. Записная тетрадь // РГАЛИ. Ф. 212.1.05. С. <3>.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Ежемесячное издание. Год III-й. Единственный выпуск на 1880. Август. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1880. 44 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 318 с.
2. Мальчукова Т. Г. Достоевский и Гомер: (к постановке проблемы) // Новые аспекты в изучении Достоевского: Сб. науч. тр. / Петрозав. гос. ун-т; Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 1994. С. 3–36.

3. Мальчукова Т. Г. Пушкин и Гомер: (к вопросу о рецензии и рецепции гомеровского эпоса) // Россия и Греция: диалоги культур: Материалы I междунар. конф. / Петрозав. гос. ун-т. Петрозаводск, 2006. Ч. 1. С. 5–68.
4. Мальчукова Т. Г. Филология как наука и творчество / Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию, Петрозав. гос. ун-т. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1995. 334 с.
5. Проблемы исторической поэтики: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр. Вып. 1. 387 с.
6. Татьяна Георгиевна Мальчукова: Библиографический указатель / [Ред.-библиогр.: А. А. Николаева (отв. ред.), Т. П. Немцева; Авт. вступ. ст. А. А. Скоропадская]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. 63, [1] с.
7. Cultural discontinuity and reconstruction: the Byzanto-Slav heritage and the creation of a Russian national literature in the 19th century: summaries of papers to be presented at the conference in Bergen, 8–10 September. 1994 / Organised by J. Bortnes and T. Hagg; The University of Bergen. Bergen, 1994. 20 p.

Поступила в редакцию 13.10.2025; принята к публикации 24.10.2025

Original article

Vladimir N. Zakharov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
vnz01@yandex.ru

PHILOLOGY AS A STUDY, POETRY, AND CREATIVITY: THE 85th ANNIVERSARY OF TATIANA GEORGIEVNA MALCHUKOVA

Abstract. Tatiana Georgievna Malchukova left a deep mark on the history of Petrozavodsk State University. Her research and teaching focused on antiquity and Russian philology. She emphasized the importance of studying classical languages and ancient poetry in university philology education and advocated for the training of philologists, especially Russianists, in two specialties based on classical languages. Her work was driven by the belief that philology is a combination of poetry, research, and creativity. She was a poet herself. Poetry is not only about verses, but also about the state of the soul, inspiration, and enthusiasm. Tatiana Malchukova believed in the organic transition from antiquity to Christianity, and that antiquity encompassed the Gospel. Thanks to her efforts, Petrozavodsk State University became a truly classical university. It not only had traditional university faculties and institutes, but also had a department of classical philology that taught ancient languages and studied antiquity.

Key words: Tatiana Georgievna Malchukova, philology, study, creativity, classical philology, classical education, hermeneutics

For citation: Zakharov, V. N. Philology as a study, poetry, and creativity: the 85th anniversary of Tatiana Georgievna Malchukova. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(7):118–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1241

REFERENCES

1. Averintsev, S. S. Poetics of early Byzantine literature. Moscow, 1977. 318 p. (In Russ.)
2. Malchukova, T. G. Dostoevsky and Homer: (towards the formulation of the problem). *New aspects in the study of Dostoevsky: Collected works*. (V. N. Zakharov, Ed.). Petrozavodsk, 1994. P. 3–36. (In Russ.)
3. Malchukova, T. G. Pushkin and Homer: (on the issue of review and reception of the Homeric epic). *Russia and Greece: dialogues of cultures: Proceedings of the 1st international conference*. Petrozavodsk, 2006. Part 1. P. 5–68. (In Russ.)
4. Malchukova, T. G. Philology as science and creativity. Petrozavodsk, 1995. 334 p. (In Russ.)
5. Problems of historical poetics: Collection of scientific papers. (B. N. Zakharov, Ed.). Petrozavodsk, 1994. Issue 3: The Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quote, reminiscence, plot, motif, genre. Issue 1. 387 p. (In Russ.)
6. Tatiana Georgievna Malchukova: Bibliographic Index. (A. A. Nikolaeva, Ed.). Petrozavodsk, 2016. 63, [1] p. (In Russ.)
7. Cultural discontinuity and reconstruction: the Byzanto-Slav heritage and the creation of a Russian national literature in the 19th century: summaries of papers to be presented at the conference in Bergen, 8–10 September 1994. (J. Bortnes, T. Hagg, Orgs.). Bergen, 1994. 20 p.

Received: 13 October 2025; accepted: 24 October 2025

НАУЧНЫЙ ФОРУМ «НАСЛЕДИЕ А. А. УХТОМСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ»

25–27 сентября 2025 года в г. Ярославле состоялся масштабный научный форум «Наследие А. А. Ухтомского и современность», посвященный 150-летию со дня рождения известного физиолога, академика Академии наук СССР, сформулировавшего законы доминанты и заслуженного собеседника. Организаторами мероприятия выступили Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ) и Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ).

Основные открытия А. А. Ухтомского можно кратко обозначить его же словами:

«...мироощущение предопределяется направлением внутренней активности человека, его доминантами! Каждый видит в мире и людях то, чего искал и чего заслужил. И каждому мир и люди поворачиваются так, как он того заслужил. Это, можно сказать, “закон заслуженного собеседника” <...> Когда люди осуждают других, то тем только обнаруживают своего же, таящегося в себе Двойника: грязному в мыслях все кажется заранее грязным; завистнику и тайному стяжatelyю чудятся и в других стяжатели; эгоист, именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами»¹.

Главным событием форума стала Всероссийская объединенная конференция «Традиционные духовно-нравственные ценности в русской культуре, науке и образовании». В конференции приняли участие более 70 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, Калининграда, Ярославля, Рыбинска, Воронежа, Петрозаводска, Республики Беларусь и др. На пленарном заседании выступили доктора биологических наук из Санкт-Петербурга Л. В. Соколова и А. Г. Марков, рассказав о вкладе Алексея Ухтомского в комплексную науку о человеке. Их речь продолжили московские филологи: профессора А. Н. Ужанков, И. А. Есаулов, В. Г. Андреева представили доклады о духовных основах русской цивилизации, о концептуальном взаимодействии М. М. Бахтина и А. А. Ухтомского, о художественном наследии Льва Толстого в свете закона доминанты, открытого физиологом.

Для гуманитариев деятельность физиолога А. А. Ухтомского оказалась интересной в первую очередь в аксиологическом смысле. Их секции на конференции назывались «Аксиологический и коммуникативный подходы к изучению творчества Ф. М. Достоевского», «Антропологический подход в гуманитарных науках», «Аксиологи-

ческий подход к изучению русской литературы и культуры глазами молодых». Такой принцип исследования был продемонстрирован в докладе одного из организаторов конференции – д. филол. н. проф. ЯрГУ Е. А. Федоровой «Что помогло Подростку в романе Достоевского удержаться на краю пропасти?». Она показала, как Аркадий Долгорукий изначально ушел от заветов совести (по Ухтомскому, совесть – «дальновиднейший из органов сообщения с миром человека»²) и, как следствие, был внутренне расколот. Согласно святоотеческой мысли, поддержанной Ухтомским, «раздвоение – норма»³, так как сам процесс ведет к обнаружению в себе греха, с которым нужно бороться. Итогом этой борьбы в Подростке становится свободный личностный выбор, помогающий ему преодолеть в себе Двойника и выйти к «заслуженному собеседнику».

Доклады делегации из ПетрГУ были посвящены традиционным ценностям – устойчивым культурным, нравственным и духовным нормам, передаваемым из поколения в поколение, – и предназначались в первую очередь для присутствующей на конференции молодежи. И. С. Андрианова (доцент ПетрГУ) в докладе «Зачем женщине муж? Семейные ценности А. Г. Достоевской» напомнила слушателям о традиционных основах брака, создав этический портрет жены Достоевского. Целью его составления являлось освещение актуальных проблем современной семьи: «У современной женщины больше не стоит острый вопрос о выживании, как ранее, а значит, и необходимость в постоянном партнере, возможно, тоже отсутствует». Такую неприглядную, оскудевшую реальность фиксировал еще А. А. Ухтомский в письме от 3 апреля 1927 года к Е. И. Бронштейн-Шур: «...люди проживают целую жизнь вместе как муж и жена, до конца оставаясь совершенно отдельными, чуждыми, замкнутыми, загадочными друг для друга существами»⁴. Образ супруги Достоевского был выбран в качестве примера, иллюстрирующего добродетели, которые «базируются на любви, верности, заботе и поддержке» мужа.

Доклад Д. Д. Бучневой (мл. науч. сотр. Управления научных исследований ПетрГУ) освещал традиционные ценности, утверждавшиеся на страницах журнала «Эпоха», в критических работах Н. И. Соловьева и его переписке с Ф. М. Достоев-

ским: любовь, семейные отношения, воспитание детей, гуманность, человеческое достоинство, народность и милосердие.

Ю. Д. Зирка (редактор Международного центра изучения Достоевского ПетрГУ) рассуждала о «любви как аксиологическом аспекте православного мировоззрения в романе Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”». Эту любовь проявляет Соня Мармеладова, «являющая собой желание жертвенного служения и благодатного смирения перед обстоянием». Ее любовь дает надежду Раскольникову на новую жизнь через «борение в себе ненависти» и «глубокое почитание заповедей».

Остальные представители ПетрГУ знакомы с творчеством поэтов и писателей, посвятивших годы жизни и свои произведения Карелии: Н. Л. Шилова «Образ монастырского сада в “сортавальском цикле”» Б. А. Ахмадулиной; А. О. Лисков «Образ интеллигента в прозе

Л. Я. Резникова»; Д. А. Спеллер «Опыт переоценки ценностей в романе Юрия Линника “В поисках Шамбалы”». Доклад Д. А. Спеллера по итогам отзывов слушателей был признан лучшим среди выступлений молодых исследователей.

Рассмотрение традиционных духовно-нравственных ценностей сквозь призму классической литературы и философско-психологических теорий формирует представление о динамике аксиологических структур, помогает понять путь духовного совершенствования – по лестнице к высшей добродетели.

Научный форум и конференция, посвященные А. А. Ухтомскому, были поддержаны Президентским фондом культурных инициатив. В проекте «Доминанта души, или Искусство быть Человеком (А. А. Ухтомский и Ф. М. Достоевский о традиционных ценностях)» (ПФКИ 25-2-009232), реализуемом в 2025–2026 годах, принимают участие представители ЯрГУ, НовГУ и ПетрГУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ухтомский А. Доминанта. СПб. и др.: Питер, 2002. С. 355, 363.

² Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Русский физиологический журнал. 1923. Т. 6. С. 40–41.

³ Добротолубие в русском переводе: В 5 т. М., 1895. Т. 2. С. 193.

⁴ Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петерб. писатель, 1996. С. 251.

И. С. Андрианова, к. филол. н.,
доцент кафедры классической филологии,
русской литературы и журналистики,
директор Международного центра изучения Достоевского ПетрГУ
(Петрозаводск, Российская Федерация)
yarysheva@yandex.ru

Ю. Д. Зирка,
редактор Международного центра изучения Достоевского ПетрГУ
(Петрозаводск, Российская Федерация)
juliazirkaa@gmail.com

Поступила в редакцию 30.09.2025; принята к публикации 10.10.2025

Scientific information

Irina S. Andrianova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Director, International Center for Dostoevsky Studies, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
yarysheva@yandex.ru

Yulia D. Zirka, Editor, International Center for Dostoevsky Studies, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
juliazirkaa@gmail.com

SCIENTIFIC FORUM “LEGACY OF A. A. UKHTOMSKY AND THE MODERN TIMES”

Received: 30 September 2025; accepted: 10 October 2025

CONTENTS

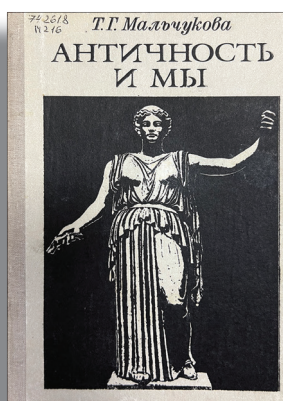
Editorial note	7	<i>Karakin Ye. V.</i>	NOMINATIONS OF A POCKMARKED PERSON IN THE KARELIAN LANGUAGE	72
RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA		THEORETICAL, APPLIED, AND CONTRASTIVE LINGUISTICS		
<i>Bekasova E. N.</i>		<i>Vered V. T.</i>	IMPERSONAL CONSTRUCTIONS AS A RE- FLECTION OF LINGUISTIC WORLDVIEW	77
STUDYING HETEROGENEITY OF THE SYS- TEM OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF BAUDOUIN DE COURTENAY'S THEORY OF ALTERNATIONS	8	<i>Gao M.</i>	PAREMIAS WITH CHRONONYM COMPO- NENTS IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL RUSSIAN FESTIVALS: A LINGUOCULTURAL ANALYSIS	83
<i>Kyurshunova I. A., Soboleva A. G.</i>		<i>Mukhin N. A.</i>	INFLUENCE OF POLYGENRE NATURE ON TRANSLATION OF MEMOIRS	90
IVAN DUROV'S DICTIONARY AS A SOURCE FOR STUDYING RUSSIAN GAME VOCABU- LARY	14	RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION		
<i>Patroeva N. V., Pashkova T. V.</i>		<i>Pigin A. V.</i>	BOOK AND MANUSCRIPT COLLECTION OF THE OLONETS NATURAL-INDUSTRIAL AND HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC MUSEUM	97
PARTICLES IN THE LUDIC DIALECT OF THE KARELIAN LANGUAGE: SEMANTICS AND CLASSIFICATION	24	<i>Sheremetov N. A.</i>	PSKOV CANON TO ST. ANTHONY AND ST. THEODOSIUS OF THE CAVES AND ITS SOURCES	110
<i>Rudnev D. V.</i>		Memory		
GLOSSING IN DOCUMENTARY TEXTS OF PETER THE GREAT'S ERA	28	<i>Zakharov V. N.</i>	PHILOLOGY AS A STUDY, POETRY, AND CREATIVITY: THE 85TH ANNIVERSARY OF TATIANA GEORGIEVNA MALCHUKOVA	118
<i>Vasilenko A. G.</i>		Scientific information		
FUNCTIONAL PECULIARITIES OF COLLO- QUIAL PHRASEOLOGY AND PAREMIOLOGY IN YURI TRIFONOV'S NOVEL <i>THE HOUSE ON THE EMBANKMENT</i>	37	<i>Andrianova I. S., Zirka Yu. D.</i>	SCIENTIFIC FORUM "LEGACY OF A. A. UKH- TOMSKY AND THE MODERN TIMES"	122
<i>Dyachkova I. N.</i>				
KOLOTOE KOPYTO: ON THE SEMANTIC AND MOTIVATIONAL RECONSTRUCTION OF A NORTHERN RUSSIAN DIALECTAL NOMI- NATION	44			
<i>Kazakovtseva O. S.</i>				
EPITHETS IN THE LYRIC POETRY OF FEOFAN PROKOPOVICH	51			
<i>Semenova O. V.</i>				
ON THE SPELLING OF PARTICLE <i>TAKI</i> IN THE RUSSIAN LANGUAGE	57			
<i>Rozhkova A. V.</i>				
RHETORICAL FIGURES IN FEOFAN PROKO- POVICH'S SERMON "REVELATION OF THE GREAT ANTICHRIST WHO WAS PROPHESED BEFORE IN THE WORDS OF GOD AND CAME INTO THIS WORLD LONG AGO"	65			

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА МАЛЬЧУКОВА: библиографический указатель

В библиографическом указателе представлен перечень печатных работ профессора, доктора филологических наук, заведующей кафедрой классической филологии ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет» Татьяны Георгиевны Мальчуковой, опубликованных с 1965 по 2015 год. Издание содержит хронологический перечень трудов, именной указатель, указатель заглавий трудов, указатель редакторских работ.

Татьяна Георгиевна Мальчукова : библиографический указатель / [ред.-библиогр.: А. А. Николаева (отв. ред.), Т. П. Немцева ; авт. вступ. ст. А. А. Скоропадская] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2016. – 63 с. – (Библиография трудов ученых ПетрГУ).

Т. Г. Мальчукова АНТИЧНОСТЬ И МЫ

Книга написана в помощь преподающим и изучающим литературу в средней и высшей школе. Она содержит разработку уроков по гомеровскому эпосу, а также анализ ряда программных стихотворений А. С. Пушкина («Пророк», «Воспоминание», «Памятник») в свете традиции. Общий очерк «Античность и мы» вводит читателя в основные проблемы истории литературной культуры.

Мальчукова Т. Г. Античность и мы: Книга для учителя. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 245 с.

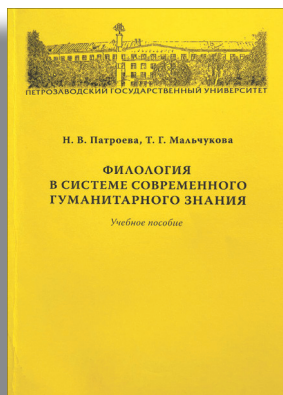

Т. Г. Мальчукова СЕВЕРНАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Книга представляет собой первый опыт исследования названной темы. В первой главе дается обзор северных мотивов в поэзии предшественников и современников Пушкина. Анализ воплощения северной темы в творчестве поэта составляет основную – вторую часть монографии. В третьей главе рассматриваются поэтические тексты, посвященные временам года в творчестве Пушкина и других русских поэтов. Заключение подводит итоги исследования.

Книга адресована студентам-филологам, преподавателям средней и высшей школы.

Мальчукова Т. Г. Северная тема в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века / Т. Г. Мальчукова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. – 264 с.

Н. В. Патроева, Т. Г. Мальчукова ФИЛОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В учебном пособии рассматриваются основные направления в развитии современной филологической науки, сложившиеся в рамках антропологической парадигмы новейшего языкознания, представленной такими областями исследований, как когнитивная лингвистика, коммуникативный синтаксис, прагматическая лингвистика, функциональная грамматика, социолингвистика, психолингвистика, гендерная лингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, прикладная лингвистика, лингвистика текста.

Издание адресовано обучающимся в магистратуре по направлению «Филология», аспирантам и преподавателям вузов.

Патроева, Наталья Викторовна. Филология в системе современного гуманитарного знания : учебное пособие / Н. В. Патроева, Т. Г. Мальчукова ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2020. – 100 с.

